

Секция 5. Психология материнства и отцовства. Телемост «Москва-Екатеринбург»

Основные направления исследования проблемы отцовства в психологии

Архиреева Т.В.

НовГУ им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия

tarxireeva@mail.ru

Ключевые слова: отцовство, гендерный подход, личностный подход, детерминанты отцовства

Семья является объектом исследования нескольких отраслей психологии, причем каждая рассматривает семью в интересующем ее аспекте. С развитием психологии семьи как междисциплинарной области оформляются собственно семейные феномены как объекты исследования: родительство (материнство, отцовство), супружество, семейное воспитание. Как отмечает Т.П. Гаврилова [5], психология семьи как область научных исследований в нашей стране складывается на протяжении последних десятилетий лет, начиная с 80-х годов прошлого века. Это небольшой срок, за это время очень многое сделано, но все же многие вопросы психологии семьи остаются неисследованными. К таким малоисследованным вопросам относится и психология отцовства, хотя в последние годы интерес к ней значительно вырос.

Актуальность данной проблемы состоит в том, что в теоретическом плане пока еще нет концепции отцовства, а также недостаточно эмпирических фактов, позволяющих делать какие-либо серьезные заключения в данной области знаний. Психология, как отечественная, так и зарубежная, вообще долгое время не изучала отцов. Одной из причин такого положения на Западе являлась принятая точка зрения, что они менее важны, чем матери для развития детей. Основные теории – психоанализ,

теория привязанности, соответствовали традиционному представлению об отстраненном отце. Большое влияние на западных психологов оказала теория раннего социального развития Зигмунда Фрейда, в которой он говорит о главной роли матери в развитии младенца, а отцы имеют значение только в более поздний период детства, в связи с этим представлением отцов не изучали. Сходные идеи о роли отца были представлены и в более поздних работах основоположников теории привязанности – Д. Боулби и М. Эйнсворт, которые утверждали, что для нормального развития ребенка необходима сформированная безопасная привязанность к одному человеку, которым должна быть мать или лицо ее заменяющее[4].

Отечественные психологи так же долгое время не занимались данной проблемой. Возможно, это связано с социальной ситуацией воспитания ребенка в семье. Изменение в структуре семейного воспитания в 20м веке были проанализированы Б.И. Кочубеем в книге «Мужчина и ребенок»[14]. Автор показал, что разрушение патриархальной семьи привело к тому, что в нашей стране воспитание превратилось в дело женщин, отцам отводилась второстепенная роль. С этой точкой зрения согласен и И.С. Кон [13]. Он обратил внимание на то, что социологи и педагоги всего мира забили тревогу по поводу кризиса отцовства. И.С. Кон полагает, что кризис отцовства можно рассматривать в трех автономных контекстах. Во-первых, как кризис семьи. В этом контексте в центре внимания оказываются такие явления как нестабильность брака, изменение критериев оценки его успешности, перераспределение супружеских обязанностей в мире, где оба супруга работают и т.д. Во-вторых, как аспект кризиса маскулинности: ослабление привычной мужской гегемонии и связанное с этим изменение традиционных представлений о мужественности. И в третьих, как аспект кризиса власти, так как ранее власть была преимущественно мужская, отцовская, патриархальная, предполагающая, что каждый вышестоящий начальник – это символический отец нижестоящей власти, которую он порождает, содержит, контролирует, дисциплинирует и наставляет на путь истинный. Граждане демократических стран не считают своих правителей отцами и готовы брать ответственность за свою жизнь на себя[13].

Возможно, именно такое положение дел и провоцировало отсутствие интереса к изучению психологии отцовства. Но, на наш взгляд, совершенно неправомерно отводить отцам второстепенную роль в воспитании ребенка.

В последние годы интерес к исследованию отцовства несомненно вырос. Можно выделить несколько подходов к этой проблеме. Первое направление исследований – изучение роли отца в развитии ребенка, которое активно реализуется в настоящее время и в отечественной, и в зарубежной психологии. И. С. Кон полагает, что в традиционном обществе отец чаще всего позиционируется как а) кормилец, б) дисциплинатор, в) пример для подражания, г) непосредственный наставник сыновей (но не дочерей) в общественно-трудовой деятельности [13]. О.Г. Калина и А.Б. Холмогорова проделали анализ зарубежных исследований роли отца в развитии ребенка. Ими было обнаружено изучение нескольких аспектов такого влияния. Так, обнаружено, что роль отца велика в процессе сепарации ребенка от матери [по 11]. М. Маркс отмечает, что по сути отец начинает содействовать психологическому отделению ребенка от матери еще до рождения: присутствие рядом любящего мужа означает для будущей матери, что есть еще кто-то, кому вынашиваемый ею ребенок не безразличен. Уже на первом году жизни отец содействует формированию у него чувства идентичности. Стимулирование отцом исследовательской активности ребенка и освоения окружающего пространства ведет к постепенному переходу от исключительных отношений с матерью к общению в триаде, способствует формированию образа тела. Важно отметить, что отец обретает свое значение для ребенка, не в противовес влиянию матери, а благодаря ее посредничеству [по 11].

В большом количестве исследований отмечается роль отца в возникновении у ребенка ощущения своей принадлежности к мужскому или женскому полу. В первых исследованиях в этом направлении изучалась роль отцовской маскулинности в становлении гендерной идентичности сына. Такие исследования носили корреляционный характер, то есть сопоставлялись уровни мужественности отца и сына. Но обнаружилось, что не столько уровень маскулинности отца имеет значение для формирования адекватной полоролевой идентичности, сколько уровень теплоты и эмоциональной вовлеченности отца. Исследования показали, что когда сыновья

чувствуют отцовское принятие, то они были более склонны к проявлению типичных мужских черт, независимо от степени маскулинности отцов. В последнее время было обнаружено, что отец необходим не только для формирования маскулинности сыновей, но и женственности дочерей. Было обнаружено, что фемининность девочек коррелирует с маскулинностью их отцов [24].

Еще одно направление исследований роли отца в становлении гендерной идентичности – это сравнение детей, которые воспитывались в семьях с отцом (полных) и в семьях без отца (неполных, или после развода). Результаты этих исследований обнаружили, отсутствие отца может нарушать становление гендерной идентичности мальчиков, но не обязательно [по11].

Есть исследования, показывающие, что эмоционально вовлеченные отцы в значительной мере способствуют когнитивному развитию своих детей. Было обнаружено, что дети с эмоционально вовлеченными отцами имеют лучшие показатели когнитивного развития, а также лучшие показатели школьной успеваемости [24]. Так, выяснилось, что чем больше отцовская забота, тем в большей степени сын будет интернализировать отцовские способы мышления и разрешения проблемных ситуаций [по11]. Есть мнение, что поскольку отцы проводят с детьми гораздо меньше времени, чем матери, то они хуже знакомы с языком своих маленьких детей, и поэтому говорят с ними на «взрослом» языке, что может стимулировать языковое развитие ребенка [по 11].

Результаты некоторых исследований свидетельствуют о том, что качество отцовства имеет значение для формирования правильного или нарушенного поведения ребенка. Так обнаружилось, что поведение детей, чьи отцы проявляют грубость и физическую агрессию в отношениях с ними, чаще имеет черты асоциальности, чем поведение детей, чьи отцы большую эмоциональную теплоту и вовлеченность. Считается, что равнодушный отец препятствует развитию эмоциональной регуляции у ребенка. Возбужденный ребенок, чей отец не может помочь ему справиться с напряжением, вынужден в итоге пытаться справиться со своими эмоциями сам, что может приводить к агрессивным срывам [по 11].

В тех же исследованиях было показано, что контролирующей отцовский стиль воспитания связан с пониженной социальной компетентностью ребенка, а эмоционально

теплый – с повышенной. Мальчики и девочки, чьи отцы проявляли высокую увлеченность игрой с детьми и проявляли высокий уровень позитивных чувств во время ее, пользуются популярностью среди сверстников. Было выявлено, что уровень популярности ребенка связан с уровнем директивности отца во время совместной игры: чем директивность ниже, тем выше социометрический статус ребенка в группе сверстников [по 11].

О.А. Калина и А.Б. Холмогорова ссылаются и еще на один важный аспект значения отца для ребенка. Знание о своем «отце по рождению» имеет важное значение для формирования того аспекта идентичности, который связан с представлением о себе как о наследнике и продолжателе фамилии [по 11].

Собственное исследование О.Г. Калиной и А.Б. Холмогоровой было посвящено еще одному важному аспекту – влиянию образа отца в глазах подростков на их эмоциональное благополучие и формирование гендерной идентичности. Исследователи обнаружили, что у подростков – мальчиков из неполных семей наблюдается меньшая маскулинность, а у младших подростков девочек больше выражены симптомы депрессии. Мальчики старшего подросткового возраста и девочки младшего подросткового возраста с негативным отцовским образом обладают меньшей маскулинностью и феминностью соответственно, а также имеют более высокий уровень выраженной тревожной и депрессивной симптоматики. Авторы показали, что наличие отца в семье и тип его образа у подростка могут быть независимыми предикторами определенных проблем психического развития, а иногда могут действовать совместно. Так выяснилось, что если в образе отца есть позитивная составляющая, то независимо от наличия отца в семье маскулинность подростка не меняется. Однако, если образ отца негативен, факт наличия отца в семье будет иметь решающее значение. Выявилось также, что снижению уровня маскулинности у подростков мальчиков способствует как негативный образ отца, так его недостаточно дифференцированный образ [11].

Второе направление исследования отцовства осуществляется в рамках гендерного подхода. Так К. Н. Белогай изучала гендерные различия в структуре родительского отношения [1]. Ей удалось выявить различия в мотивационно-потребностной, поведенческой и функциональных сферах материнства и отцовства. Например, в ее

исследовании обнаружилось, что главными мотивами отцовства являются мотивы самоизменения, а мотивами материнства – мотивы, связанные с развитием отношений с партнером. Кроме этого, женщины значительно чаще, чем мужчины видят в ребенке смысл своей жизни. Есть различия и в родительском поведении матерей и отцов. Мамы проводят с ребенком значительно больше времени, чем отцы. Установки на взаимодействие матерей и отцов значительно развиваются: матери в большей мере побуждают словесные проявления ребенка, а отцы в большей мере направлены на поощрение активности своих детей. Сами родители обнаруживают различия и в функциональном назначении материнства и отцовства: матери приписываются функции любви и заботы, отцу – защиты и воспитания [1].

Еще одно направление исследований гендерных аспектов родительства – изучение самоактуализации гендерной идентичности личности. Л. Н. Ожигова [18] в результате исследований убедилась, что к важнейшим смысловым составляющим, задающим направления самореализации мужчин и женщин, относятся семья и профессиональная деятельность. Тема семьи появляется в рассуждениях о самореализации и собственном предназначении и у мужчин, и у женщин. Но если у женщин семья – это пространство реализации и личностных вкладов в других, то для мужчин семья – это опора, место комфорта и отдыха, то, что нужно защищать. При этом Л. Н. Ожигова утверждает, что реализуя себя в различных пространствах своего бытия – семье, профессии, отдыхе и творчестве, женщина и мужчина рискуют попасть в стрессовую и кризисную ситуацию, так как осуществляемый ими выбор и деятельность могут не получить подтверждения окружающими, не соответствовать культурным и социальным ожиданиям [18].

О возможности существования противоречий в гендерной идентичности личности говорит и И. С. Клещина [12]. Она утверждает, что представляется правомерным говорить, по крайней мере, о двух типах гендерной идентичности, присущих российским мужчинам и женщинам: первый тип может быть определен как кризисная идентичность, второй – как некризисная или согласованная идентичность. Проблему согласованности или противоречивости гендерной идентичности мужчин продолжила изучать Е. А. Чикалова [21, 22]. Она исследовала соответствие между типом гендерной идентичности мужчины и его представлениями об отцовстве. В результате исследования

степени приверженности молодых мужчин нормам традиционалистской маскулинности ею было выделено три группы молодых людей: 1) молодые мужчины с низкой степенью приверженности нормам традиционалистской маскулинности (или ориентированные на *модернизированную модель маскулинности*); 2) молодые люди, характеризующихся средней степенью приверженности нормам традиционалистской маскулинности; 3) молодые люди с высокой степенью приверженности нормам *традиционалистской маскулинности*. Ею обнаружены достоверные различия в содержании социальных представлений об отцовстве между группами мужчин, ориентированных на *модернизированную* и *традиционалистскую* модель маскулинности. Так, по параметру *отцовской вовлечённости*, фиксирующему специфику *взаимодействия* отца с ребёнком, для мужчин с высокой степенью приверженности нормам *традиционалистской* маскулинности в большей мере характерны представления об опосредованности контактов отца с ребёнком, а также о возможности реализации доминантно-зависимого стиля взаимодействия; мужчины, ориентированные на *модернизированную* модель маскулинности значительно чаще разделяют представления о том, что взаимодействия между отцом и ребёнком должны строиться на принципах равенства. Результаты исследования Е. А. Чикаловой также показали, что по параметру *отцовской вовлечённости*, отражающему *доступность* отца для ребёнка, у молодых людей, ориентированных на модель *модернизированной маскулинности*, преобладают представления о том, что поведение отца должно характеризоваться высоким уровнем эмоциональной близости и психологической доступности, а для молодых мужчин, ориентированных на модель *традиционалистской маскулинности*, более характерны представления, отражающие эмоциональную дистанцированность отца по отношению к ребёнку. Согласно данным исследовательницы, анализ специфики *распределения родительских обязанностей* выявил различия в представлениях о степени ответственности отца и матери за заботу о маленьких детях. Мужчины, демонстрирующие приверженность *модернизированной* модели маскулинности значительно чаще разделяют представления о важности равного участия отца и матери в заботе о маленьких детях, что менее характерно для мужчин с высокой степенью приверженности нормам *традиционалистской* маскулинности (они чаще придерживаются представлений о том, что уход за маленькими детьми – это сфера ответственности матери) [21, 22]. Полученные Е.А. Чикаловой данные позволяют говорить о

том, что модель традиционалистской маскулинности не позволяет мужчине в полной мере реализовать себя в роли отца, роль «настоящего мужчины» и роль «отца» находятся в конфликте друг с другом.

Еще одним из направлений в исследовании отцовства является подход, реализуемый в рамках исследования личности и ее развития. С этой точки зрения отцовство рассматривается как часть личностной сферы мужчины. Так, Ю. В. Борисенко рассматривает отцовство как категорию, относящуюся к психологии личности и отражающую основные этапы ее развития, включающую в себя комплекс интегральных, социальных и индивидуальных характеристик личности, проявляющихся на всех уровнях жизнедеятельности человека [3]. Она предлагает структуру отцовства, включающую следующие компоненты: потребностно-эмоциональный, включающий биологические, социальные аспекты мотивации, потребность в контакте, эмоциональные реакции, переживания; операциональный – осведомленность и умения, операции по уходу за ребенком и общение с ним; и ценностно-смысловой – отношение отца к ребенку, включая экзистенциальные переживания. Кроме того, в данную структуру включается интегральный сквозной компонент – оценочный, в который входят: 1) самооценка, как элемент Я-концепции, принятие или непринятие роли отца и рациональная и эмоциональная оценка себя, как отца, и своего ребенка; 2) социальная оценка окружающих, базирующаяся на принятых в данном конкретном обществе социальных стереотипах и предписаниях по выполнению роли, требованиях, которые необходимо соблюдать для соответствия статусу. Социальная оценка является базой для формирования собственной оценки, т.к. через социальные стереотипы формирует образы Я-идеального. Оценочный компонент является интегральным, т.к. пронизывает и влияет на все остальные компоненты структуры[3].

В рамках психологии развития личности взрослого человека хотелось бы отметить еще один важный подход, реализуемый Е.И. Захаровой [8]. Она утверждает, что в период ожидания ребенка происходят изменения в мотивационной сфере личности, в системе ценностных ориентаций. Ситуация рождения ребенка и его воспитания создает условия для восхождения личности родителя на новый уровень развития. Но это происходит через принятие взрослым человеком родительской позиции, через переход

ее во внутреннюю позицию родителя. Е.И. Захарова анализирует понятие «внутренней позиции родителя», раскрывает ее содержание [8]. Но ее исследования в основном рассматривают процесс принятия родительской позиции женщинами, но с нашей точки зрения такой подход может быть весьма продуктивным и при изучении отцовства. Важным направлением изучения отцовства является проблема детерминант его становления, изучения факторов и условий, которые определяют характер отцовства. При обсуждении данного вопроса встречаются различные точки зрения, но все же ученые приходят к выводу, что в детерминации отцовства решающую роль играет в первую очередь социальный фактор.

Как полагает И.В. Павлов, на сегодняшний день у большинства исследователей данной проблемы почти не оставляет сомнения тот факт, что отцовство, равно как и материнство имеет социально и культурно обусловленный характер [19]. Автор проанализировал исследования, посвященные влиянию культурных факторов на становление отцовства и выделил следующие факторы, влияющие на становление отцовства, каждый из которых может быть условно обозначен как культурно-исторический или социальный:

1. Тип семьи, характерный для данной определенной культуры или этапа развития определенного общества
2. Верования народа, его мифология и религия..
3. Экономические условия: уровень дохода, экономическая стабильность в обществе, общий уровень безработицы, условия разделения труда.
4. Социальные стереотипы маскулинности и феминности, отцовства и материнства характерные для данного общества.
5. Отношения мужчины с собственной семьей – своими родителями, супругой, ребенком .
6. Личность ребенка: его пол, возраст, особенности развития и поведения [8].

Борисенко Ю.В. и Портнова А. Г. все многообразие факторов, влияющих на становление отцовской роли, классифицируют на 4 большие группы. К *первой группе* авторы относят факторы, связанные с взаимоотношениями в супружеской диаде. Ко *второй группе* относятся факторы, связанные с влиянием матери ребенка (супруги

мужчины) на становление мужчины в роли отца. *Третья группа* включает в себя средовые факторы. К *четвертой группе* относятся факторы, связанные с личностью самого ребенка – полом, возрастом, индивидуально-психологическими особенностями [2]. Детерминацию отцовства изучал американский психолог Д. Р. Парк [23], который выделил факторы, определяющие участие отца в воспитании ребенка. Это:

- индивидуальные факторы

- 1) Отношения, убеждения и мотивация отца.
- 2) Взаимоотношения с семьей, в которой вырос.
- 3) Возраст, когда принял родительскую роль.
- 4) Пол ребёнка.

- фактор семьи

- 1) Взаимоотношения матери и ребёнка и взаимоотношения отца и ребенка.
- 2) Взаимоотношения мужа и жены.
- 3) взаимоотношения отец-мать – ребёнок.

- внесемейные факторы, неформальная поддержка системы

- 1) Взаимоотношения с родственниками.
- 2) Взаимоотношения с соседями.
- 3) Взаимоотношения с друзьями.

- общественные или формальные факторы.

- 1) Взаимоотношения с коллегами по работе.
- 2) Система здравоохранения, роддома.

- культурные факторы

- 1) Культура детства мальчиков и девочек
- 2) Отношение к отцовской/ материнской ролям.
- 3) Убеждения и ценности семьи, связанные с национальными особенностями.

Еще одним важным направлением в психологии отцовства становится разработка технологий работы с мужчинами, помогающими в формировании сознательного отцовства. В последние годы психологи, педагоги и социальные работники при изучении проблемы отцовства уделяют много внимания разработке социального, психолого-педагогического сопровождения становления сознательного отцовства. Можно выделить

три направления такой работы. Первое – работа с молодыми людьми, целью которой является формирования предпосылок отцовства. На этом этапе - формирования предпосылок отцовства (подростковый и юношеский возраст), как мы полагаем, целями социальной и психологической помощи молодым людям в становлении отцовства могут быть следующие: 1) формирование позитивных стереотипов отцовства в рамках представлений о мужественности; 2) психологическая поддержка становления ответственности за свое поведение.

Возможными формами работы с подростками и молодыми людьми могут быть: уроки и внеурочные мероприятия, клубы для подростков, психологические тренинги. Так в Великом Новгороде имеется опыт проведения уроков по подготовке к родительству в рамках «Школы здорового образа жизни».

Второе направление при работе с отцами – это поддержка при вхождении в родительскую роль. На этом этапе целью социальной и психологической работы может быть формирование родительской позиции отца и подготовка к перестройке семейной системы в связи с рождением ребенка и начало реализации такой перестройки. Возможными формами работы такой работы могут быть:

- Совместные тренинги для будущих родителей (подготовка к родительству) (Примером может служить программа тренинга зрелого отцовствования и материнства Н.В. Боровиковой [по 17]).
- Папа-школы
- Консультирование отцов через интернет.

Большой интерес вызывает такая форма социальной работы с отцами, помогающая освоить родительскую роль, – как «папа-школы»[7, 10]. Папа-школы или «папа-группы» – явление достаточно новое для нашей страны. Конечно, попытки подготовить мужчин к появлению ребенка в семье предпринимались давно, но они носили локальный и эпизодический характер. Не существовало ни единой программы, ни методики работы с будущими отцами. В 2007 г. в Санкт-Петербурге появилось добровольное объединение специалистов-мужчин, которые начали создавать группы для взаимодействия с будущими папами на основе шведской модели работы с отцами в системе социальной защиты. В настоящее время папа-группы функционируют во многих

районах Санкт-Петербурга. Что же такое папа-группа? Папа-группа представляет собой добровольное объединение мужчин, собирающихся для обсуждения их общих проблем в связи с ожиданием рождения или недавним появлением ребенка в семье.

Разработчики данной формы работы с отцами утверждают, что есть несколько мотивов, по которым будущие или молодые отцы посещают такие группы: отсутствие возможности поделиться опасениями, тревогами, переживаниями, сомнениями, связанными с рождением малыша; обменяться своими мнениями по поводу «правильного» поведения отца в контактах и взаимодействии с ребенком; посоветоваться с более компетентными людьми по поводу своих представлений о воспитании сына или дочери и др.

Главную цель папа-группы можно сформулировать следующим образом: подготовка мужчин к активной роли родителя и равноправным отношениям с партнершей, соблюдая и ставя интересы ребенка в центр внимания. Задачами таких групп являются следующие: во-первых, предоставить возможность мужчинам поделиться проблемой с собеседниками, которые наверняка его поймут, и таким образом обеспечить получение психологической поддержки, которая нужна мужчинам.

Вторая важная задача – помочь получить знания о том, как вести себя в определенных ситуациях. Понимая, что происходит, разбираясь в ситуации, человеку легче справляться с возможными трудностями.

Третье направление практической работы с отцами – это помощь и поддержка при реализации отцовской роли. Специфика отцовского поведения при реализации родительской роли определяется всей системой культурных, личностных и ситуационных факторов и условий, которые определяли становление мужчины в роли отца, но при этом добавляется еще один очень важный фактор – это особенности самого ребенка – возрастные и индивидуальные. Эти черты ребенка могут вызывать сложности в отношениях с ребенком, конфликты во взаимодействии с ним. В соответствии с этой целью социальной и психологической работы с отцами может быть повышение их компетентности в воспитании и взаимодействии с детьми. В настоящее время активно разрабатываются различные формы и методы повышения родительской компетентности отцов.

Целью работы третьего этапа родительства является повышение родительской компетентности отцов. Для того чтобы конкретизировать эту цель важно понять, что же такое родительская компетентность. Н.Д. Михеева полагает, что родительская компетентность – это система знаний, установок, навыков и умений, обеспечивающим родителю возможность эффективного взаимодействия с ребенком. С ее точки зрения, основной признак эффективного и компетентного родительского поведения – способность обеспечить позитивное направление когнитивного, социального и личностного развития ребенка [16].

Г.И. Репринцева пытается конкретизировать данное понятие и определить его составляющие. Она считает, что формирование родительской компетентности в качестве общих теоретических социально-педагогических основ предусматривает дифференциацию и индивидуализацию развития материнства, отцовства и супружества как социокультурных феноменов; комплексный и непрерывный характер процесса их развития; осознание родителями границы своей компетентности и необходимости ее расширения и обогащения; учет общих и специфических социальных факторов поликультурной среды в семье и вне ее и их влияние на развитие детей на разных этапах онтогенеза. Г.И. Репринцева рассматривает специфические основы формирования компетентности родителей, к которым относит:

- адекватность воспитания детей специфике, задачам и индивидуальным возможностям их развития на каждом возрастном этапе в поликультурной среде;
- ориентацию на возрастание воспитательного, социокультурного и охранно-защитного потенциала семьи в поликультурной среде как основного ресурса формирования позитивных семейных ценностей и традиций социального развития детей и семейно-соседского сообщества;
- мотивированность родителей на взаимодействие со специалистами для более успешного социального развития ребенка и семейно-соседского сообщества в поликультурной среде;
- овладение родителями гуманными методами социального воспитания детей, способных к благополучной адаптации к меняющимся социальным ситуациям, на разных стадиях жизненного цикла семьи [20].

Пути повышения родительской компетентности являются психологические тренинги [15, 6], клубы [9], родительские лектории, использование интернет-ресурсов, совместных мероприятий для отцов и детей; для отцов, матерей и детей. Такую работу проводят и социальные службы (центры помощи семье и детям, кризисные центры, и т.д.), образовательные учреждения – детские сады и школы, психологические службы и т.д.

Подводя некоторые итоги анализа состояния проблемы психологических аспектов отцовства, можно говорить о том, что в настоящее время происходит несомненный рост исследований в этой области.

Список литературы

1. Белогай К. Н. Некоторые аспекты изучения гендерных различий в структуре родительского отношения // Перинатальная психология и психология родительства. – 2004. – № 2. – С. 31-49.
2. Борисенко Ю.В., Портнова А.Г. Проблема отцовства в современном обществе // Вопросы психологии. – 2006. – №3. – С.122-130.
3. Борисенко Ю.В. Психология отцовства. — Москва-Обнинск: «ИГ-СОЦИН», 2007. - 220 с.
4. Боуби Дж. Привязанность. – М.: Гардарики, 2003.– 477с.
5. Гаврилова Т.П. Краткое предисловие от составителя // Психология семьи: Сборник статей/ Сост. Т.П. Гаврилова. М.: ООО « Вопр. психологии», 2002.
6. Гиппенретер Ю. Б. Общаться с ребенком. Как? – Издание 3-у, исправленное и дополненное. – М.: «ЧеРо», 2002. – 240 с.
7. Еремин Н.Н. Папа-школы: Гендерно-чувствительные формы социальной работы // Ответственное отцовство: Новые формы социальной работы: Методич. Пособие. – СПб., 2010. С.29-45.
8. Захарова Е.И. Родительство как ресурс личностного развития в зрелости // Перинатальная психология и психология репродуктивной сферы. Электронное

периодическое издание. – 2010. С. 29 – 37. [Электронный ресурс] – Режим доступа <http://perinataljourn.ru/>. - Дата доступа: 9.12.12.

9. Значков Д. В., Гаевский А.А. От папа-групп к клубу отцов // Ответственное отцовство: Новые формы социальной работы: Методич. Пособие. – СПб., 2010. С.56- 64.

10. Казанский С.Г. Технология работы в папа-группах // Ответственное отцовство: Новые формы социальной работы: Методич. Пособие. – СПб., 2010. С.46 – 51.

11. Калина О.Г., Холмогорова А.Б. Роль отца в психическом развитии ребенка. – М.: Форум, 2011. – 112с.

12. Клещина И. С. От традиционного типа отцовства к вовлеченным отцам // Ответственное отцовство: Новые формы социальной работы: Методич. Пособие. – СПб., 2010. С. 7-28.

13. Кон И. С. Мужчина в меняющемся мире. – М.: Время, 2009. – 496с.

14. Кочубей Б.И. Мужчина и ребенок. – М.: Знание, 1990.– 80с.

15. Марковская И.М. Тренинг взаимодействия родителей с детьми: цели, задачи, основные принципы. – СПб.: Речь, 2005. — 150с.

16. Михеева Н.Д. Методика незаконченных ситуаций для диагностики родительской компетентности [Электронный ресурс] – Режим доступа http://creativity.ipras.ru/texts/books/social IQ 2009/miheeva_social IQ 2009.pdf Дата доступа: 9.12.12.

17. Овчарова Р.В. Психология родительства: Учеб. Пособие для студ. Высш. Учеб. Заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 368 с.

18. Ожигова Л. Н. Психология гендерной идентичности личности. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2006. – 290с.

19. Павлов И.В. Психология отцовства: обзор исследований и некоторые выводы о современном состоянии проблемы // Перинатальная психология и психология родительства. – 2008. №4. – С. 78-95.

20. Репринцева Г. И. Социально-педагогическая парадигма повышения родительской компетентности средствами дополнительного сетевого образования

//Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2012. 8 (123) с, 114–119 [Электронный ресурс] – Режим доступа http://vestnik.tspu.ru/files/PDF/2012_8.pdf Дата доступа: 9.12.12.

21. Чикалова, Е.А. Взаимосвязь норм маскулинности и социальных представлений о содержании поведения в рамках отцовской роли / И.С. Клёцина, Е.А. Чикалова // Вестн. ЛГУ им. А.С. Пушкина. Сер. психология. – 2013. – №2, т.5. – С. 24–36.

22. Чикалова, Е.А. Исследования отцовства и маскулинности: точки пересечения / Е.А. Чикалова // Женщина в российском обществе. - 2012. - №2. - С. 43-53.

23. Parke R. D. Fatherhood. – Harvard: Harvard University Press, 1996.– P 3 - 179.

24. The role of the father in child development / Edited by M. E. Lamb. – New Jersey, 2010. – 544 p.

Позитивные родительские чувства отцов

Басимов М.М., Падурин Е.А.

Российский государственный социальный университет, Москва, Россия

Курганский государственный университет, Курган, Россия

basimov_@mail.ru

Ключевые слова: отцовство, позитивные родительские чувства, родительство, множественное сравнение.

Позитивные родительские чувства – это система чувств родителя характеризующихся сочетанием позитивного содержания и позитивной социальной значимости, имеющих направленность на родителя, на ребенка, на супруга(у) как родителя, и на родительство в целом. Позитивные родительские чувства как компоненты одной системы обладают сходными свойствами: полярность, субъективность, интенсивность, устойчивость и/или прочность, широта, генерализованность и дифференцированность, обобщенность [8].

Опираясь на концепцию родительства как психологического феномена

(Р.В. Овчарова) и системный подход (Б.Ф. Ломов и др.), была разработана модель структуры системы позитивных родительских чувств. Модель структуры позитивных родительских чувств как системы чувств родителя включает следующие компоненты – позитивные родительские чувства к ребенку, позитивные чувства к себе как родителю, позитивные чувства к супругу(е) как родителю, позитивные чувства к родительству и составляющие – когнитивную, эмоциональную и поведенческую (Рис.1) [8].

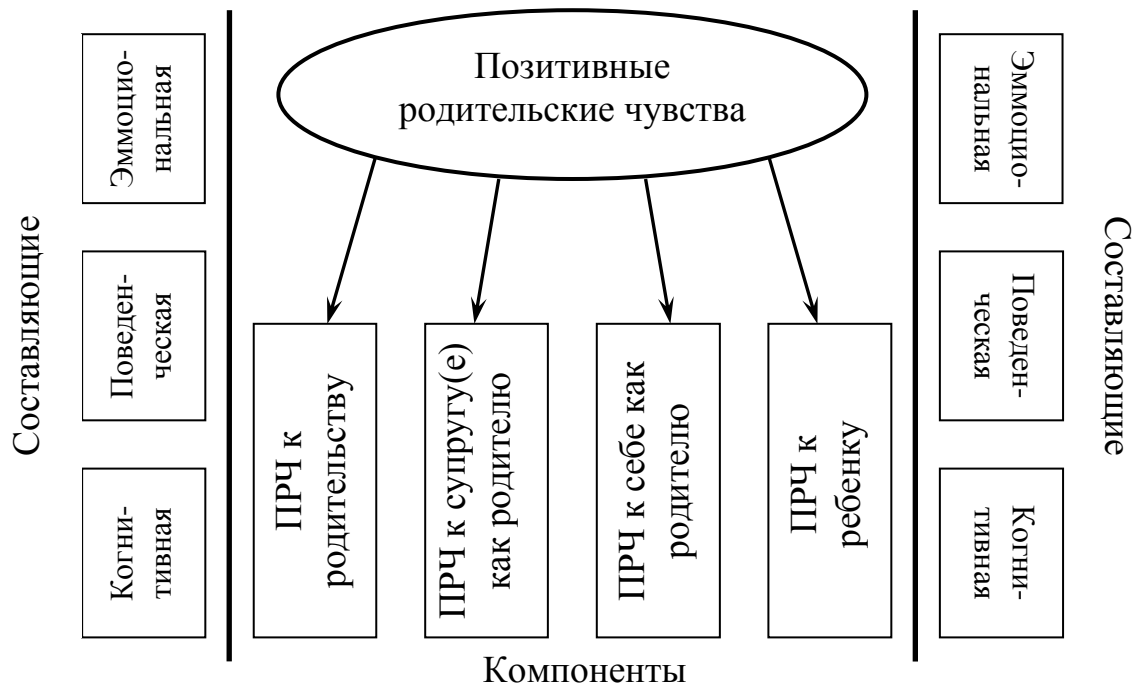


Рис.1. Модель структуры системы позитивных родительских чувств

Опираясь на знание структуры системы позитивных родительских чувств, можно оказывать на нее влияние. Наиболее эффективным для развития системы позитивных родительских чувств будет подход, охватывающий все выделенные компоненты и составляющие в их взаимосвязи друг с другом.

Первоначально эмпирическое исследование особенностей позитивных родительских чувств осуществлялось с использованием традиционных методов в рамках линейных представлений (Падурина Е.А., 2008). Затем для изучения феномена позитивных родительских чувств был использован авторский метод изучения связей

(Басимов М.М., 2008) [1], который реализуется через множественное сравнение (Басимов М.М., 2005) [5] квантильных разбиений (триады, кварты, квинты) данных (объектов) по каждому измеряемому параметру. В итоге определяется сила связи и форма зависимости, а линейные зависимости определяются как частный случай. [3, 4]. Полученные далее в исследовании результаты позволили говорить о влиянии ряда параметров на особенности проявления позитивных родительских чувств и самооценку ребенка дошкольника не столько на основе линейных связей, но в значительно большей степени на основе нелинейных зависимостей [9, 10, 11, 12].

Соотношение понятий «материнство» и «отцовство» изучалось нами через множественное сравнение 10 сформированных по внешним факторам групп (гендерному, образованию родителей, возрасту детей, дошкольным заведениям), что дает более содержательную картину специфики гендерного отношения к родительству, чем простое парное сравнение групп отцов и матерей. Каждый испытуемый описывался 52 психологическими показателями. Рассмотрены наиболее значимые отличия (по задаче множественного сравнения) в проявлении позитивных родительских чувств между группами отцов (POL-M) и матерей (POL-W).

Рассмотрим поочередно составляющие системы позитивных родительских чувств у отцов.

Представляет интерес положение в общем распределении групп отцов (POL-M) и матерей (POL-W) для показателя «когнитивная составляющая позитивных родительских чувств». Сравнительная весомость группы POL-W равна 99, а сравнительная весомость группы POL-M имеет значение -298. Когнитивная составляющая связана с осознанием своего эмоционального отношения к ребенку, себе как родителю, супругу как родителю и родительству в целом. Когнитивная составляющая имеет тесную связь с влиянием социума, с ее помощью определяется социальная значимость испытываемого родительского чувства. Происходит соотнесение испытываемого родительского чувства с требованиями, предъявляемыми обществом к родителю и его эмоциональной сфере. Исходя из полученных данных, у отцов в недостаточной степени представлены когнитивные репрезентации, содержанием которых являются определенные знания и представления о том, что такое «позитивные родительские чувства» (каждое из этих

чувств); каковы их проявления (способы выражения); какое влияние они и каждое чувство в отдельности оказывают на ребенка и на родителей; каким образом можно регулировать позитивные родительские чувства; а также знание личностных особенностей ребенка, себя как родителя, супруги как родителя, которые вызывают весь спектр позитивных родительских чувств.

Похожие результат и интерпретацию имеют взаимные положения групп отцов (POL-M) и матерей (POL-W) в общем распределении 10 сравниваемых групп для следующих показателей:

1. «Способность воспринимать состояние ребенка»: сравнительная весомость группы POL-W равна 172, сравнительная весомость группы POL-M равна -465.

2. «Понимание причин состояния ребенка»: сравнительная весомость группы POL-W равна 36, сравнительная весомость группы POL-M равна -167.

3. «Способность к сопереживанию»: сравнительная весомость группы POL-W равна 51, сравнительная весомость группы POL-M равна -409.

Далее рассмотрим положение в общем распределении групп отцов (POL-M) и матерей (POL-W) для показателя «эмоциональная составляющая позитивных родительских чувств». Сравнительная весомость группы POL-W равна 147, а сравнительная весомость группы POL-M имеет значение -329. Эмоциональная составляющая позитивных родительских чувств характеризуется совокупностью положительных эмоций и положительного эмоционального фона, сопровождающих оценки ребенка, себя как родителя, супруга(и) как родителя и родительства в целом. Эмоциональная составляющая имеет наиболее тесную, по сравнению с другими составляющими системы позитивных родительских чувств, связь с физиологией человека, а именно с принципом удовольствия. Итак, получается, что отцы по сравнению с матерями испытывают недостаток положительных эмоций и положительного эмоционального фона, сопровождающих оценки ребенка, себя как родителя, супруги как родителя и родительства в целом.

Похожие результат и интерпретацию имеют положения в общем распределении групп отцов (POL-M) и матерей (POL-W) для показателей:

1. «Чувства, возникающие во взаимодействии с ребенком». Сравнительная весомость группы POL-W равна 46, а сравнительная весомость группы POL-M имеет значение -439.

2. «Преобладающий эмоциональный фон взаимодействия». Сравнительная весомость группы POL-W равна 7, а сравнительная весомость группы POL-M имеет значение -185.

3. «Гедонические чувства». Сравнительная весомость группы POL-W равна 88, а сравнительная весомость группы POL-M имеет значение -324.

4. «Сближающие чувства». Сравнительная весомость группы POL-W равна 181, а сравнительная весомость группы POL-M имеет значение -160.

5. «Альтруистическая эмоциональная направленность». Сравнительная весомость группы POL-W равна 10, а сравнительная весомость группы POL-M равна -129.

6. «Коммуникативная эмоциональная направленность». Сравнительная весомость группы POL-W равна 76, а сравнительная весомость группы POL-M равна -245.

7. «Практическая эмоциональная направленность». Сравнительная весомость группы POL-W равна 144, а сравнительная весомость группы POL-M равна -20.

8. «Гностическая эмоциональная направленность». Сравнительная весомость группы POL-W равна 28, а сравнительная весомость группы POL-M равна -207.

9. «Гедонистическая эмоциональная направленность». Сравнительная весомость группы POL-W равна 38, а сравнительная весомость группы POL-M равна -338.

Таким образом, у отцов недостаточно развита эмоциональная составляющая системы позитивных родительских чувств, в связи с чем, они в меньшей степени, чем матери испытывают удовольствие, радость, восторг, спокойствие, единство, дружелюбие, счастье, бодрость во взаимодействии с ребенком. Также можно отметить, что эмоциональная направленность личности отцов характеризуется слабой выраженностью некоторых эмоций, чувств, состояний, а именно: альтруистических (возникают при содействии, помощи, покровительстве ребенку или другому родителю, например: чувство участия, нежности, любви, симпатии, и т.п.), коммуникативных (возникают в процессе общения с ребенком, с другим родителем как реакция на удовлетворение стремления в эмоциональной близости, например: чувство

близости, привязанности, доверия и др.), практических (вызываются деятельностью по воспитанию ребенка, изменением её в течение времени, её успешностью, трудностями её осуществления и завершения, например: чувство гордости, чувство удовлетворения и пр.), гедонических (связаны с удовлетворением потребности родителя в телесном и душевном комфорте, детерминированном семейными, в частности, детско-родительскими, взаимоотношениями, например: чувство безопасности, безмятежности), гностических (возникают в результате познания своего ребенка, себя и супруга как родителя, например: интерес, удивление).

Как интересный результат можно отметить положение в общем распределении групп отцов (POL-M) и матерей (POL-W) для показателя «поведенческая составляющая позитивных родительских чувств». Сравнительная весомость группы POL-W равна 172, а сравнительная весомость групп POL-M имеет значение -338. Поведенческая составляющая включает доверительность, эмоциональную близость, заботу о ребенке, аффективные стереотипы контактирования с ребенком. Таким образом, для отцов по сравнению с матерями менее характерно проявление заботливости, эмоциональной близости и доверия к ребенку. Также стоит отметить, что для группы отцов, как и для группы матерей поведенческая составляющая является конгруэнтной по отношению к эмоциональной составляющей позитивных родительских чувств.

Похожие результат и интерпретацию имеют положения в общем распределении групп отцов (POL-M) и матерей (POL-W) для показателей:

1. «Стремление к телесному контакту»: сравнительная весомость группы POL-W равна 102, сравнительная весомость группы POL-M равна -258.

2. «Оказание эмоциональной поддержки»: сравнительная весомость группы POL-W равна 59, сравнительная весомость группы POL-M равна -296.

3. «Умение воздействовать на состояние ребенка»: сравнительная весомость группы POL-W равна 91, сравнительная весомость группы POL-M равна -360.

4. «Отсутствие сотрудничества – сотрудничество»: сравнительная весомость группы POL-W равна 14, сравнительная весомость группы POL-M равна -356.

Итак, поведение отцов при переживании позитивных родительских чувств значительно отличается от поведения матерей. Отцы в меньшей степени, чем матери

склонны сотрудничать со своими детьми, эффективно воздействовать на состояние ребенка, оказывать ему эмоциональную поддержку, обнимать, поглаживать, держать за руку.

В заключение стоит отметить, что личностный профиль системы позитивных родительских чувств отцов имеет свои отличительные особенности и характеризуется слабым развитием всех составляющих системы позитивных родительских чувств. Отсутствие у родителя развитой системы позитивных родительских чувств приводит к нарушению семейного воспитания и негармоничному развитию личности ребенка, а также к эмоциональным проблемам самого родителя, переходящим в проблемы со здоровьем и семейным благополучием в целом. Поэтому становится актуальной работа с современными отцами по профилактике негативных родительских чувств и развитию позитивных.

Таким образом, с помощью метода множественного сравнения [2] было реализовано гибкое (не просто парное) сравнение групп отцов и матерей в рамках различных психологических параметров и были выявлены интересные зависимости изучаемых психологических показателей (интервальные переменные) от номинального параметра «Гендерная принадлежность родителей».

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 13-06-00525а

Работа выполнена в рамках гранта Правительства Курганской области «Разработка программы развития позитивных родительских чувств и профилактики негативных родительских чувств».

Список литературы

1. Басимов М.М. Изучение статистических связей в психологических исследованиях: Монография. Москва – Воронеж, 2008. – 432 с.
2. Басимов М.М. Множественное сравнение в социологических исследованиях: Монография. Курган: Курганский государственный университет, 2012. – 224 с.

3. Басимов М.М. Нелинейная социология: Монография. – Курган: Курганский государственный университет, 2012. – 120 с.
4. Басимов М.М. Математические методы в психологических исследованиях: Монография. – Курган: Курганский гос. ун-т, 2011. – 183с.
5. Басимов М.М. Методы множественного сравнения в психологических исследованиях // Методы исследования психологических структур и их динамики. Выпуск 3. М.: Изд-во ИП РАН, 2005. – С. 128-157.
6. Демчук Н.А. Формирование психологической готовности юношей к отцовству : Дис. ... канд. психол. наук: Казань, 2006 . – 223 с.
7. Овчарова Р.В. Психология родительства / Р.В. Овчарова. – М.: Академия, 2004. – 339с.
8. Падурина Е.А. Развитие позитивных родительских чувств как фактор коррекции самооценки дошкольников: диссертация ... кандидата психологических наук – Екатеринбург, 2008. – 231с.
9. Падурина Е.А. Позитивные родительские чувства: линейная и нелинейная психология: монография. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та. – 188 с.
10. M.Basimov, E.Padurina Non-linear influence of understanding of the reasons conditions on parental feelings // The 28th International Congress of Applied Psychology, 08-13 July 2014, France, Paris, IAAP
11. M.Basimov, E.Padurina Non-linear influence of positive feelings to the spouse as to the parent on parental feelings // The 28th International Congress of Applied Psychology, 08-13 July 2014, France, Paris, IAAP
12. M.Basimov, E.Padurina Non-linear influence of the gnostic emotional orientations on parental feelings // International Journal of Psychology (Special Issue: XXX International Congress of Psychology). – Volume 47, Supplement 1, 2012. – P. 403.

Особенности родительского отношения отчимов

Борисенко Ю.В.

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

evseenkova@mail.ru

Ключевые слова: родительство, отцовство, родительское отношение, отчим.

В современной психологической литературе отцовство обычно исследуется с двух позиций [2]. С одной стороны, отцовство рассматривается как социальный институт, определяющий требования и ожидания общества по отношению к родительской роли мужчины. С другой стороны, отцовством проявляется в практической деятельности мужчины по воспитанию детей и уходу за ними, что описывается понятием, отцовские практики или стили воспитания [7]. Такая научная традиция объясняет характерное для отцовства различие между отцовством как родительским статусом и отцовством как родительским поведением и идентичностью. Большинство авторов считает, что именно рождение ребенка и взаимоотношения с ним дают мужчине шанс социализироваться самому, шанс саморазвития [6]. В древних культурах мужчина до рождения своего первого ребенка считался отроком [2]. Для мужчины – это проблема личностного развития, проблема принятия своих чувств и их самоконтроля. Подрастающий ребенок становится продолжением мужчины, удовлетворяет потребность в ученике, в собственной значимости. В целом, существует определенное количество качественных эмпирических исследований отцовства, в основном – узких направлений. В качестве теорий дающих материал для исследования факторов оптимизации развития личности ребенка, и мужчины, выросшего в условиях неполной семьи, выделяются: а) теория жизненного пути (которая исследует, как мужской опыт отцовства изменяется в связи с различными периодами жизни); б) социальная описательная теория (которая подчеркивает, что отцы усваивают культурные образцы и роли); и в) теория социальной идентичности (которая сосредотачивается на том, как мужчины воспринимают идентичность отца относительно их других социальных ролей). В терминах Э. Эриксона

отцовство повышает генеративность взрослых мужчин. Другие ученые применяли понятия экономических теорий, для описания решения отца вносить свой вклад в жизнь ребенка или уйти из семьи [7]. Кроме того, большинство современных работ утверждает, что родительство не является просто личностным феноменом, оно во многом обусловлено супружескими отношениями [6, 8]. Эта идея не нова и для российских семейных психологов, однако в основном она постулируется в работах, основанных на практике семейной психотерапии. Теоретическое обоснование данного постулата дается в терминах системной семейной терапии. В американской традиции исследования отцовства выделяются работы [6, 7], в которых акцент смещается на роль женщины-матери, как партнера мужчины-отца, во многом определяющего отцовское поведение последнего. W. Doherty, например, предлагает специально учить женщин «обучать» мужчин ответственному отцовству [6]. Дж. Плек доказывает, что вовлеченность отца в жизнь ребенка прямо взаимосвязана с вовлеченностью матери [7]. Дж. Плек высказывает идею о том, что собственная родительская идентичность может быть определена только в тесной взаимосвязи с оценкой своего партнера как родителя и с представлением об оценке себя как родителя в глазах супруга. Таким образом, то, каким мужчиной является отцом, тесно связано 1) с его прошлыми и настоящими взаимоотношениями с собственным отцом, который дает маскулинный образец (то есть, модель ролевого поведения мужчины [8] и 2) с настоящими взаимоотношениями с супругой, в отношениях с которой эта модель реализуется, оценивается и трансформируется. В этой связи совершенно особый интерес вызывает родительское отношение отчима к ребенку супруги. За рубежом исследования взаимоотношений отчимов и приемных детей являются весьма распространенными [5, 9], для нашей страны данная тематика не менее актуальна [1, 3, 4]. Предпринятое нами пилотажное исследование, в котором приняли участие 40 мужчин-отцов (20 родных отцов и 20 отчимов), было направлено на выявление специфических особенностей родительского отношения отчимов по сравнению с родным (биологическими) отцами. Обе группы были уравнированы по образовательным и статусным характеристикам. Средний возраст мужчин 34 года. В рамках исследования применялся метод глубинного интервью, а также следующие методики: Методика Р.Г.Овчаровой «Представления об

идеальном родителе»; «Опросник принятия родительской позиции» Е. И. Захаровой, А. И. Строгалиной; Опросник «Измерение родительских установок и реакций» (PARI); Опросник родительской идентичности Дж. Плека и специально разработанная анкета, направленная на изучение отношений родных отцов и отчимов с детьми. Согласно нашим данным, все мужчины принимают родительскую роль в отношении родного ребенка и 86 % респондентов принимают ее в отношении неродного ребенка. Мужчины считают, что главной родительской функцией является ответственность родителя. Отцами-отчимами описываются и другие родительские функции: руководство ребенком, поддержка в освоении социокультурных норм. Однако мужчины считают, что эти функции необходимо реализовывать в большей мере в отношении родного ребенка. Отцы-отчимы отмечают у себя низкий уровень потребности в заботе о ребенке, в общении с ним.

Согласно данным по методике PARI, в родительском воспитании в семьях отцов доминируют установки на уравнивание отношений между родителями и ребенком (89,8%) и развитие активности ребенка (85,5%); в семьях отчимов – сверхавторитет родителей (87,8%). Проверка по t-критерию Стьюдента при 5 %-ном уровне значимости показала, что существуют значимые различия между мужчинами отцами и отчимами по следующим параметрам: ощущение самопожертвования и сверхавторитета родителей, вербализация стремление ускорить развитие ребенка, подавление сексуальности, подавление агрессивности, чрезмерное вмешательство в мир ребенка и исключение внесемейных влияний. Интересные данные дает сравнение иерархии родительских установок в двух группах, представленных в Таблицах 1 и 2.

Таблица 1.

Иерархия родительских установок в группе отцов (20 человек)

	Название шкал	Среднее значение в группе n=20
	Супружеские конфликты	17
	Зависимость от семьи	16,67
	Вербализация	16,6
	Товарищество	16,2
	Доминирование отца	15,8
	Несамостоятельность отца	15,6
	Жертвенность	15,33
	Раздражительность	14,73
	Поощрение активности ребенка	14,73
0	Подавление воли ребенка	14,6
1	Сверхавторитет отца	14,33
2	Опасение обидеть ребенка	14,13
3	Безучастность жены	13,73
4	Чрезмерная забота	13,4
5	Неудовлетворенность ролью хозяина	13,07
6	Навязчивость	13,07
7	Партнерство	12,73
8	Стремление ускорить развитие	12,53

9	Подавление сексуальности	12,2
0	Подавление агрессивности ребенка	12,07
1	Уклонение от конфликта	12,07
2	Зависимость от отца	12
3	Строгость отца	11,47

Некоторая ролевая неопределенность более заметна в выборке отчимов.

Таблица 2

Иерархия родительских установок в группе отчимов (20 человек).

	Название шкал	Среднее значение в группе n=20
	Сверхавторитет отца	16,8
	Вербализация	16,73
	Опасение обидеть	16,67
	Товарищество	16,6
	Поощрение активности ребенка	16,27
	Подавление воли ребенка	16,2
	Строгость отца	15,93
	Несамостоятельность отца	15,8
	Зависимость от семьи	15,73
0	Жертвенность	15,73
1	Чрезмерная забота	15,2
2	Супружеские конфликты	14,87
3	Зависимость от отца	14,8
4	Раздражительность	14,33
5	Доминирование отца	14,2
6	Партнерство	14,07
7	Навязчивость	13,93
8	Безучастность жены	13,8

9	Подавление агрессивности ребенка	13,07
0	Стремление ускорить развитие	13
1	Подавление сексуальности	12,87
2	Уклонение от конфликта	11,13
3	Неудовлетворенность ролью хозяина	10,73

Сравнение выборочных отцов и отчимов по тесту PARI показало, что существуют значимые различия по таким признакам как «Суровость, излишняя строгость» и «Раздражительность, вспыльчивость». Отчимы в среднем имеют более высокие баллы по этим шкалам, чем отцы, что также свидетельствует о более дистанцированных отношениях со своими приемными детьми. В выборке биологических отцов в большей степени, чем в выборке небологических отцов (отчимов), выражены показатели «эмоциональность коммуникативная», «нейротизм – эмоциональная стабильность», «нетребовательность – требовательность родителя» и «мягкость – строгость родителя».

Сравнение результатов в группах отцов и отчимов по методике ОРИ Плека показало значимые различия по всем шкалам методики (Таблица 3) .

Таблица 3

Результаты по опроснику родительской идентичности Дж. Плека

	О тцы	О тчимы	t- test
1.Шкала родительской идентичности в уходе за ребенком	3 .66	3 .54	2 7.583*
2.Шкала оценки родительской идентичности супруга(и) в уходе за ребенком	3 .35	3 .14	2 7.359*
3.Шкала оценки родительской идентичности в уходе за ребенком в глазах супруга (и)	3 .36	3 .18	2 8.857*
4.Шкала родительской идентичности в роли кормильца	3 .45	3 .22	6 .304*
5.Шкала оценки родительской идентичности супруга(и) в роли кормильца	3 .18	3 .11	8 .611*
6.Шкала оценки родительской идентичности в роли кормильца в глазах супруга(и)	3 .13	3 .10	7 .389*

Отцы и отчимы различаются не только по основным шкалам, определяющим ролевой выбор родителя: шкала родительской идентичности в уходе за ребенком и шкала родительской идентичности в роли кормильца, но и по всем шкалам, определяющим отношение к ролевой позиции супруги в отношении ребенка. Оказывается, что отцы и отчимы различно оценивают родительскую идентичность супруги в уходе за ребенком и в роли кормильца. Возможно, это связано с особенностями ролевой структуры в семьях повторного брака. Кроме того, отчимы и отцы отличаются по параметрам оценки родительской идентичности в глазах супруги. Для отцов эти параметры являются не менее значимыми, чем для отчимов, однако, имеют другую ролевую нагрузку в отношениях к собственному ребенку. И если в норме отношения отца с ребенком строятся в рамках отношений отца с матерью ребенка, опосредованно через эти отношения то в случае неродного ребенка, роль отношений с матерью ребенка становится еще более значимой и нагруженной. Отчим выстраивает отношения с ребенком только потому, что существуют отношения с его матерью, и

качество супружеских отношений определяет контекст и возможность развития детско-родительских.

Согласно данным анкеты, все мужчины, независимо от того, родной ребенок растет в семье или приемный, считают, что достаточно любят детей, недостаточно терпеливы и внимательны к нему. Мужчины считают, что главной родительской функцией является ответственность родителя. При этом принятие родительской роли и родительские функции (забота, руководство развитием ребенка) значительно легче реализуются по отношению к родному ребенку. Образ родного ребенка более позитивен, при взаимодействии с родными детьми отцы более доброжелательны, а к неродному ребенку отчимы относятся более критично и требовательно, большей степени подавляют неродного ребенка. В целом отцы более удовлетворены отношениями с родным ребенком.

Таким образом, полученные эмпирические данные позволяют утверждать, что родительское отношение отчимов отличается от родительского отношения отцов. Все отличия связаны с особенностями семей повторного брака, необходимостью налаживать отношения с ребенком, имеющим свой опыт жизни с родным отцом, часто достаточно взрослым для того, чтобы иметь собственную точку зрения на ситуацию в семье. Отчимы чувствуют себя отцами, признают себя отцами и ведут себя как отцы в значительно меньшей степени, чем это наблюдается по отношению к родному ребенку.

Однако проведенное исследование поставило больше вопросов, чем дало ответов о специфике родительского отношения отчимов. Думается, что дальнейшее исследование данной проблемы требует более широкой выборки, с учетом возраста отчимов и детей, стажа повторного брака, отношений в предыдущем браке матери и наличия параллельных отношений с биологическим отцом у ребенка, наличия собственных детей у отчима, наличия совместных детей в повторном браке. Значимость подобных исследований определяется широким кругом вопросов психологической практики: полученные в исследовании данные помогут выстроить систему работы с семьями повторного брака, а также с диадами «отчим-ребенок» в рамках муниципальных и частных медицинских и семейных психологических центров; могут быть широко использованы в программах профилактики девиантного отцовства.

Список литературы

1. Алексеева Е.Е., Захарченко Е.В. Типы привязанности к отчиму детей в повторном браке родителей //Наука и образование в XXI веке: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. Тамбов: Юком, 2013. - С. 14-16.
2. Борисенко Ю.В., Белогай К.Н. Специфика формирования отцовства как психологического феномена // Сибирский психологический журнал, 2007. - №26. – С. 102-108
3. Евсеенкова Ю.В., Н.В. Дмитриева Опыт исследования феномена отцовства в рамках групповой работы//Семейная психология и семейная терапия, 2004. - №4. – С 55-69.
4. Шевченко И. О. Отчим в структуре современной российской семьи // Социология, 2011 . – № 2. - С. 186-192.
5. Goldberg W., Edwin T. Tan Kara L. Trends in Academic Attention to Fathers, 1930-2006 // Fathering, Vol. 7, No. 2, Spring 2009, 159-179.
6. Doherty, W. J. Family theories and methods: A contextual approach. [Text] / W. J. Doherty, P. G. Boss, R. LaRossa, W. R. Schumm, S. K. Steinmetz // P. G. Boss, W J. Doherty, R. LaRossa, W. R. Schumm, S. K. Steinmetz Family theories and methods: A contextual approach. – New York: Plenum Press, 1993.
7. Pleck, J. H. Paternal Involvement Revised Conceptualization and Theoretical Linkages with Child Outcomes. InM. E.Lamb (Ed.), The role of the father in child development (5rd ed), NewYork:Wiley, 2010. - p. 58-93
8. Pleck, J. H., & Hofferth, S. Mother involvement as an influence on father involvement with early adolescents // Fathering, 20086, 267–286.
9. Wallerstein, Judith; Lewis, Julia M. Disparate Parenting and Step-Parenting with Siblings in the Post-Divorce Family: Report from a 10-Year Longitudinal Study // Journal of Family Studies Vol. 13, No. 2 , 2007 p. 224-237.

Особенности субъектности женщины-матери

Васягина Н.Н.

ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет»

г. Екатеринбург, Россия

vasyagina_n@mail.ru

Аннотация: На основе концепции субъектного становления матери в современном социокультурном пространстве России, автором описаны результаты исследования актуального субъектного состояния (субъектности) женщины–матери. Показано, что наряду с выраженностью отдельных компонентов субъектности у матерей отсутствует целостная и связная выраженность этого свойства, зафиксировано преобладание низкого уровня субъектности, преобладают незрелые типы субъектности.

Ключевые слова: материнство, субъектность, уровень субъектности женщины-матери, типы субъектности.

Кардинальные изменения в российском социокультурном пространстве, модернизация образовательной политики обусловили особую значимость матери в формировании личности ребенка. Являясь первым педагогом, проводником ребенка в мир социокультурной реальности, посредником между ребенком и социокультурным пространством, по силе педагогического воздействия мать имеет преимущество по сравнению с иными субъектами образования, а потому особую актуальность приобретает осознанное материнств (Н.Н. Васягина, Т. В. Леус, С. Ю. Мещерякова, М. Ю. Чибисова, Г. Г. Филиппова и др.), основанное на личностной зрелости (А. С. Спиваковская, Л. Б. Шнейдер), высоком уровне рефлексивности (В. И. Брутман, Ж. В. Завьялова, Ю. И. Шмурак), готовности к активному изменению «мира» и «себя в мире» (Н.Н. Васягина, О. А. Карабанова, В. С. Мухина, Р. В. Овчарова, Т. Н. Счастливая), конструирующей характеристикой личности матери становится мера ее субъектности

(Н.Н. Васягина, 2010). В связи с этим назрела необходимость изучения особенностей субъектного становления матери, осознающей свою миссию, готовой к осуществлению социально значимой воспитательной деятельности, обладающей самостоятельным потенциалом, обеспечивающим ее способность к самоопределению, самопреобразованию, самореализации в материнстве.

Нами разработана концепция субъектного становления матери (Васягина Н.Н., 2013), раскрывающая взаимосвязь ее личностного и деятельностного самоосуществления в современном социокультурном пространстве. Их соотношение выступает фундаментальным условием, обеспечивающим высший уровень организации и синтеза сложно взаимосвязанных в системное целое субъектных характеристик, выявляется субъектность существования матери.

Субъектное становление матери определяется нами как ее самоизменение, определяющее момент перехода к себе как к иному, новому уровню целостности посредством актуализации самостоятельных процессов, потенциал которых обеспечивает освоение матерью своего нового субъектного состояния и задает возможные траектории изменения себя как открытой саморазвивающейся системы и изменения социокультурного пространства. Психологическая сущность субъектного становления матери заключается в том, что оно обусловлено ее самостоятельным (внутренним) потенциалом.

Предпосылки для такого понимания субъектного становления матери созданы в исследованиях, выполненных на основе *системно-эволюционного подхода*, в котором сформулированы принципы бытия и становления человека как субъекта, а также положения о многовариативности изменений субъекта как открытой саморазвивающейся системы (Н.Н. Моисеев, И. Пригожин, В.С. Степин); *субъектно-деятельностного подхода*, где становление субъекта рассматривается как процесс, раскрывающий человеческую природу, установлена связь понимания субъектом мира и себя в мире, раскрыто значение внутреннего потенциала как необходимого условия субъектного становления (А.В. Брушлинский, С.Л. Рубинштейн); *лично – ориентированного подхода* в котором становление субъекта рассматривается через реализацию собственной активности личности, «самости», способность к творческой

самореализации (К.А. Абульханова-Славская, А.Г. Асмолов, А.В. Петровский, К. Роджерс, А. Маслоу). Также были учтены положения о самосознании как смыслообразующей составляющей субъектности (Л.И. Анцыферова, Н.Н. Васягина, В.В. Знаков, В.И. Слободчиков и др.); о материнстве как личностном образовании, особой стадии идентификации и развития самосознания женщины (Н.Н. Васягина, В.С. Мухина, Т.Н. Счастливая, Г.Г. Филиппова, М.Ю. Чибисова и др.).

Исходными пунктами для раскрытия субъектности матери являются идеи К.А. Абульхановой-Славской, А.В. Брушлинского, В.В. Знакова, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, согласно которым субъектная природа человека проявляется в его способности изменять окружающий мир и себя вместе с ним, измерять и оценивать последствия этих изменений, а также положения, признающие собственную активность матери, способность сознательно действовать, осуществлять самоопределение, самоидентификацию, саморазвитие как совокупность условий, необходимых в выборе путей реализации индивидуальной активности. Такое понимание позволяет определить *сущность матери-субъекта* через проблемное поле ее самостного потенциала, подчеркивая те аспекты отношения матери к миру, в которых оно, по С.Л. Рубинштейну, раскрывается со стороны своего источника – внутренних условий, как «основания, через которое всегда только и действуют все внешние причины и влияния» (А.В. Брушлинский). В качестве такого внутреннего источника мы обозначаем самосознание матери, исследование которого мы рассматриваем как путь познания психологических аспектов субъектного становления матери современном социокультурном пространстве. Самосознанию принадлежит смыслообразующая роль в процессе построения матерью социокультурного пространства и себя как части этого пространства, осознания ценностно-смысловых оснований материнства, а также при реализации социально значимой воспитательной деятельности.

Идея социокультурной детерминации субъектного становления матери (Vasyagina N.N., 2013) и приоритетности деятельностно-преобразующего способа ее существования позволяет обозначить *рефлексию* и *антиципацию* как составляющие психологического механизма ее субъектного становления. *Суть психологического механизма* субъектного становления матери состоит в том, что он связывает воедино

актуальную и потенциальную педагогические ситуации материнства: рефлексия обуславливает осознание матерью себя в пространстве социокультурной реальности, позволяет отобрать из социокультурного пространства значения и смыслы культуры, а антиципация - построить обобщенный образ себя и диады «Мать - Ребенок» как части мира в будущем, спрогнозировать необходимые самоизменения для достижения целей воспитательной деятельности. *Действие* данного механизма состоит в придании личностного смысла воспринимаемой социокультурной реальности и формировании потенциальностей, порождающих психологические новообразования, посредством которых мать созидает себя, прогнозирует и реализует воспитательную деятельность.

Центральным в концепции является понятие *субъектное становление матери*, которое определяется нами как ее самоизменение, определяющее момент перехода к себе как к иному, новому уровню целостности, достижение высшего уровня личностной зрелости. Актуальное субъектное состояние матери отражает качественное своеобразие субъектности матери в конкретный момент времени, которое отражено в ее самосознании. Исследование самосознания матерей позволило описать общие особенности выявить уровни и типы их субъектности.

В исследовании приняли участие 850 матерей, отобранные методом случайной выборки, проживающие в разных городах России. Все респонденты состоят в браке, имеют собственных детей. 50% женщин имеют высшее образование, 50% - средне-специальное и неоконченное высшее образование. Средний возраст респондентов 31 год.

Согласно плану исследования сначала были изучены *общие особенности самосознания матерей*, раскрывающие их субъектную сущность (%):

– высокий уровень ценности материнства (76,1%), значимость материнской сферы для женщины («материнство – высшее предназначение женщины», «быть матерью – это великое счастье», «смысл моей жизни - моя дочка»);

– низкий рефлексивный опыт материнства, преобладание высказываний «я об этом никогда не задумывалась», «даже не знаю, что и сказать» и т.п. (69,3%);

– слабая дифференциация образа «Я – мать», преобладание обобщенных характеристик: «как все», «нормальная», «обычная» и т.п. (63%);

– наличие ролевого конфликта в сферах мать, жена, профессионал, свободно реализующаяся женщина. При этом наиболее яркая конкуренция наблюдается в семейной и профессиональной сферах (68,8%);

– обобщенный образ «Я – мать» представлен преимущественно совокупностью положительных личностных качеств (73%): добрая, ласковая, благоразумная, практичная, доверчивая, сотрудничающая, прощающая, ответственная (когнитивный компонент); счастливая, любящая, жалостливая, одобряющая, принимающая, взрывная (эмоциональный компонент); воспитывающая, обучающая, одобряющая, поддерживающая, помогающая, командующая (поведенческий компонент);

– рассогласование образов «Я – мать» – «Идеальная мать» (69,6%). Незначительное совпадение данных образов проявляется в качествах ответственная, любящая, ласковая, воспитывающая, помогающая ребенку. Прочие качества идеальной матери находятся в зоне конфронтации с образом «Я – мать», порождая множество конфликтов: когнитивные («не все знаю», в то время как идеальная мать «должна знать все»; «не всегда понимаю своего ребенка», тогда как идеальная мать «всегда понимает»; «не всегда знаю, как повлиять на ребенка», в то время как идеальная мать «всегда может оказать влияние» на него); регулятивные («не всегда справедлива», идеальная мать, «всегда справедлива по отношению к ребенку»; «не всегда терпелива», тогда как идеальная мать «всегда терпелива»; «кричу на ребенка», тогда как идеальная мать «говорит спокойно»; «раздражена», идеальная мать «всегда уравновешена»; «уставшая», идеальную мать видит «отдохнувшей»); личностные (связаны с неприятием своих качеств: отмечают свою слабость, неблагоразумность, непрактичность, в то время как идеальная мать должна быть сильной, благоразумной, практичной);

– доминирование ситуативного избирательного отношения к себе (44,5%). Самоотношение матерей определяется конкретной ситуацией: в стабильных привычных ситуациях отношение к себе позитивное: женщины уверены в себе, ориентированы на успех, а в нестандартных ситуациях возникает беспокойство, тревожность, уверенность в себе снижается, актуализируются механизмы психологической защиты;

– незрелость материнской позиции, которая проявляется в эмоциональной значимости ребенка для матери, с одной стороны, и неумении открыто выражать свои переживания по поводу взаимодействия с ним, с другой стороны (75,6%);

– отсутствие перспективы будущего, потребности и готовности самоисследования и самоанализа (92,4%).

Обнаруженные особенности свидетельствуют о противоречивом, конфликтном характере осознания респондентами себя как матери.

Аналогичную картину мы получаем и при исследовании *уровней субъектности матерей*: преобладающим в выборке является *низкий уровень субъектности* (63,12% от общего числа респондентов), который характеризуется недостаточной дифференцированностью образа «Я-мать», что не позволяет респондентам понять сложность и многообразие своего внутреннего мира, лишает возможности гибко реагировать на происходящие события, блокирует возможности познания мира, сравнения себя с ним и, как следствие, изменение мира и себя; закрытостью по отношению к новому опыту, стремлением «сохранить все как есть»; отсутствием в образе «Я-мать» необходимого разнообразия характеристик отражающих собственную позицию матери; непринятием роли матери и как следствие обесценивание себя в роли матери; недостаточной воспитательной компетентностью; не сформированностью воспитательных навыков и умений, позволяющих принимать эффективные решения при реализации воспитательной деятельности; отсутствием навыков самопроектирования будущего; отсутствием осознания посреднической функции между ребенком и обществом.

Наряду с общими особенностями, на основе комбинации элементов самосознания были выделены *типы субъектности матерей*. На данном этапе исследования статистическая обработка результатов осуществлялась на основе кластерного и факторного анализа. Сначала ко всему массиву исходных данных применялся кластерный анализ (метод Уорда), позволяющий разделить выборку на качественно однородные группы. Исходные переменные респондентов каждой группы по единой методической процедуре, для выявления и объяснения взаимосвязей между ними подверглись факторному анализу (метод главных компонент, вращения Varimax). На

основании критериев Кетелла и Кайзера в каждой группе были выделены факторы, рассмотренные как причины совместной изменчивости входящих в них переменных, что позволило выделить и описать факторную структуру типов субъектности матерей. Поскольку согласно теоретическому обоснованию нашей концепции типологические особенности субъектности обусловлены степенью овладения матерью единым механизмом рефлексии и антиципации, образовавшиеся в результате статистической обработки данных типы были проанализированы экспертами (n=15) на предмет их дифференциации по принципу сформированности психологического механизма субъектного становления матери. Проверка согласованности экспертных оценок осуществлялась с помощью критерия Альфа Кронбаха ($\alpha=0,76$). Получившиеся в результате типы представлены в таблицах 1-4.

При несформированных механизмах рефлексии и антиципации были выделены два типа субъектности матерей: субъектно-жертвенные и субъектно-противоречивые (Таб.1).

Таблица 1

Факторная структура типов субъектности матерей при несформированных механизмах рефлексии и антиципации

Основания анализа	Типы субъектности матерей			
	<i>Субъектно-жертвенные матери</i> (19% от выборки)		<i>Субъектно-противоречивые матери</i> (15,5% от выборки)	
Номер фактора	Название фактора	Доля объяснимой дисперсии (%)	Название фактора	Доля объяснимой дисперсии (%)
1	Отсутствие сотрудничества - самолюбование	18,7	Эмоциональная холодность во взаимодействии с	18,9

			ребенком саморуководство	–
2	Саморуководство	14,7	Формирование зависимости активности	развитие 8
3	Склонность к идентификации	13,2	Отвергающее к ребенку	отношение 5
4	Отвержение роли матери	11,2	Удовлетворенность отношениями с ребенком	8
5	Стремление к доминированию	10,2	Самопринятие – принятие ребенка	6
6	Игнорирование эмоций ребенка	8,96	Самоценность – развитие ребенка	9,92
7	Инфантилизация ребенка	7,65	Непоследовательность – когнитивная сложность	6,64
8	Излишняя строгость	6,31	Несамостоятельность – вмешательство во внутренний мир ребенка	6,61
9	Самопринятие	4,88	-	-
<i>Общий % от всех дисперсий</i>		95,9	<i>Общий % от всех дисперсий</i>	
			100	

Субъектно-жертвенные матери характеризуются отвергающим с явлениями инфантилизма стилем взаимодействия с ребенком. Низко оценивают индивидуально-личностные особенности ребенка, приписывают ему социально не одобряемые черты и наклонности. Высоко ценят и принимают себя во всей полноте своих проявлений, ожидая признания окружающих. Конфликтные ситуации и неудачи не являются основанием для самосовершенствования. Несмотря на общий положительный фон самовосприятия, негативно относятся к материнским функциям, ощущают самопожертвование в роли матери.

Субъектно-противоречивые матери непоследовательны и непостоянны при реализации воспитательной деятельности, что проявляется в эмоциональной холодности, отвержении ребенка, с одной стороны, и удовлетворенности отношениями с ребенком, его принятием – с другой; в одних ситуациях матери стремятся развить активность ребенка, в других – инфантилизируют его. Характеризуются позитивным самоотношением и самопринятием, ощущают ценность собственной личности и силу «Я». Супруга воспринимают как безучастного, не включенного в дела семьи.

При преобладании механизма рефлексии также выделены два типа субъектности матерей (таб.2): *субъектно-нормативные* и *субъектно-неуверенные*.

Таблица 2

Факторная структура типов субъектности матерей с преобладанием механизма рефлексии

Основания анализа	Типы субъектности матерей			
	<i>Субъектно-нормативные матери</i> (17,2% от выборки)		<i>Субъектно-неуверенные матери</i> (15,5% от выборки)	
Номер фактора	Название фактора	Доля объяснимой дисперсии (%)	Название фактора	Доля объяснимой дисперсии (%)
1	Недовольство – контроль	20,78	Противоречивость матери	20,98
2	Зависимость матери	16,47	Личностная незрелость	19,66
3	Принятие ребенка	14,55	Ригидность Я - концепции	14,55
4	Понимание ребенка	11,8	Безучастность мужа –	12,7

			забота о ребенке	7
5	Конфликтность	9,74	Умение воздействовать на состояние ребенка	11,3 8
6	Выполнение обязанностей	8,44	Принятие ребенка - самообвинение	8,65
7	Самоценность	6,97	Амбивалентная самооценка – партнерские отношения	7,01
8	Эмоциональная близость с ребенком – отрицание вины	5,87	Отрицание своей вины в болезни ребенка	5,03
<i>Общий % от всех дисперсий</i>		<i>94,6</i> <i>6</i>	<i>Общий % от всех дисперсий</i>	<i>100</i>

Субъектно-нормативные матери привержены социальным нормам и ценностям. Отношения с ребенком характеризуются теплотой, пониманием, принятием, близостью и руководством. Уверены в себе, ощущают ценность собственной личности, однако неразрешенные внутриличностные конфликты не позволяют им чувствовать себя счастливыми. Не удовлетворены жизнью, но не предпринимают усилий для того, чтобы что-либо изменить: недовольны ролью хозяйки дома, но продолжают выполнять свои функции; недовольны позицией мужа, но не идут на конфронтацию с ним. При этом не склонны к самообвинению, ответственность за неудачи переносят на окружающих.

Субъектно-неуверенные матери характеризуются противоречивостью субъектной позиции. В них сочетаются ригидная «Я – концепция» и склонность к самокопанию; неуверенность в себе и притязания на достижения; положительное самоотношение в целом и противоречивое в роли матери; стабильность, последовательность при реализации воспитательной деятельности, принятие ребенка и негативные чувства, возникающие в процессе взаимодействия с ним. Таким образом, матери, вошедшие в данную группу, отличаются значительной напряженностью и конфликтностью

самосознания. Факторная структура типов субъектности матерей с преобладанием механизма антиципации представлена в Таблице 3.

Таблица 3

Факторная структура типов субъектности матерей с преобладанием
механизма антиципации

Основания анализа	Типы субъектности матерей			
	<i>Субъектно-деятельные матери</i> (13,8% от выборки)		<i>Субъектно-благополучные матери</i> (7% от выборки)	
Номер фактора	Название фактора	Доля объяснимой дисперсии (%)	Название фактора	Доля объяснимой дисперсии (%)
1	Доминирование и контроль	26,23	Субъективное благополучие	30,57
2	Амбивалентность чувств	20,64	Субъективно высокая самооценка	24,91
3	Стремление к самосовершенствованию	15,14	Представление о несчастной матери, которой не буду никогда	23,14
4	Саморуководство	12,21	Потребность быть идеалом для ребенка	21,35
5	Воспитательная деятельность	11,23	-	-
6	Материнско-детские взаимоотношения	8,01	-	-
7	Самопринятие	5,24	-	-
<i>Общий % от всех дисперсий</i>		98,74	<i>Общий % от всех дисперсий</i>	99,98

Субъектно-деятельные матери самокритичны, рациональны, принимают ответственность за себя и свои поступки, обладают положительным самоотношением, стремятся к саморазвитию и самосовершенствованию. Ярко проявляется тенденция к доминированию и стремление контролировать все сферы жизни. Супруг воспринимается как безучастный, а его влияние на дела семьи обесценивается. Обладают четко сформулированной воспитательной позицией, устанавливая отношения зависимости с ребенком, стремятся быть непререкаемым авторитетом для него. Отсутствие рефлексивного анализа и ориентации на состояния и потребности ребенка порождает множество конфликтов при реализации воспитательной деятельности.

Субъектно-благополучные матери характеризуются переживанием субъективного благополучия и отсутствием критичности в оценке отношений с собой, с ребенком, с супругом, с окружающими. Обладая ригидностью образа «Я – мать», стремятся сохранить в неизменном виде свои качества, требования к себе, а главное – видение и оценку себя. Ощущение самодостаточности и достижения идеала мешает реализации возможности саморазвития и самосовершенствования. Имеют ярко выраженные позитивные самоотношение и отраженное отношение, не склонны к самообвинению. Ощущение удовлетворенности собой сочетается с порицанием других, приписыванием им ответственности за неудачи. Принимают и одобряют ребенка, но требуют от него социальных успехов. Стремятся быть непререкаемым авторитетом, пытаются исключить все, что может помешать ребенку воспринимать мать как идеальную. Всеми силами поддерживают образ благополучия и удовлетворенности. Все, что может угрожать самооценке, отвергается и не принимается. Факторная структура субъектности матерей при сформированных механизмах рефлексии и антиципации отражена в Таблице 4.

Таблица 4

Факторная структура субъектности матери при сформированных механизмах рефлексии и антиципации

Основания анализа	Тип субъектности матерей
	<i>Субъектно-зрелые матери</i> (12 % от выборки)

Номер фактора	Название фактора	Доля объяснимой дисперсии (%)
1	Принятие роли матери – принятие ребенка	22,4 7
2	Жизненная позиция – воспитательная позиция	18,2
3	Кооперация с ребенком	21,1 4
4	Эмоциональная близость – рефлексия	17,5 2
5	Эмоциональное сопровождение процесса взаимодействия с ребенком	11,9
6	Адаптивность	8,73
<i>Общий % от всех дисперсий</i>		<i>100</i>

Субъектно-зрелые матери уверены в себе, принимают себя. Обладая развитой рефлексией и способностью к антиципации, достаточно критично относятся к себе. Конфликт между реальным и идеальным «Я» является стимулом для саморазвития и самосовершенствования. Принимают роль матери и хозяйки дома и удовлетворены ей. Характеризуются гармонией в отношениях с собой, с ребенком, с супругом, с другими людьми. Безусловно принимают ребенка во всей полноте его проявлений, не стремятся ускорить его развитие или инфантилизировать. Отношения с ребенком характеризуются эмоциональной близостью и доверием.

Исследование особенностей субъектного становления женщины-матери, представленное в настоящей работе показывает, что наряду с выраженностью отдельных компонентов субъектности, у них отсутствует целостная и связанная выраженность этого свойства, в самосознании выявлены существенные деформации, препятствующие субъектному становлению, несформирован психологический механизм субъектного

становления матери, что предопределяет преобладание низкого уровня и незрелых типов субъектности матерей. Полученные данные свидетельствуют о необходимости реализации системы психолого-педагогического сопровождения, способной объективировать значимые составляющие субъектного становления женщины-матери.

Список литературы

1. Васягина, Н.Н. Диагностика и коррекция самосознания матери : учеб. Пособие (Гриф УМО по педагогическому образованию) / Н.Н. Васягина, Е.Н. Рыбакова ; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2010.
2. Васягина, Н.Н. Мать как субъект социокультурного пространства : монография / Н.Н. Васягина; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2010. – 21,2 п.л.
3. Васягина, Н. Н. Социокультурная детерминация материнства (статья) / Н.Н. Васягина // Актуальные проблемы психологии личности : сб. науч. трудов / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2013.
4. Васягина, Н. Н. Специфика и условия эффективности воспитательной деятельности родителей / Н.Н. Васягина // Педагогическое образование в России. – 2013. – №2.
5. Васягина, Н. Н. Субъектное становление матери в современном социокультурном пространстве России [Текст] : монография / Н. Н. Васягина ; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург : [б. и.], 2013. – 309 с.
6. Васягина, Н.Н. Теоретико-методологические основания субъектного становления матери в социокультурном пространстве / Н.Н. Васягина // Мир науки культуры и образования. – 2010. – №4. – 0,8 п.л.
7. Vasyagina, N. N. The influence of contemporary social and cultural space of Russia on the value-semantic content of motherhood [Текст] / N. N. Vasyagina // Middle East Journal of Scientific Research. – 2013. – №2.

**Субъектное становление женщины-матери:
основные концептуальные положения**

Васягина Н.Н.

ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет»

г. Екатеринбург, Россия

vasyagina_n@mail.ru

Кардинальные изменения в российском социокультурном пространстве, модернизация образовательной политики обусловили особую значимость матери в формировании личности ребенка. Являясь первым педагогом, проводником ребенка в мир социокультурной реальности, посредником между ребенком и социокультурным пространством, по силе педагогического воздействия мать имеет преимущество по сравнению с иными субъектами образования. В связи с этим особую актуальность приобретает осознанное материнство, требующее от матери большей зрелости, готовности к самореализации, личностному развитию, активному изменению «мира» и «себя в мире», а конструирующей характеристикой личности матери становится мера ее субъектности.

Нами разработана концепция субъектного становления матери (Н.Н. Васягина), раскрывающая взаимосвязь личностного и деятельностного самоосуществления женщины-матери в современном социокультурном пространстве, соотношение которых выступает фундаментальным условием, обеспечивающим высший уровень организации и синтеза сложно взаимосвязанных в системное целое субъектных характеристик матери.

Субъектное становление матери определяется нами как ее *самоизменение*, определяющее момент перехода к себе как к иному, новому уровню целостности посредством актуализации самостных процессов, потенциал которых обеспечивает освоение матерью своего нового субъектного состояния и задает возможные траектории изменения себя как открытой саморазвивающейся системы и изменения социокультурного пространства.

Предпосылки для такого понимания субъектного становления матери созданы в исследованиях, выполненных на основе *системно-эволюционного, субъектно-деятельностного* и *личностно-ориентированного подходов*. Учет ключевых моментов обозначенных подходов послужил ориентиром и при создании обобщенной модели субъектного становления матери в социокультурном пространстве.

В основу модели заложена идея взаимосвязи и взаимообусловленности меняющихся бытия и самой матери, включенной в бытийствование как активный преобразующий фактор, а также выполнение матерью социально значимой воспитательной деятельности, при реализации которой наиболее отчетливо проявляется ее субъектность. Разделяя позицию Е. Г. Зинкова, С. В. Панченко, Л. Л. Редько, Р. М. Чумичевой и др., в качестве целостной характеристики бытия российской матери мы рассматриваем современное социокультурное пространство России, представленное формой существования культуры в единстве ее материально-вещественных и духовно-смысловых результатов и образцов, сложившимися в настоящий момент культурными смыслами различных видов деятельности и отношений людей. Являясь сложноорганизованной и неоднородной системой, социокультурное пространство представлено непрерывным взаимодействием и взаимообусловливанием его *общественной и индивидуальной* плоскостей.

Социокультурное пространство общества включает макро- (государственное, этническое, региональное и т.п.) и микро- (семейное, материнско-детское) уровни, на каждом из которых закреплены более или менее обобщенные представления о матери, ее предназначении и роли в воспитании ребенка, выраженные в ценностно-смысловом наполнении материнства как психолого-педагогического явления современного социокультурного пространства. Обращение к общекультурным смыслам и ценностям создает условие для рождения новых индивидуально-смысловых структур матери, закрепленных в ее *индивидуальном социокультурном пространстве* - сложившемся на данный момент образе мира, определяющим для матери значение и смысл восприятия, понимания и преобразования социокультурной реальности.

Принципиальное значение для нашей концепции имеет позиция, согласно которой активная деятельность субъекта является условием, благодаря которому тот или иной

фрагмент объективной реальности выступает как объект, данный субъекту в форме деятельности (В. А. Лекторский). Поскольку главной функцией социокультурного пространства является воспитание (Н. Б. Крылова, Б. В. Савченко), а в мировоззрении мирового социокультурного пространства сущность матери выражается через реализацию воспитательных функций (И. Кант, В. А. Рамих, А. Белый, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, В. В. Розанов и др.), становление матери как субъекта социокультурного пространства возможно только при условии реализации ею *воспитательной деятельности*, сущностный смысл которой заключен в «преобразовательной активности», направленной на формирование у ребенка «смысловых образований», где как бы «записаны эффекты воспитательного воздействия», «вклады» (В. А. Петровский) матери.

Для отражения сути субъектного становления матери важно охарактеризовать *актуальное состояние, отражающее субъектную сущность матери* в конкретный момент времени. В связи с этим возникает необходимость обоснования критериев, позволяющих утверждать, что мы имеем дело с матерью-субъектом. Заметим, что атрибутивные характеристики субъекта, описанные в литературе, отличаются значительной вариативностью, однако проведенный анализ позволяет утверждать, что субъектное становление матери начинается с различения в себе некоторой внутренней инстанции, которая распоряжается всем наличием личностных потенциалов. Опираясь на работы, раскрывающие сущность субъекта через активно-преобразующую функцию личности (К. А. Абульханова-Славская, А. В. Брушлинский, Л. И. Божович, А. В. Петровский, В. Э. Чудновский и др.), и исследования самосознания личности как смыслообразующей основы субъектности (В. В. Знаков, Ю. В. Слюсарев, В. В. Столин и др.), в качестве такой инстанции мы обозначаем *самосознание матери, исследование которого мы рассматриваем как путь познания психологических аспектов субъектного становления матери в современном социокультурном пространстве*. В свете высказанного замечания критериями субъектности матери будут являться результирующие характеристики ее самосознания.

Рассматривая процессуальные характеристики становления матери как субъекта, следует подчеркнуть, что субъектное становление матери происходит в проблемных ситуациях, где заостряются противоречия между той или иной плоскостью

социокультурного пространства, необходимостью реализации воспитательной деятельности и возможностями матери. Такие ситуации являются своего рода точками бифуркации, характеризуются состоянием неудовлетворенности ролью матери, собой, ребенком и т.п. и сопровождаются бессознательным или сознательным поиском путей преодоления психологического дискомфорта, совладание с которым открывает перед матерью новые вариативные траектории самоизменения. В первом случае срабатывают механизмы психологической защиты, которые блокируют процесс субъектного становления матери, во втором особую значимость приобретает самосознание как основа целостного субъектного становления матери.

Идея детерминации субъектного становления матери общественной и индивидуальной плоскостями социокультурного пространства и приоритетности деятельностно-преобразующего способа ее существования позволяет обозначить рефлексию и антиципацию как составляющие психологического механизма субъектного становления матери. Суть психологического механизма субъектного становления матери состоит в том, что рефлексия обуславливает осознание матерью себя в пространстве социокультурной реальности, позволяет отобрать из социокультурного пространства значения и смыслы культуры, а антиципация - построить обобщенный образ себя и диады «Мать - Ребенок» как части мира в будущем, спрогнозировать необходимые самоизменения для достижения целей воспитательной деятельности. Действие механизма состоит, во-первых, в придании личностного смысла воспринимаемой социокультурной реальности, в построении матерью индивидуального социокультурного пространства и себя как части этого пространства; во-вторых, в актуализации самостных процессов, посредством которых мать созидает себя, достигает высшего уровня личностной зрелости; в-третьих, обеспечивает матери выход на уровень устойчивой самореализации посредством изменения себя, и, как следствие, ребенка и социокультурного пространства в целом.

Таким образом, субъектное становление матери осуществляется посредством преодоления границ «Я», когда мать, всматриваясь «в себя», попадает в режим особого взаимодействия – духовно-личностный, оказываясь в пространстве «между», на границах «Я» - «не Я», что связано с усилением рефлексивного действия, осмыслением оценок,

основанном на антиципации выбором. Субъектное становление обеспечивает определенный «разбег самости» матери по вектору «конечное – бесконечное»; переход от реальной формы (достигнутой формы культуры) к идеальной; предстает как конкретная мера связи всеобщего и особенного, условие преобразования социокультурного пространства, в которое женщина-мать включена как его активная сторона.

Список литературы

1. Васягина, Н. Н. Субъектное становление матери в современном социокультурном пространстве России [Текст] : монография / Н. Н. Васягина ; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург : [б. и.], 2013. – 309 с.
2. Васягина, Н. Н. Социокультурная детерминация материнства (статья) / Н.Н. Васягина // Актуальные проблемы психологии личности : сб. науч. трудов / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2013.
3. Vasyagina, N. N. The influence of contemporary social and cultural space of Russia on the value-semantic content of motherhood [Текст] / N. N. Vasyagina // Middle East Journal of Scientific Research. – 2013. – № 2.

Перспективы изучения родительской позиции

Горлова Е.Л.

Институт психологии им. Л.С. Выготского РГГУ, г. Москва, Россия

el_gorlova@mail.ru

В статье обсуждаются сложности формирования родительской позиции в современной семье и перспективы ее исследования. Родительская позиция рассматривается как формирование в семье согласованного матерью и отцом образа

развития ребенка (в системе существующих дискурсов и пространстве потребностей ребенка).

Ключевые слова: родительская позиция, потребности развития.

Внимание исследователей к проблеме становления родительской позиции неслучаен. Во-первых, вместе с трансформацией семьи, как целостности, меняется и одна из составляющих семейного института – институт родительства. Например, при сохранении большого спектра традиционных функций семьи, связанных с удовлетворением потребностей ее членов, меняется их иерархия. Так, несмотря на значимость рождения и воспитания детей, все же на главенствующее место в идеально-нормативном образе семьи выходит психотерапевтическая функция – эмоционально-психологической супружеской взаимоподдержки. Патриархальное устройство меняется на эгалитарное, а на смену расширенной многопоколенной семье приходит нуклеарная, состоящая, либо из супружеской пары (с детьми или без), либо из родителя с ребенком. Эта тенденция связана с нарушениями преемственной передачи опыта воспитания от старшего поколения младшему.

Во-вторых, противоречие между релятивистской системой отношений и ценностей в обществе и жесткой системой оценок родительской «дееспособности» со стороны образовательных учреждений приводит к рассогласованному поведению родителей по отношению к тому или иному поведению ребенка. Например, один из родителей строит свое взаимодействие с опорой на максимальное удовлетворение потребностей ребенка (детоцентристский паттерн), а другой направлен на поддержание нормосообразного, социально-одобряемого поведения ребенка (патриархальный взгляд). Воспитание ребенка – становится плацдармом для войны разных конкурирующих в обществе идей, разделяемых матерью и отцом. Довольно часто эти же споры происходят не между родителями, а внутри, в диалоге родителя с самим собой, когда мать или отец пробуют совместить несколько взаимоисключающих альтернативных ценностей, демонстрируя непоследовательное поведение, переживая тревогу в ситуации выбора своей реакции на то или иное содержание деятельности и общения ребенка, испытывая чувство вины и собственной несостоятельности.

В-третьих, в обществе сохраняется тенденция предъявлять требования к семье как институту первичной социализации, но не помогать ей в родительском самоопределении. Обучение родительству все еще воспринимается как нонсенс, довольно часто видится в негативном ключе и связывается с родительской некомпетентностью, где при отсутствии помощи семье окончательной оценкой обществом родительского краха становится лишение родительских прав. Родительская самооценка – позднее образование молодости и зрелости человека, подвержена влиянию внешних оценок особенно сильно. При этом уровень притязаний родителя связан в первую очередь не с саморазвитием, а с достижениями, успехами ребенка. Такое опосредование родительской самооценки (через качество социализации ребенка) держит родителей в заложниках все новых и новых требований к развитию ребенка.

В-четвертых, само содержание развития ребенка сегодня не имеет однозначных систем координат, и родитель сталкивается в информационном пространстве со значительным количеством и качеством описаний нормативных портретов ребенка в том или ином возрасте. Вместо естественной среды общения и совместной деятельности со своим ребенком родитель начинает сличать его способности и способности, умелости и дефициты с неким среднестатистическим представителем данного возраста, привлекает для усиленного развития множество специалистов, заменяя свое общение с ребенком искусственно созданной средой в виде специальных развивающих предметов, занятий и т.д. Вместе с тем, следует отметить, что на другом полюсе находятся семьи, неудовлетворяющие витальные потребности ребенка, не говоря о его потребностях в нормальном развитии.

Описанные тенденции обсуждаются не только на страницах СМИ, в научных работах экспертов, но и в интернет-сообществах, как специалистов, так и родителей. Просвещение родителей – одна из ведущих задач создания таких сообществ в интернет-среде.

Наш анализ показал, что современные исследования родительской позиции могут быть разделены на два типа – оценочно-контролирующие и обучающе-развивающие, а имеющиеся описания сферы родительства носят феноменологический характер и

терминологически релятивны, изменчивы. Границы использования терминов и понятий диффузные.

Вместе с тем, наиболее частый вариант связан с отождествлением родительской с отцовской и материнской позициями, хотя, конечно, с выявлением в эмпирических исследованиях различий материнства и отцовства. В нашей работе мы рассматриваем родительскую позицию как вектор, «результатирующую силу» образующуюся в процессе согласования отцовского и материнского взглядов на развитие ребенка, их ожиданий, оценок того или иного конкретно-свободного поведения ребенка. На наш взгляд, родительская позиция – это общая позиция, складывающаяся у отца с матерью в определенном пространстве дискурсов, сосуществующая с их индивидуальными (материнской и отцовской) позициями.

Итак, в данном контексте родительская позиция – это не данность, обусловленная рождением ребенка в семье, а формирующийся на пересечении отцовской и материнской позиций с потребностями ребенка согласованный образ его развития в конкретных обстоятельствах жизни семьи. Это путь обретения семьей способа соотнесения важного и несущественного в развитии и поведении, женского и мужского, общественного и личного, детского и взрослого миров. Это семейно-общественный полилог, в котором сегодня наиболее отчетливо и претенциозно звучит голос общественных институтов, научного сообщества, на другом полюсе есть голос ребенка с его ситуативностью и ведущими направлениями свободного движения. В семье именно мать и отец исследуют и соотносят эти голоса, объединяют их в «звучание» общей родительской позиции. На наш взгляд при таком понимании родительской позиции открываются новые возможности ее эмпирического изучения и построения помогающих ресурсов семье с ребенком.

Познание матерью индивидуальности ребенка в зависимости от характеристик семейной среды

Жданова С.Ю., Аликина Е.Л.

*Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь,
Россия*

svetlanaur@gmail.com, alikinant@yandex.ru

Аннотация: Представлены результаты исследования особенностей познания матерью индивидуальности ребенка в зависимости от характеристик семейной среды. Показано, что влияние факторов семейной среды на познание матерью индивидуальности ребенка неравнозначно.

Ключевые слова: познание матерью индивидуальности ребенка, общесемейная, индивидуальная среда, дискриминантный, дисперсионный анализ, взаимодействие факторов.

Семья на всех этапах жизни человека – один из важнейших компонентов в микросоциуме (Людкина Т.В., 2003). Однако в последнее время, специалисты по проблемам семьи отмечают трансформации семейных отношений, которые вызваны изменениями во всех сферах общественной жизни, произошедшими за последние два десятилетия в России. Современные родители испытывают огромные затруднения в процессе воспитания ребенка. Новые научные подходы, рекомендации, программы в сфере родительства, материнства, отцовства крайне востребованы обществом.

Актуальным научным направлением является исследование специфики материнства в русле субъектной парадигмы, которое позволяет изучать данный феномен «как психологическое явление высокой степени сложности, раскрывающее связь личностного и деятельностного самоосуществления женщины-матери в социокультурном пространстве» (Васягина Н.Н., 2013). Более полно и всесторонне раскрыть феномен материнства позволяет обращение к изучению особенностей материнства через аспект познания ею индивидуальности ребенка.

Как отмечал А.В. Брушлинский, взаимодействуя с миром, субъект проявляет активность, одной из форм которой является познание (Брушлинский А.В., 1994). Проблема познания всегда интерсубъективна, то есть предполагает диалог, общение с другим (Бахтин М.М., 1979; Брудный А.А., 2006), понимание другого (Ахиезер А.С., 2001; Бодалев А.А., 2001; Таганова А.А., 2004; Юшачкова Т.Б., 2006; Петровский В.А., 2010; Знаков В.В., 2011). Однако, как отмечают ряд авторов (Кохановский В.П., 2005, Лекторский В.А., 2001), познание другого и понимание другого не отождествляются. Познание помимо процесса понимания включает в себя процесс интерпретации (объяснения). Обе составляющие и понимание, и интерпретация – в соответствии с субъектным подходом, где не всегда законы рациональности имеют силу, оказывают значительное влияние на результаты познания. (Сергиенко Е.А., 2011).

«В основе понимания мира лежит процесс ментализации событий и их моделирование» (там же). Тогда как интерпретация может быть раскрыта через анализ механизмов, воздействующих на процесс познания (Кохановский В.П., 2005).

Как отмечают Н.К. Радина, А.В. Поршнева (2014) для эмпирического психологического исследования наибольшую операциональность несет определение понимания как «набрасывания смыслов» (М. Хайдеггер), а также определение понимания как структуры коммуникации, задающей интерсубъективную значимость познания (Ю. Хабермас). Соответственно в ситуации эмпирического психологического исследования с практическим использованием герменевтических инструментов актуальным является вопрос о категориальной матрице интерпретации. В качестве актуального ответа может служить обращение к генерации новых идей на стыке научных направлений. Одна из них – методология исследования индивидуальности с позиции субъекта (Вяткин Б.А., Щукин М.Р., 1997).

Идея заключается в том, что познавая, субъект обязательно направляет свое познание, как на собственную индивидуальность, так и на индивидуальность окружающих его людей. Таким образом, синтез двух научных направлений открывает новое исследовательское поле – познание индивидуальности с позиции субъекта её познающего, позволяя получать рефлексивное знание об индивидуальности (Жданова С.Ю., 2005).

Исследования, проводимые по данной проблеме (Жданова С.Ю., 2005; Зарипова Л.З., 2013) показывают, что на процесс познания влияют особенности познающего субъекта: индивидуальные различия, профессиональная направленность, позиции познающего субъекта. Соответственно, результат познания индивидуальности субъектом будет значительно отличаться в зависимости от сопутствующих факторов.

В контексте проблемы познания другого, особый интерес представляет изучение особенностей познания матерью индивидуальности ребенка. Мать как самостоятельный субъект (Филиппова Г.Г., 2002; Васягина Н.Н. 2013) обладает статусом Значимого Другого (Петровский А.В., 1991). Процесс познания матерью индивидуальности ребенка происходит в специфической семейной среде. Влияние семейной среды неоднородно: ряд факторов, которые отражают непосредственное прямое взаимодействие матери и ребенка (количество детей в семье, порядковая позиция ребенка в семье) образуют индивидуальную среду, факторы, влияние которых проявляется одинаково во взаимодействии со всеми членами семьи (уровень образования, возраст матери, состава семьи) образуют общесемейную среду (Равич-Щербо И.В., 2000; Силина Е.А., Баландина Л.Л., 2005; Корниенко Д.С., 2011).

Своеобразие познания матерью индивидуальности ребенка (присущий ей статус Значимого Другого, влияние семейной среды) проявляется в специфическом осмыслении индивидуальных особенностей ребенка, которое формируется под действием присущих данному субъекту механизмов познания: идентификации (Мухина В.С., 2006), прототипизации (Янчук В.А., 2009), социального сравнения (Бескова Т.В., 2013), рефлексии и антиципации (Знаков В.В., 2003; Васягина Н.Н., 2013), эмоциональной индикации (Филиппова Г.Г., 2002), трансформации психического образа (Леонтьев Д.А., 2003). Соответственно, результаты познания матерью индивидуальности ребенка будут зависеть от особенностей самого субъекта, факторов семейной среды и влиять на взаимодействие матери и ребенка.

Таким образом, актуальность в плане изучения данной проблемы, приобретают вопросы о том, как осуществляется познание матерью индивидуальности ребенка, какие характеристики индивидуальности ребенка оказываются вовлеченными в процесс познания и являются для матери значимыми, как зависит познание матерью

индивидуальности ребенка от факторов семейной среды количества детей в семье, порядковой позиции, уровня образования, возраста матери, состава семьи. Ответы на эти вопросы помогут выявить как общие закономерности в познании индивидуальности. Значимым Другим, так и специфические особенности в познании матерями индивидуальности детей в зависимости от видов семейной среды (индивидуальная, общесемейная).

Организация исследования. Исследование, проводилось в период с 2008 по 2011 г. на базе муниципального образовательного учреждения Усть-Качкинская средняя общеобразовательная школа. Общее количество обследованных составило 132 человека. Основным критерием деления на группы явилось количество детей в семье.

Первую группу составили женщины, имеющие одного ребенка (44 человека), вторую группу – женщины, имеющие двоих детей (48 человек), третья группа была представлена женщинами (40 человек), имеющими троих и более детей. Выборка была уравновешена по поло-возрастному составу детей.

В качестве методик, направленных на изучение познания матерью индивидуальности ребенка были выбраны метод свободного описания (Laljee M., Angelova R., 1995), метод направленного ассоциативного эксперимента (Серкин В.П., 2004), метод рисунка (А. Л. Венгер, 2005), метод Q-сортировки (В. Стеффонсона, 1958), анкетирование респондентов.

Выбранные методы образуют необходимый каркас исследования и отражают различные формы познания субъекта: невербальная форма познания (метод рисунка), нерелексивная вербальная форма познания (направленный ассоциативный эксперимент), релексивная вербальная форма познания (метод свободного описания М. Лалджи и стандартизированный метод изучения особенностей познания (метод Q-сортировки). Соответствующий выбор методик позволяет наиболее комплексно исследовать особенности познания матерями индивидуальности ребенка/детей и изучить эксплицитные и имплицитные знания респондентов об индивидуальности детей.

В ходе исследования было получено и подвергнуто анализу более 200 текстовых описаний матерями индивидуальности детей, около 600 ассоциаций, более 250 рисунков. В основу категориальной матрицы интерпретации была положена

категориальная сетка (Жданова С.Ю., 2005), в которой категории контент-анализа выделены в соответствии с целостным представлением об индивидуальности, пониманием индивидуальности в широком смысле слова, рассмотрением её как динамической системы, выражающей индивидуальный характер взаимосвязей всех свойств человека (Мерлин В.С., 1986; Вяткин Б.А. 2000), с включением в данную структуру характеристик индивидуальных свойств индивидуальности на основе подхода Б.Г. Ананьева, 1968, а также интеллектуальных особенностей в соответствии с М.Р. Щукина 1995 и др.).

На основании результатов сравнительного анализа данных, полученных при проведении метода свободного описания, метода направленного ассоциативного эксперимента и метода рисунка были установлены общие тенденции и специфические особенности познания матерью индивидуальности ребенка.

Общие тенденции проявляются в том, что наибольший удельный вес в структуре познания матерью индивидуальности ребенка занимают характеристики, отражающие психологические особенности ребенка (характер (85%), интересы (64%), темперамент (37%), мотивационную сферу (33%)), особенности общения (80%), а также социальные роли (75%). В меньшей степени при познании детской индивидуальности матери обращают внимание на особенности индивидуальных характеристик ребенка (внешность (10%), пол (28%), возраст (24%)), особенности общения между сиблингами (21%), обращение к имени ребенка (28%) и обращение к особенностям учебной деятельности (24%). Наличие в структуре индивидуальности ребенка категории, указывающей его имя, можно интерпретировать как проявление действия механизма идентификации (фиксация отличительных особенностей и содержательных характеристик, полученных в индивидуальном опыте).

Результаты, полученные с помощью метода свободных ассоциаций, подтверждают данные, полученные с помощью метода свободных описаний. Они свидетельствуют о том, что ассоциативное семантическое поле в процессе познания матерями индивидуальности ребенка/детей в наибольшей степени отражает черты характера (24%), особенности общения (13%) и социальные роли (10%). Данная

структура показывает, что процесс познания на ассоциативном уровне направлен на характеристики, которые помогают матери во взаимодействии с ребенком.

Результаты исследования показывают, что изображения матерей характеризуются хорошо прорисованными частями тела, в том числе рук и ног. То есть большинство матерей представляют своего ребенка коммуникативным, уверенным, общительным, активно взаимодействующим с внешним миром. При изображении ребенка испытуемые рисуют предметы, отражающие интересы ребенка (мяч, гитару, скакалку, машинку и т.д.), что подтверждает значимость для матерей интересов ребенка в процессе познания его индивидуальности.

Общие закономерности в познании индивидуальности ребенка проявляются в том, что все женщины независимо от количества детей выделяют единые категории при познании индивидуальности, которые соответствуют теоретической структуре индивидуальности: индивидные характеристики, психодинамические и психологические особенности, особенности общения, социально-психологические особенности индивидуальности и характеристики, отражающие особенности ребенка в деятельности. Познавая индивидуальность ребенка, матери всех групп в равно пропорциональной степени уделяют внимание интересам ребенка/детей и их учебной деятельности.

В ходе исследования были обнаружены особенности познания матерями индивидуальности ребенка в зависимости от количества детей в семье.

Как показывают результаты сравнительного анализа, данных, полученных при проведении метода свободного описания, существуют специфические особенности в познании индивидуальности ребенка однодетными матерями. В первую очередь, это наиболее высокий удельный вес характеристик, отражающих индивидные особенности ребенка. Почти половина однодетных матерей (45%) в процесс познания ребенка указывает его пол ($\varphi=4,58$; $p<0,01$). Например, однодетные матери пишут: «мой ребенок очень добрый, ласковый, чуткий, отзывчивый, любознательный мальчик» или «у меня трудолюбивая, внимательная, рассудительная, ласковая, заботливая дочь». Значительная часть (21%) однодетных матерей обращают внимание на особенности внешности. Описывая особенности внешности, респонденты указывают цвет глаз, волос, черты лица, особенности телосложения и рост.

Однодетные матери в процессе познания индивидуальности ребенка уделяют внимание таким характеристикам, как имя ребенка (34%) и его возраст (34%). Как правило, эти характеристики используются синхронно. Значимо чаще по сравнению с респондентами других групп в описаниях однодетных матерей присутствует ссылка на отца ($\phi=4,05$; $p<0,01$), а также на родственников ребенка ($\phi=3,14$; $p<0,01$). Ссылаясь на отца, матери пишут: «в семье есть папа-левша», «помогает папе по хозяйству», «свободное время проводит с папой». В ссылках на родственников чаще присутствует эмоциональный компонент: «любит бабушку», «любит родственников». Познание индивидуальности ребенка однодетными матерями отличается высоким уровнем эмоциональности. Для этой группы характерны наиболее развернутые тексты, включающие наибольшее количество слов ($t=2,60$; $p<0,01$).

При анализе семантического поля однодетных матерей выявлено, что в категориях, характеризующих особенности мотивационной сферы, общения и темперамента ребенка, получены двойные ассоциации: «настойчивый ребенок», «общительный ребенок» и «спокойный ребенок». Так, в ассоциативном ряду однодетных матерей значимо чаще используются ассоциации, отражающие особенности мотивационной сферы ($\phi=1,84$; $p<0,05$). Особенность познания однодетных матерей проявляется в том, что характеристики, отражающие психологические особенности индивидуальности ребенка и особенности общения ребенка, однодетные матери в большей степени отмечают на уровне ассоциаций, т.е. процесс познания происходит менее эксплицировано, чем в группе многодетных матерей, и соответственно менее рефлексивно.

Результаты анализа рисунков показывают, что для однодетных матерей ребенок является более субъективно значимым. Это проявляется в изображении ребенка увеличенного размера ($\phi=2,00$; $p<0,01$) во весь полный лист, с использованием цветного изображения ($\phi=1,83$; $p<0,05$).

Интересен факт, согласно которому изображение ребенка (26%) часто не соответствует его биологическому возрасту: дошкольник может изображаться взрослым, а дети юношеского возраста – маленькими детьми. Данный факт наглядно демонстрирует действие механизма трансформации психического образа. Действие

этого механизма проявляется в искажении отдельных соотношений (пространственных, временных и др.) и соответствует теоретическому положению Д.А. Леонтьева.

Половина испытуемых на рисунке семьи (50%) изображают ребенка, держащимся за руки с матерью ($\phi=2,04$; $p<0,05$), что можно интерпретировать как проявление механизма идентификации матери с ребенком.

Таким образом, особенностью познания однодетных матерей является высокий удельный вес категорий, отражающих особенности индивидуальных характеристик, имени ребенка, взаимоотношений с отцом и родственниками. В этой группе получены наиболее развернутые тексты, включающие наибольшее количество слов. Наряду с механизмом идентификации процесс познания индивидуальности ребенка однодетными матерями включает в себя механизм прототипизации (установление эталонов, в результате которых оценивается семейное сходство ребенка с отцом), эмоциональной индикации (эмоциональная окраска процесса познания) и трансформации психического образа (искажение образа ребенка, связанное с увеличением или уменьшением его возраста). Познание индивидуальности ребенка однодетными матерями фрагментарно, неполно, отличается высоким уровнем эмоциональности и тревожности.

Познание индивидуальности детей в группе двухдетных матерей характеризуются наиболее низким уровнем эмоциональной окрашенности по сравнению с познанием индивидуальности ребенка в группе однодетных ($\phi=6,04$; $p<0,01$) и многодетных ($\phi=2,59$; $p<0,01$) матерей. Тексты-описания индивидуальности ребенка в группе двухдетных матерей являются краткими, отличаются наименьшим количеством слов ($t=2,60$; $p<0,01$). Двухдетные матери в меньшей мере уделяют внимание индивидуальным характеристикам детей (возраст, пол, внешность) в сравнении с однодетными матерями. Наиболее заметно это проявляется в отношении характеристики, отражающей особенности внешности ($\phi=1,73$; $p<0,05$). Познание двухдетных матерей переключается с индивидуальных характеристик на характеристики, отражающие психологические особенности ребенка (черты характера, мотивационная сфера, интересы). То есть с увеличением количества детей происходит изменение структуры познания индивидуальности ребенка. Описывая интересы детей, в отличие от однодетных матерей, оперируют понятием «нравится», что можно интерпретировать как показатель

снижения уровня эмоциональности. Они пишут: «нравится, когда ему читают книги», «нравится помогать папе», «нравится конструировать, рисовать».

Для матерей данной группы значимым показателем в структуре познания индивидуальности ребенка становится его общение. Двухдетные матери при познании индивидуальности детей отмечают различные черты их характера: «веселый, общительный», «трудолюбивый, очень обидчивый» или «легкая на подъем, добрая, скрытная, впечатлительная», «строптивая, энергичная, стеснительная», «сентиментальная, наблюдательная, иногда нерешительная». Однако основная направленность познания в категории, характеризующей особенности характера, проявляется через ассоциативную семантическую универсалию, полученную только в группе двухдетных матерей – «самостоятельный ребенок». Анализ ассоциативного семантического поля показал, что в этой группе получено максимальное количество (шесть) ассоциативных семантических универсалий с высокой групповой мерой выраженности в отношении каждого ребенка. Данный факт демонстрирует особенность познания двухдетных матерей, которая выражается в наибольшем единообразии.

Анализ графических продуктов показал, что двухдетные матери чаще изображают своих детей улыбающимися. Тогда как однодетные и многодетные матери чаще изображают детей с нейтральным лицом (47% при $\phi=1,74$; $p<0,05$ и 44% при $\phi=2,59$; $p<0,01$). Если интерпретировать улыбку как символ благополучия, то познание двухдетных матерей о детях более оптимистичны и менее тревожны по сравнению с представлениями других групп. Подтверждение снижения тревожности в общении с детьми проявляется через увеличение количества рисунков, где дети изображаются с полностью нарисованными руками.

На познание двухдетных матерей оказывают влияние механизмы, которые не наблюдаются в группе однодетных матерей: механизм социального сравнения (сопоставление детей друг с другом), механизм рефлексии и антиципации (понимание ребенка и прогнозирование его поведения).

В целом, можно утверждать, что процесс познания в группе двухдетных матерей становится более глубоким и всесторонним.

Специфическая особенность познания многодетных матерей проявляется в том, что в структуре познания индивидуальности детей характеристики, отражающие индивидуальные особенности детей, занимают наименьший удельный вес. Наибольший удельный вес в структуре познания многодетных матерей составляют категории, отражающие особенности психологической сферы, особенности общения, социальные роли детей. Мотивационная сфера – основная категория, через которую происходит расширение познания многодетных матерей. Почти половина респондентов (45%) в своих описаниях характеризует мотивационную сферу детей значимо чаще по сравнению с группами однодетных (28%, $\varphi=2,52$; $p<0,01$) и двухдетных матерей (23%, $\varphi=3,33$; $p<0,01$). Для характеристики мотивационной сферы используют следующие фразы: «начатое дело доводит до конца», «упрям в достижении своей цели», «имеет упрямый характер, если решит, то не сдвинешь». Для многодетных матерей значимыми в процессе познания индивидуальности являются особенности общения между сиблингами ($\varphi=3,23$; $p<0,01$). Важность данной категории впервые проявляется в этой группе испытуемых. Например, они пишут, что «дети маленькие всегда беспокойные, но он старается к братьям и сестре найти подход», или «у сестер непререкаемый авторитет», или «легко подвержена влиянию брата и сестры», «водится с младшим братиком». Помимо общения с сиблингами, для многодетных матерей высока значимость общения ребенка с другими детьми. Социальные роли ребенка – одна из основных категорий, отмечая которую многодетные матери ($\varphi=5,81$; $p<0,01$) познают индивидуальности детей. В основном матери видят детей в роли помощников по домашнему хозяйству: «помогает по хозяйству», «типичная няня», «труженик», «незаменимый помощник на огороде», но также отмечают в своих детях роли, в которых проявляются индивидуальные особенности ребенка: «тараторка», «мечтатель», «шалун», «маленький мужчина».

Особенность познания многодетных матерей заключается в том, что с увеличением количества детей происходит отказ от опоры, состоящей из ближайшего окружения – отца детей или родственников семьи.

В результате анализа ассоциативного ряда многодетных матерей обнаружено наибольшее соответствие полученной структуры характеристик индивидуальности

ребенка структуре характеристик индивидуальности ребенка, полученной в результате обработки метода свободного описания. Данный факт говорит о повышении уровня эксплицированности в познании многодетных матерей.

В группе многодетных матерей преобладают рисунки среднего размера, выполненные четкими линиями простым карандашом, что подтверждает тенденцию роста реалистичности, снижения тревожности и повышения уверенности в процессе познания индивидуальности детей.

В процессе познания многодетных матерей действуют механизмы социального сравнения (сопоставление детей друг с другом), рефлексии и антиципации (понимание ребенка и прогнозирование его поведения), эмоциональной индикации (специфическая эмоциональная окраска процесса познания) и трансформации психического образа (искажение образа ребенка, связанное с увеличением или уменьшением его возраста). Наличие психологических механизмов различного спектра воздействия позволяет осуществлять процесс познания индивидуальности детей многодетными матерями более широко, охватывая различные свойства индивидуальности каждого ребенка. Процесс познания индивидуальности детей в группе многодетных матерей отличается наибольшей осознанностью, рефлексивностью и реалистичностью.

С целью изучения влияния фактора индивидуальной среды матери (количества детей в семье) на познание матерями индивидуальности детей данные, полученные в ходе исследования, были подвергнуты дискриминантному анализу.

Дискриминирующая способность модели «Влияние количества детей в семье на особенности познания матерью индивидуальности ребенка» имеет высокую статистическую значимость: Wilks' $\lambda = 0,51$; $F(24,320) = 5,37$ при $p < 0,001$. В модель вошли 12 из 17 категорий, составляющих структуру познания матери. Пять характеристик, которые не вошли в модель (особенности здоровья, внешности, интересов, характера и учебной деятельности), в структуре познания индивидуальности во всех группах матерей имеют равно пропорциональный удельный вес и отражают общие тенденции познания. Результаты дискриминантного анализа подтверждают выводы, полученные на основании обработки метода свободного описания, метода ассоциаций и метода рисунка: с увеличением количества детей в процессе познания

матерями индивидуальности ребенка/детей происходят изменения в структуре познания индивидуальности. Удельный вес индивидуальных характеристик снижается, тогда как удельный вес характеристик, отражающих особенности личностного и социально-психологического уровня индивидуальности, увеличивается.

В соответствии с теоретическими положениями (А. Адлер, У. Тоумен, Т. Хомескаускас, Т.В. Андреева) было выделено четыре позиции ребенка в семье: единственный ребенок, старший ребенок, средний ребенок, младший ребенок

Полученные результаты свидетельствуют о существенных различиях в познании матерью индивидуальности ребенка, в зависимости от позиции ребенка в семье. В отношении единственного ребенка выявлены наиболее значимые отличия в познании матерями индивидуальности ребенка. Особенностью познания матерью индивидуальности единственного ребенка является наиболее высокий удельный вес характеристик индивидуального уровня – пол, возраст, особенности внешности ребенка. В процессе познания индивидуальности единственного ребенка матери уделяют большое внимание имени ребенка, что подтверждает наличие механизма идентификации матери с ребенком. В отсутствие сиблингов действует механизм прототипизации, когда для сравнения ребёнка матери используют индивидуальные характеристики отца.

Среди характеристик психологического уровня индивидуальности в процессе познания матерью индивидуальности единственного ребенка предпочтение отдаётся интересам ребенка.

Специфической особенностью познания индивидуальности единственного ребенка является высокий уровень эмоциональности. Данная особенность отражает влияние на процесс познания индивидуальности единственного ребенка механизмов эмоциональной индикации (эмоциональная окраска процесса познания) и трансформации психического образа (искажение образа ребенка, связанное с увеличением или уменьшением его возраста).

Изменения в структуре познания индивидуальности старшего ребенка проявляются в снижении значимости индивидуальных характеристик и повышении значимости характеристик психологического и социально-психологического уровня. В процессе познания индивидуальности старшего ребенка мать концентрирует своё

внимание на особенностях индивидуальности, значимых для семейной жизнедеятельности, описывает качества старшего ребенка, в которых он предстаёт хозяйственным помощником, заботливой няней, ожидает от него самостоятельности и ответственности. Основным механизмом познания матерями индивидуальности старшего ребенка выступает механизм рефлексии и антиципации (понимание ребенка и прогнозирование его поведения).

Структура познания матерью индивидуальности среднего ребенка включает в себя в меньшей мере характеристики, отражающие индивидные особенности и в большей мере – характеристики, отражающие психологические особенности и особенности социально-психологического уровня индивидуальности. Наиболее высокий удельный вес характеристик, отражающих имя ребёнка и особенности его общения с сиблингами, подтверждает активное действие механизма социального сравнения.

Особенностью познания индивидуальности младшего ребенка является позиционирование его как маленького и беззащитного, что свидетельствует о наличии механизма трансформации психического образа (искажение образа ребенка, связанное с увеличением, или уменьшением его возраста). В структуре познания индивидуальности младшего ребенка наибольший удельный вес занимают характеристики, отражающие особенности психологической и социально-психологической сферы индивидуальности. Вместе с тем удельный вес характеристик индивидного уровня в структуре познания индивидуальности младшего ребенка по сравнению со старшими сиблингами увеличивается. Познание индивидуальности младшего ребенка является схожим с познанием индивидуальности единственного ребенка.

С целью изучения влияния фактора индивидуальной среды матери (порядковая позиция ребенка в семье) на познание матерями индивидуальности детей данные, полученные в ходе исследования, были подвергнуты дискриминантному анализу.

Как показывают результаты исследования, дискриминирующая способность модели «Влияние порядковой позиции ребенка в семье на особенности познания матерью его индивидуальности» имеет высокую статистическую значимость: Wilks' $\lambda = 0,57$; $F(27,474) = 3,69$ при $p < 0,001$. В модель вошли 9 из 17 категорий, составляющих структуру познания матери. Среди восьми характеристик, не вошедших в модель, пять

характеристик (особенности здоровья, внешности, характера, интересы, особенности учебной деятельности) совпадают с характеристиками из дискриминантного анализа, с помощью которого определялась зависимость познания матерью индивидуальности ребенка от количества детей в семье. Таким образом, познание индивидуальности ребенка матерями всех групп по пяти определенным характеристикам является схожим.

По результатам дискриминантного анализа «Влияние порядковой позиции ребенка в семье на особенности познания матерью его индивидуальности» было установлено, что фактор индивидуальной среды матери (порядковая позиция ребенка в семье) оказывает значительное влияние на познание индивидуальности ребенка. Отсутствие влияния фактора «порядковая позиция ребенка в семье» на познание матерями индивидуальности ребенка выявлено по трём характеристикам – возраст ребенка, отражающий индивидуальную особенность, и упоминание родственников и имени ребенка, отражающие социально-психологические особенности.

Результаты дискриминантного анализа подтверждают выявленные тенденции. С увеличением порядковой позиции ребенка происходят изменения в структуре познания матери: удельный вес индивидуальных характеристик снижается, а удельный вес характеристик, отражающих личностный и социально-психологический уровень, в структуре индивидуальности возрастает. Влияние образования матери на результаты исследования особенностей познания матерью индивидуальности ребенка анализируются результаты двухфакторного дисперсионного анализа, в рамках которого изучалась взаимосвязь факторов «образование матерей» (среднее, средне-специальное, высшее) и «количество детей в семье» на результаты познания матерями индивидуальности детей.

В соответствии с задачами было изучено влияние факторов общесемейной среды матери (состав семьи, образование, возраст) на познание матерями индивидуальности детей. По результатам двухфакторного дисперсионного анализа, в рамках которого изучалась взаимосвязь факторов «образование матерей» (высшее, среднее специальное, среднее) и «количество детей в семье», было обнаружено, что уровень образования матери оказывает сквозное влияние на вовлеченность в процесс познания по двум характеристикам: интересы ребенка ($F = 2,91, p < 0,06$) и упоминание отца ребенка ($F =$

3,02, $p < 0,054$). Так, матери со средним образованием в меньшей мере ориентированы в процессе познания индивидуальности на интересы ребенка, чем матери со средним специальным ($p < 0,018$) и высшим ($p < 0,009$) образованием во всех трех группах, независимо от количества детей. Матери, имеющие высшее образование, в большей мере ориентированы в процессе познания индивидуальности ребенка на мнение отца ребенка, чем матери со средним ($p < 0,008$) и средним профессиональным ($p < 0,016$) образованием во всех трех группах, независимо от количества детей.

Дополнительно в ходе двухфакторного дисперсионного анализа было обнаружено, что в группе многодетных матерей уровень образования оказывает влияние на вовлеченность в процесс познания характеристик, отражающих темперамент ребенка ($F = 2,28$, $p < 0,10$) и пол ребенка ($F = 3,61$, $p < 0,01$).

По результатам двухфакторного дисперсионного анализа, в рамках которого изучалась взаимосвязь факторов «возраст матерей» (молодой (18–30), средний (31–40), зрелый (41–55) и «количество детей в семье» и их влияние на результаты познания матерями индивидуальности детей. В основу используемой периодизации положена периодизация Г.С. Абрамовой (1999).

По результатам двухфакторного дисперсионного анализа обнаружен внутригрупповой эффект влияния возраста матерей. В группах матерей среднего и зрелого возраста, проявляется снижение значимости характеристик, конкретизирующей пол ребенка ($F = 2,61$, $p < 0,042$) и повышение значимости характеристики, отражающей особенности мотивационной сферы ($F = 3,27$, $p < 0,05$).

Таким образом, полученные внутригрупповые эффекты в группах матерей среднего и зрелого возраста, демонстрируют тенденции снижения значимости индивидуальных характеристик (пол ребенка) и повышения значимости характеристик, отражающих его психологические особенности (мотивационная сфера) пропорционально увеличению возраста респондентов.

По результатам однофакторного дисперсионного анализа, в рамках которого изучалось влияние фактора «состав семьи» (полная, неполная, вторичная) на результаты познания матерью индивидуальности ребенка. Обнаружено, что в группе однодетных матерей, воспитывающих ребенка в полных семьях в отличие от группы матерей,

воспитывающих ребенка в неполных семьях, значимыми в процессе познания индивидуальности ребенка являются такие показатели, как пол ребенка ($F = 4,25, p < 0,05$) и упоминание отца ($F = 3,63, p < 0,10$). В группе многодетных матерей женщины, воспитывающие детей с приемным отцом, чаще, чем женщины, воспитывающие ребенка в полных семьях с родным отцом, включают в структуру познания индивидуальности ребенка упоминание родственников ($F = 4,42, p < 0,05$) и социальные роли ребенка ($F = 2,92, p < 0,10$).

С целью подтверждения влияния семейной среды на познание матерью индивидуальности ребенка были изучены особенности познания матерью индивидуальности ребенка в условиях внесемейной среды, которые полученные в результате обработки метода Q-сортировка.

Обработка результатов диагностики по данной методике осуществлялась в три этапа. На первом этапе был применен конфирматорный факторный анализ и тесты надежности, с целью исследования конструктивной валидности и надежности шкал данной методики на исследуемой выборке матерей.

В результате эксплораторного факторного анализа были выявлены общие тенденции познания матерями особенностей поведения ребенка в группе сверстников, которые проявляются в том, что во всех группах матерей обнаружен высокий уровень познания о наличии лидерских качеств у ребенка, средний уровень познания о навыках ребенка в бесконфликтном взаимодействии и низкий уровень познания об умении ребенка налаживать контакты в группе сверстников.

В результате дискриминантного анализа были определены специфические особенности познания индивидуальности ребенка в группах однопородных, двухдетных, многодетных матерей в условиях внесемейной среды, которые обусловлены факторами её индивидуальной среды (количество детей и порядковая позиция ребенка).

В результате дискриминантного анализа были определены специфические особенности познания индивидуальности ребенка. Так особенности познания матерей о поведении единственного ребенка в группе проявляются в рассогласованности и заключаются в определении противоположенных типов его поведения: большинство однопородных матерей отмечает агрессивный тип поведения ребенка в форме

настойчивости, меньшая часть однопородных матерей отмечает бесконфликтный тип поведения ребенка в форме зависимости.

С увеличением детей особенности познания матерей о поведении старшего ребенка в группе становятся более схожими: большинство двухдетных матерей отмечают компромиссный тип поведения ребенка, меньшая часть двухдетных матерей и многодетные матери отмечают бесконфликтный тип поведения старшего ребенка.

Особенности познания многодетных матерей о поведении среднего ребенка в группе заключаются в наибольшей согласованности и определении типа поведения ребенка как наиболее агрессивного в форме соперничества. Особенности познания матерей о поведении младшего ребенка заключаются в определении типа поведения ребенка как наиболее бесконфликтного.

С целью соотнесения данных о познании матерями индивидуальности ребенка в семейной и внесемейной среде был проведен корреляционный анализ (по Спирмену). Его результаты показывают, что данные, полученные в результате изучения особенностей познания матерью индивидуальности ребенка в условиях внесемейной среды, согласуются с данными, полученными в результате изучения особенностей познания матерью индивидуальности ребенка в зависимости от характеристик семейной среды.

Таким образом, результаты исследования особенностей познания матерью индивидуальности ребенка свидетельствуют: процессуальная сторона познания, представлена механизмами познания, присущими матери как самостоятельному субъекту, результативная сторона познания, представлена в виде структуры познания индивидуальности ребенка, которая включает характеристики и уровни индивидуальности ребенка, вовлеченные в процесс познания; и позволяют сделать следующие выводы:

1. В познании матерью индивидуальности ребенка существуют общие тенденции и специфические различия, обусловленные воздействием средовых факторов. Общие тенденции в познании индивидуальности ребенка проявляются в том, что во всех группах матерей в процессе познания индивидуальности ребенка обнаружено действие механизма идентификации. Специфические различия проявляются в том, что для

однородных матерей характерно действие механизмов эмоциональной индикации, трансформации психического образа и прототипизации; в группе двухдетных матерей – социального сравнения, рефлексии и антиципации; в группе многодетных матерей – механизмов социального сравнения, рефлексии и антиципации, эмоциональной индикации и трансформации психического образа.

2. К общим тенденциям познания матерью индивидуальности ребенка относится яркая эмоциональная насыщенность процесса познания. Наибольший удельный вес в структуре познания матерью индивидуальности ребенка приходится на характеристики, отражающие психологические особенности: характер, интересы ребенка. Менее значимыми для матерей являются характеристики, отражающие особенности учебной деятельности и характеристики индивидного уровня индивидуальности ребенка (внешность и здоровье ребенка).

3. Ведущая роль в познании матерью индивидуальности ребенка принадлежит индивидуальной среде матери (количество детей в семье, порядковая позиция ребенка в семье). С увеличением количества детей в процессе познания матерями индивидуальности детей обнаружена тенденция к нарастанию рефлексивности, детализации и психологизации. В структуре познания матерей удельный вес характеристик индивидного уровня (пол, возраст) снижается, а удельный вес характеристик, отражающих особенности темперамента, мотивационной сферы, общения, социальных ролей возрастает.

Познание матерью индивидуальности единственного ребенка в большей мере направлено на индивидные характеристики, познание индивидуальности старшего ребенка – на характеристики социально-психологического уровня. Познание матерью индивидуальности среднего ребенка направлено на свойства психологического уровня индивидуальности (темперамент, характер, мотивационная сфера). Познание матерью индивидуальности младшего ребенка в многодетной семье является наиболее целостным и структурированным.

4. Влияние общесемейной среды на познание матерью индивидуальности ребенка незначительно. Матери с высшим образованием в процессе познания больше уделяют внимания интересам ребенка, особенностям его темперамента и включенности

отца в воспитательный процесс, чем матери со средним и средне-специальным образованием.

Матери зрелого и среднего возраста чаще обращают внимание на особенности мотивационной сферы, а матери молодого возраста – на характеристику, конкретизирующую пол ребенка.

Состав семьи оказывает влияние на познание матерями индивидуальности детей. Однодетные матери из полных семей чаще обращают внимание на характеристику, конкретизирующую пол ребенка и на включенность отца в воспитательный процесс, чем однодетные матери из неполных семей. Многодетные матери из вторичных семей чаще обращают внимание на характеристику, отражающую социальные роли ребенка и используют сравнение с родственниками, чем многодетные матери из полных семей.

5. Изучены особенности познания матерью индивидуальности ребенка в условиях внесемейной среды. Обнаружено, что в условиях внесемейной среды познание матерью индивидуальности ребенка становится фрагментарным, отражает особенности общения и поведения ребенка в группе.

Список литературы

1. Адлер А. Воспитание детей. Взаимодействие полов / пер с англ. А.А. Валеева и Р.А. Валеевой. – Ростов н/Д.: 1998. – 448 с.
2. Аликина Е.Л. Познание матерью индивидуальности ребенка в зависимости от характеристик семейной среды: автореф. дисс. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / Е. Л. Аликина – Екатеринбург: 2015. – 27 с.
3. Андреева Т.В. Психология современной семьи. СПб. Речь, 2005. – 244 с.
4. Ахиезер А.С. Между Я и Другим /А.С. Ахиезер // Мир Психологии. – 2001. – № 3. – С. 17.
5. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. / сост. С. Г. Бочаров; текст подгот. Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина; примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.

6. Бескова Т.В. Структурная организация отношения зависти с позиции системного подхода // Социальная психология и общество. – 2013. – №1. – С. 15–26.
7. Бодалев А.А. Феномен понимания другого и определяющие факторы /А.А.Бодалев //Мир психологии 2001. – № 3. – С. 12–16.
8. Брудный А.А. и др. Тезисы о понимании // Понимание: опят мультидисциплинарного исследования / под общ. ред. А.А. Брудного, А.В. Уткина, Е.И. Яцуты. – М.: Смысл, 2006. – С. 14–20.
9. Брушлинский А.В. Психология субъекта / А.В. Брушлинский. – СПб.: Алетейя, 2003. – 272 с.
10. Васягина Н.Н. Субъектное становление матери в современном социокультурном пространстве России [Текст]: монография / Н.Н. Васягина; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург: [б.и.] , 2013. – 364 с.
11. Вяткин Б.А. Лекции по психологии индивидуальности человека /Б.А. Вяткин / Перм. гос. пед. ун-т. – Пермь, 2000, 179 с.
12. Вяткин Б.А., Шукин М.Р. Развитие учения об интегральной индивидуальности: проблемы, итоги, перспективы // Психол. журн. –1997. – Т. 18,– №3. – С. 126 –138.
13. Жданова С.Ю. Психология познания индивидуальности человека / С.Ю. Жданова. – Пермь, 2005. – 190 с.
14. Жданова С.Ю., Аликина Е.Л. Влияние социальных характеристик матери на особенности познания индивидуальности ребенка / С.Ю. Жданова, Е.Л. Аликина // Вестн. Костром. государственного ун-та им. Н.А. Некрасова. 2011. № 3. С. 271–275.
15. Жданова С.Ю., Аликина Е.Л. Особенности представлений матери об индивидуальности ребенка в связи с количеством детей в семье / С.Ю. Жданова, Е.Л. Аликина // Вестн. Костром. государственного ун-та им. Н.А. Некрасова. Сер.: Психология. 2010. № 4. С. 140 –144.
16. Зарипова Л.З. Особенности познания индивидуальности у лиц социономических профессий: автореф. дисс. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / Лина Зефаровна Зарипова – Екатеринбург: 2013. – 28 с.
17. Знаков В. В. Субъект, личность и психология человеческого бытия / под ред. В.В. Знакова и З.И. Рябикиной. – М.: Изд-во «Ин-т психологии РАН», 2005. – С. 9–44.

18. Знаков В.В. Психология субъекта как методология понимания человеческого бытия / В.В. Знаков // Психол. журнал. – 2003. – Т. 24, № 2. – С. 95-106.
19. Знаков В.В. Понимание, постижение и экзистенциальный опыт / В.В. Знаков // Вопросы психологии. – 2011. – № 6. – С. 15–24.
20. Корниенко Д.С. Психогенетические основы интегральной индивидуальности: автореф. дисс. ...д-ра психол. наук: 19.00.01/ Дмитрий Сергеевич Корниенко. – Екатеринбург, 2011. – 43 с.
21. Кохановский В.П. Философские проблемы социально-гуманитарных наук / В.П. Кохановский. – Ростов н/Д, 2005. – 320 с.
22. Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая / А.В. Лекторский. – М.: Эдиториал, 2001. – 256 с.
23. Леонтьев Д.А. Психология смысла / Д.А. Леонтьев. – М.: 2003. – С. 118
24. Лодкина Т.В. Социальная педагогика. Защита семьи и детства. / Т.В. Лодкина. М., 2003. С. 38.
25. Мерлин В.С. Очерк интегрального исследования индивидуальности / В.С. Мерлин. – М., 1986. – 254 с.
26. Мухина В.С. Возрастная психология. Феноменология развития / В.С. Мухина. – М.: Академия, 2006. – 608 с.
27. Петровский А.В. Трехфакторная модель значимого другого // А.В. Петровский // Вопросы психологии. – 1991. № 1. С.7.
28. Петровский В.А. Человек над ситуацией /А.В. Петровский. – М.: 2010. – с. 212.
29. Психология интегральной индивидуальности: Пермская школа / под ред. Б.А. Вяткина, Л.Я. Дорфмана, М.Р. Щукина. – М.: 2011– 636 с.
30. Равич-Щербо И.В. Психогенетика / И.В. Равич-Щербо, Т.М. Марютина, Е.Л. Григоренко; под ред. И.В. Равич-Щербо. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 447 с.
31. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир / С.Л. Рубинштейн. – СПб., 2003. – 512 с.
32. Радина Н.К., Поршнева А.В., Психология и герменевтика: Герменевтический анализ понимания в математических схемах и моделях Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11. № 2. С. 90–119.

33. Сергеенко Е.А. Системно-субъектный подход: обоснование и перспектива / Е.А. Сергеенко // Психологический журнал. – 2011 – Т. 32. №1. – С. 130.
34. Силина Е.А., Баландина Л.Л. Какие они, дети из многодетных семей? (Психологический очерк индивидуальности детей из многодетных семей) / Е.А. Силина, Л.Л. Баландина. – Пермь, 2005. – С. 8 – 38.
35. Таганова А.А. Личностная идентичность и понимание значимых Других: автореферат дисс. канд. психол. наук: 19.00.01 / Анна Александровна Таганова. – Краснодар, 2004. – С. 6–20.
36. Филиппова Г.Г. Психология материнства / Г.Г. Филиппова. – М.: 2002. – 175 с.
37. Хабермас, Ю. Техника и наука как «идеология». М.: 2007.
38. Хабермас, Ю. Философский дискурс о модерне. М.: 2003.
39. Хайдеггер, М. Работы и размышления разных лет. М.: 1993.
40. Хайдеггер М. Бытие и время / М Хайдеггер. – М: «AD Marginem», 1997. – 451 с.
41. Хоментausкас Т. Семья глазами ребенка / Т. Хоментausкас. – М.: Педагогика, 1989. – 154 с.
42. Юшачкова Т. Б. Личностные детерминанты способности к пониманию других людей: автореф. дисс. ... канд. психол. наук: 19.00.05 / Татьяна Борисовна Юшачкова. – СПб.: 2006. – 26 с.
43. Янчук В.А. Прогресс в понимании психологической феноменологии: социокультурно-интердетерминистская диалогическая перспектива. Прогресс в психологии: Критерии и признаки / под ред. А.Л. Журавлева, Т.Л. Марцинковской, А.В. Юревича. – М.: Ин-т психологии РАН, 2009. – С. 262-285.

Метод исследования ожиданий принимающих родителей с помощью техники репертуарных решеток

Жуйкова Е.Б., Печникова Л.С.***, Рыжов А.Л.******

** Институт Интегративной Семейной Психотерапии, ** ГБУЗ Научно-Практический Центр Психического Здоровья Детей и Подростков им. Г.Е.Сухаревой ДЗМ,*

**** МГУ имени М.В.Ломоносова*

e.b.zhuykova@gmail.com; pech56@mail.ru; andrey.ryzhov@gmail.com

Аннотация. Подчеркивается значимость комплексного рассмотрения проблемы мотивации приема, недостаточность выделения продуктивных и неконструктивных мотивов для оценки риска дисфункциональности семьи и вторичного отказа. Описываются возможности использования техники репертуарных решеток для исследования ожиданий и мотивации принимающих родителей. Приводятся данные контент-анализа используемых приемными родителями конструктов.

Ключевые слова: принимающие семьи, мотивация принимающих семей, профилактика вторичных отказов, репертуарные решетки

Проблема вторичных отказов имеет высокую актуальность и является обратной стороной социальной политики, направленной на развитие семейных форм устройства детей, оставшихся без попечительства родителей. Многие вторичные отказы связаны с разочарованием, которое испытывают принимающие родители, когда их представления о будущем ребенке оказываются существенно отличающимися от его действительных особенностей и потребностей, а ожидания от взаимодействия не подкрепляются реальным опытом. Специалистами делаются усилия по снижению процента вторичных отказов. Для этого необходимо развитие как системы сопровождения семей на разных этапах усыновления и других форм приема, а так же психологической оценки и диагностики. Новой тенденцией является разработка системы подбора семьи для ребенка

и ребенка для семьи. В этом случае возрастает роль профессиональной деятельности психолога на этапе предшествующем началу официального процесса оформления отношений семьи и приемного ребенка.

Важным аспектом является оценка мотивации и ожиданий принимающих родителей. В исследованиях представлены два основных направления оценки мотивации принимающих родителей (см.: Печникова, Жуйкова, 2014). В зарубежных работах принят формализованный подход, в котором мотивом называется предъявляемые самой семьей причины, побудившие их прийти к решению о принятии ребенка (Malm, Velti, 2010). Это могут быть конкретные события, рациональные соображения, эмоциональные установки, религиозные убеждения, которые часто определяются социальными работниками и не ставятся под сомнение. Глубинная мотивация в большинстве современных работ не рассматривается. В противоположность, в отечественных работах мотивы принимающих родителей обычно понимаются глубже, с учетом системы личностных смыслов и мотивационной иерархии (Ослон, 2006). С этой точки зрения акцент ставится на том, что означает для потенциальных родителей принятие ребенка, какие значимые для них потребности это событие позволяет реализовать, с какими ожиданиями связано. Соответственно в качестве примеров мотивации приемных родителей может выступать желание «заглушить горе, связанное с потерей родного ребенка», стремление «сохранить брак», «преодоление возрастного кризиса» и пр. При этом существует тенденция выделять положительные, способствующие успешности принятия ребенка типы мотивов, и негативную, неконструктивную мотивацию, приводящую к дисфункциональности и повышающую риск вторичного отказа (Палиева, Савченко, Соломатина, 2011, Евстратова 2013).

Практический опыт сопровождения и консультирования семей, однако, показывает, что мотивация приемных родителей, успешно справляющихся со своими функциями, может быть очень разнообразной. Нередко у функциональных приемных семей мотивы принятия ребенка не являлись теми, которые считаются желательными или даже здоровыми. И напротив, адекватные мотивы, побуждающие взять в семью ребенка, не определяют того, что взаимодействие будет гармоничным, а родители не будут жалеть о принятом решении и обдумывать пути его отмены. Проведенное ранее

исследование (Печникова, Жуйкова, 2013) показало отсутствие связи между типом мотивации, определяемой по материалам структурированного интервью, и экспертной оценкой базовых характеристик функционирования семейной системы. Мы пришли к выводу, что определяющими являются не содержание ведущего мотива, а особенности мотивационной системы в целом, оцениваемые с точки зрения полимотивированности, возможных конфликтов значимых мотивов и развитости механизмов саморегуляции (не только и не столько на интра-индивидуальном уровне, сколько на уровне семейной системы).

Эта гипотеза ведет к практическим следствиям в области психологической оценки принимающих семей. Важными критериями является существование у семьи, кроме ведущего, ряда других значимых мотивов, которые в динамике оказывают влияние на формирование отношения к ребенку, гибкость смысловых образований, адекватность процессов целеполагания, позволяющих принимать решение ориентируясь не только на неодолимые внутренние побуждения, но и учитывая реальность, прогнозируя последствия, допуская различие между субъективным представлением и положением дел в действительности. В эмпирических исследованиях подчеркивается важность готовности принимающих родителей к изменению установок по отношению к ребенку (Nissim, 1996). Среди причин, ассоциированных с расторжением приема, выделяются особые потребности ребенка, трудности адаптации, и специфические виды проблемного поведения (Brown, Vednar, 2006). В то же время, по замечанию К. Дейра, не то, что делает ребенок, а то, какие чувства он вызывает в родителе определяет сохранность принимающей семьи (по Thomas, Philpot, 2009, с. 78).

Разработка инструментария, который могли бы использовать психологи в практической работе для оценки мотивации принимающих родителей, является важной задачей. На данный момент наиболее популярны опросники, позволяющие лишь выделить основной мотив, не минуя при этом полностью социальной желательности ответов. Методологические сложности оценки мотивации широко известны. На наш взгляд, одним из методов, который может быть продуктивно использован для поставленных задач является метод исследования системы личностных конструктов с

помощью репертуарных решеток Келли, позволяющий исследовать влияние мотивации на ожидания и представления (потенциальных) приемных родителей о детях.

Использование репертуарных решеток в отечественной практической диагностике сегодня встречается не так часто. Во многом это связано с тем, что классический тест ролевых конструктов, описанный Келли и используемый в практикуме при обучении студентов, является длительной и трудоемкой процедурой, тяжелой не только для психолога, но и для обследуемого. Однако вариаций техники репертуарных решеток существует множество, в том числе для решения технических задач в области эргономики, маркетинга и т.п., где используются достаточно простые и наглядные процедуры. Создание решеток рассматривается, как один из способов интервьюирования, а не как строгая методика. С этой точки зрения рекомендация включения репертуарных решеток в арсенал семейного психолога не должна рассматриваться как непрактичная.

В ряде публикаций описан опыт применения репертуарных решеток в работе с принимающими семьями, где ставились, однако, другие задачи. Так, исследовались представления социальных работников с разным опытом (Lifshitz, 1974), оценка профессиональных качеств и требований к специалистам (Morrison, 1991), самоотношение приемных детей (Hicks, Nixon, 1989, Butler, Green, 2007), восприятие родителями проблемных ситуаций с приемными детьми (Nissim, 1996).

Нами была разработана методика другого характера, направленная на исследование родительских ожиданий. В ней испытуемым (приемным родителям или кандидатам в приемные родители) предлагаются портреты детей, которые необходимо сравнить между собой, выделить индивидуальные основания для сравнения (конструкты), а затем проранжировать. Идея методики подкреплена реальностью – потенциальные приемные родители в действительности проводят много времени на интернет-сайтах, изучая фотографии и профили детей. Это можно считать достоинством методики с той точки зрения, что она в известной степени позволяет «актуализировать умственные операции, которыми пользуется человек в своей жизнедеятельности, его мотивы, побуждающие эту деятельность» (Зейгарник, 1987, с. 21). Методически схожее задание использовалось в исследовании мыслительных процессов при шизофрении

(Bannister, Salmon, 1966 – по Fransella, Bell, Bannister, 2004), мотивации при невротических состояниях (Соколова, Федотова, 1986).

Отличительной особенностью предлагаемой методики является то, что конструкты могут выделяться не одним человеком, а парой. При исследовании пар с помощью техники репертуарных решеток обычно каждый член диады заполняет отдельную матрицу, а затем они сравниваются между собой (например, матрицы могут включать общие элементы, но разные конструкты для сравнения, или быть полностью идентичными; так же используется прием заполнения матрицы «от лица» партнера – см. Fransella, Bell, Bannister, 2004). В нашем случае создается только одна матрица, а конструкты формулируются родителями совместно, и совместно производится ранжирование элементов. Это обосновано тем, что субъектом принятия решения в данном случае является не один человек, а пара. Отметим, что Дж.Келли (Kelly, 1955) указывал, что процедуру составления решетки следует понимать не как стандартную процедуру, а как интервью, в котором конструкт формулируется субъектом во взаимодействии с психологом, и психологу отводилась довольно активная роль (например, уточнение и прояснение конструктов). С этой точки зрения предложение исследовать конструкты, используемые парой, не противоречат методологическому подходу, лежащему в основе техники репертуарных решеток. В том случае, когда пара с трудом приходит к согласию, это может быть специально отмечено, а затем можно провести методику с каждым по отдельности. Такие случаи, однако, крайне редки.

Стимульный материал (элементы) методики

Стимульный материал был сформирован на основе результатов предварительного исследования. В рамках групп подготовки принимающих родителей было проведено интервьюирование 27 родителей, имеющих приемных детей и планирующих принять в семью ребенка. Все родители имели опыт просмотра фотографий в банке данных, с целью поиска ребенка. Родителям были адресованы вопросы: (1) на что вы обращаете внимание при просмотре фотографий, (2) какие черты детей вызывают у вас эмоциональную реакцию (позитивную или негативную)? Полученные в качестве ответов признаки распределились по 8 группам:

- пол,
- черты внешности (цвет волос, глаз и т.п.),
- возраст ребёнка,
- признаки национальности,
- признаки болезни,
- место, где сделана фотография,
- эмоции (негативные, позитивные) на лице ребёнка,
- признаки готовности к коммуникации (открытость/закрытость).

Вслед за этим в открытом доступе в интернете, на сайтах, посвященных приемному родительству, были найдены портреты детей ориентировочно от старшего дошкольного возраста до ранне-подросткового возраста (приблизительно 5-12 лет). Портреты выбирались тремя психологами, таким образом, чтобы были представлены изображения детей с различиями по группам признаков, выделенных выше.

В результате было отобрано 80 портретов, которые были распечатаны в формате 10x15 см и составили стандартный набор стимульного материала. Каждому портрету присвоен номер, зафиксированный на обратной стороне фотографии.

Процедура проведения методики

Проведение методики состоит из трех этапов: (1) составления списка элементов; (2) выделения конструкторов и (3) ранжирования элементов.

Составление списка элементов

Родителям предлагаются 80 портретов со следующей инструкцией:

«Посмотрите на эти фотографии. На них изображены дети из детских домов и приемных семей. Выберите из них 20 портретов, которые вызывают у вас какую-либо (позитивную или негативную) эмоциональную реакцию». При необходимости, родителям в свободной форме разъясняется, что они могут потратить необходимое количество времени на это, выбрав любую стратегию (последовательно перебирать фотографии, или разложить их все на поверхности стола и выбрать из общей массы). Также при уточняющих вопросах родителям разъясняется, что следует понимать под

«эмоциональной реакцией» («вам могут какие-то портреты очень нравиться, не нравиться, вызывать раздражение, умиление, жалость», «возможно, это будут те портреты, на которых вы задерживаете взгляд» и т.п.). Если методику выполняла пара родителей, им предстояло совместно решить, какие портреты будут выбраны. После того, как выбраны 20 портретов, остальные карточки откладываются в сторону.

Выделение конструкторов

Конструкторы выделяются классическим методом «триад» (Kelly, 1955). Семье предлагаются три портрета со следующей инструкцией: «Посмотрите на эти фотографии, выберете из них два портрета детей, которые чем-либо похожи и отличаются от третьего». После сделанного выбора, задается вопрос: «Чем похожи два этих ребёнка на фотографиях и чем они отличаются от третьего?». Вслед за этим, просят сформулировать противоположный полюс конструктора: «Что является противоположностью (назывался признак)? Что находится на другом полюсе этого признака?». Психолог должен занимать активную позицию, задавая уточняющие вопросы, помогая найти удовлетворяющую участника формулировку, но не навязывая своих идей. Если предлагается несколько вариантов (в том числе, когда методика проводится с парой), то психолог перечисляет все варианты, предлагая выбрать тот, который подходит лучше всего. Все это происходит до тех пор, пока не выделяется конструктор с двумя полюсами. Если значение конструктора не понятно психологу, он может задать уточняющие вопросы, целью которых является не сведение конструктора к более понятному для психолога, а прояснения вложенного туда испытуемыми значения. В случае, если конструктор является формальным (пол, цвет волос), следует уточнить, имеет ли он значение для испытуемого, однако в целом в данном варианте методики формальные конструкторы так же считаются пригодными (в связи с особенностями задачи, стоящей перед испытуемыми). После выделения первого конструктора предлагается новая тройка портретов. Тройки подбираются в свободном порядке, так, чтобы каждый из 20 выбранных портретов был равномерно представлен в разных сочетаниях. Количество предъявлений варьируется от 10 до 15, в зависимости от способности испытуемых предложить новые конструкторы. При повторении конструкторов при работе с первыми 10

триадами испытуемым предлагается сформулировать новый вариант на той же триаде или предлагалась новая. Таким образом должно быть выделено 10-15 конструктов.

Ранжирование и составление решетки

Из 20 элементов, использовавшихся на предыдущем этапе, испытуемым предлагается отобрать 10, вызывающих наибольшую эмоциональную реакцию. Эти 10 элементов используются при дальнейшем ранжировании (оптимальное количество элементов было определено эмпирически, так, чтобы с одной стороны позволить использование количественных методов обработки решетки, а с другой стороны не усложнять избыточно процедуру для семей). К выделенным карточкам-элементам добавляются так же карточки с дополнительными элементами для ранжирования – актуальными членами семьи (карточки распечатываются заранее). Количество элементов, таким образом, может различаться (но не менее 12-ти).

Испытуемым (семье) называется выделенный ими конструкт и предлагается разложить карточки (элементы) по порядку, от одного полюса конструкта к другому, так чтобы это отражало мнение испытуемых относительно степени выраженности заявленного признака у элемента.

После того, как все элементы проранжированы по всем выделенным испытуемым конструктам, им предлагается еще один, заданный, конструкт для ранжирования элементов: «легко могли бы быть приняты в нашу семью/с трудом могли бы быть приняты в нашу семью».

Все этапы проведения методики фиксируются в протоколе. Результативной частью протокола являются:

- a. Краткая информация о семье;
- b. Выбранные элементы для выделения конструктов (числовые обозначения);
- c. Триады элементов и сформированные на их основе конструкты (следует указать, к какому полюсу конструкта относится каждый элемент триады);
- d. Выбранные элементы для ранжирования;

е. Ранжирование (список элементов в выбранном порядке) по каждому конструкту.

Затем по результатам составляется ранговая решетка. На этапе составления решетки полезно упорядочить конструкты, то есть расположить полюса так, чтобы слева все время был условно «положительный», а с права – «отрицательный» полюс. Это делает матрицу более наглядной.

Обработка решетки

Полученная ранговая решетка является стандартной и к ней могут применяться известные методы анализа репертуарных решеток (см., например, Jankowicz, 2004; Франселла, Баннистер, 1987). В зависимости от «рельефности» наблюдаемых феноменов и от задач психолога, матрица может анализироваться «на глаз», с приблизительным подсчетом основных индексов от руки, или с использованием специального программного обеспечения и статистических пакетов. Мы использовали возможности Microsoft Excel© и бесплатного пакета для анализа репертуарных решеток OpenRepGrid (Heckmann, 2014). В статье выделены базовые диагностические показатели, соответствующие нашему пониманию основных задач оценки ожиданий принимающих родителей, но важно подчеркнуть, что ими возможности метода не исчерпываются и неформальный качественный анализ каждой решетки может принести большую пользу.

А) Анализ системы конструктов позволяет определить наиболее значимые параметры оценки, разнообразие используемых критериев и их гибкость. Первое, на что следует обратить внимание – это значимые корреляции заданного конструкта («может/не может легко быть принят в нашу семью») с выделенными конструктами (при подсчетах от руки достаточным может быть определение дистанций, т.е. средней разницы в оценках всех элементов по двум конструктам). Конструкты с высокой корреляцией предположительно имеют большую личностную отнесенность, большее значение в формировании ожиданий от принимаемого ребенка. Более подробно структура этих связей может быть исследована при помощи кластерного анализа конструктов (программное обеспечение для анализа репертуарных решеток обычно позволяет сделать визуальное представление решетки с данными кластеризации как конструктов, так и

элементов). По числу и содержанию кластеров можно судить о полимотивированности, разнообразии ожиданий. Количественно эту характеристику можно определить с помощью индексов, указывающих на степень взаимосвязи конструкторов между собой, таких, как показатель «когнитивной сложности» по Бири, процент дисперсии, объясняемый первым фактором. Наиболее удачным представляется «индекс интенсивности», предложенный Баннистером, представляющий собой среднее значение суммы квадратов коэффициентов корреляции Спирмена всех возможных пар конструкторов. Чем выше средний показатель интенсивности, тем более однообразными, негибкими, однородными являются оценки детей родителями. Крайне низкие показатели, напротив, могут свидетельствовать о хаотичном, неупорядоченном оценивании, спутанности представлений. Полезно так же определить индексы интенсивности отдельных конструкторов, т.е. то, какую роль отдельный конструктор вносит в распределение оценок. Более «интенсивные» конструкторы рассматриваются, как более значимые, центральные в оценке, отражающие глубинные критерии и в этом плане этот индекс имеет схожее значение с оценкой корреляции конструкторов с заданным – их различие может указывать на то, что позитивные ожидания от принятия ребенка мало связаны с другими значимыми критериями оценки, что может рассматриваться, как один из признаков амбивалентности или искаженной мотивации родителей. Отметим, что все указанные параметры позволяет рассчитать программа OpenRepGrid.

2. Оценка элементов имеет подчиненное значение, но позволяет уточнить, как именно используются конструкторы. Наибольший интерес представляют оценки «реальных» элементов, т.е. жена, муж, уже имеющиеся дети. Сами оценки по значимым конструкторам, т.е. характеристики этих объектов, представляют интерес для качественного анализа. Вычисление дистанций между родительскими объектами и детьми (как реальными, так и с высокими показателями по заданному конструктору, т.е. предпочитаемые в плане выбора) позволяет оценить степень слитности представлений, где низкие дистанции могут говорить о тенденции игнорировать реальные качества ребенка. Результаты кластерного анализа элементов могут указывать на тенденцию к исключению, противопоставлению одного из членов семьи другим и, например,

рассматриваться как индикатор риска вторичного отказа от уже проживающего в семье ребенка.

3. Анализ содержания конструктов позволяет качественно охарактеризовать содержание родительских ожиданий. Учет содержания конструктов, безусловно, является важным компонентом как при исследовании системы конструктов, так и при исследовании оцениваемых элементов, но существуют и особые методы, где акцент ставится именно на исследовании того, что именно используют испытуемые в качестве оснований для оценки. Здесь используются неформализованные методы, в большей степени опирающиеся на клинико-экспертную оценку, и формализованные, такие, как контент-анализ. Процедура контент-анализа упрощает и типизирует качественный материал, что, с одной стороны, приводит к потере смысла, с другой – позволяет стандартизировать субъективные оценки. Одной из вариаций, контент-анализа, используемых при работе с репертуарными решетками, является метод, предложенный П. Хани (по Jankowicz, 2004), где выделенные с помощью контент-анализа категории получают также оценку их релевантности для исследуемой тематики в решетке конкретного испытуемого, что определяется по проценту совпадения оценок (т.е. усредненному показателю средних дистанций) конструкта с заданным конструктом, который отражает исследуемую проблему. Использование заданного конструкта в предлагаемой методике полностью соответствует этому требованию. В соответствии с поставленными задачами, в исследовании конструктов принимающих родителей важными аспектами является (а) связь категорий с особыми мотивационными тенденциями принимающих родителей, (б) степень эмоциональной включенности родителей в оценку, способность дифференцировать привносимые субъективные искажения от реальных качеств ребенка. Попытки использования уже существующих категорий контент-анализа, как наиболее популярной в работе с личностными конструктами классификации Ланфильда (по Winter, 1992), шкалы тематического содержания для описания значимых других Блатта (Blatt, Auerbach, Levy, 1990), категорий характерных признаков эмоций категории эмоций (Reizenzein, Hoffman, 1990) показали их непригодность, так как охватывали недостаточное число конструктов, выделенных родителям (менее 60%).

В связи с этим была проведена эмпирическая классификация 184-х конструкторов с целью установления категорий контент-анализа. Эмпирическая классификация проводилась согласно предложениям, изложенным в руководстве Янковича (Jankowicz, 2004). На первом этапе эксперты производят независимые группировки карточек с конструкторами. Затем результаты их группировки сопоставляются, определяются категории, показавшие высокую и недостаточную надежность экспертных оценок. Далее, процедура повторяется с карточками из категорий, показавших недостаточную надежность. Данная процедура была проведена с участием трех экспертов. После того, как были получены приемлемые показатели надежности для всех категорий, по отдельным конструкторам, по которым оставались разногласия, принималось консенсуальное решение. В результате были получены следующие эмпирические категории контент-анализа конструкторов:

1. Характеристики настроения и эмоционального состояния - 38 конструкторов;
2. Характеристики личностных черт (за исключением тех, которые относятся к трудностям установления контакта) – 17 конструкторов;
3. Указания на трудности установления контакта – 14 конструкторов;
4. Указания на медицинские проблемы, различия в способностях – 16 конструкторов;
5. Описания внешних черт, пола, возраста ребенка – 7 конструкторов, согласованность;
6. Описания активности ребенка в данный момент, - 25 конструкторов, согласованность;
7. Указания на национальность – 3 конструктора, согласованность;
8. Приписывание мотивов, глубинных особенностей личности, указания на прошлый опыт, о которых невозможно судить по фотографии (за исключением отсылок к опыту депривации) – 19 конструкторов, согласованность;
9. Приписывание потребности (или ее отсутствия) в заботе, указания на депривационный опыт и/или актуальную брошенность, - 22 конструктора, согласованность;

10. Странные, своеобразные, труднодоступные для понимания – 8 конструкторов, согласованность;

11. Прочие – 15 конструкторов.

Выделенные категории, с одной стороны, обладают достаточной надежностью для того, чтобы использоваться разными профессионалами. Коэффициенты согласованности, определяемые, как отношение для каждой пары экспертов числа совпавших ответов для категории к числу конструкторов, которые хотя бы один эксперт отнес к категории, варьировались, но в конечном счете не опускались ниже 6,2 (для «странных конструкторов»). Для однозначно определяемых конструкторов согласованность была на уровне единицы (национальность, внешность), высокие показатели надежности так же у конструкторов относящихся к настроению и указаниям на медицинские проблемы и трудности со способностями. Более четкое описание категорий с примерами и формулировкой правил отнесения может позволить еще более повысить показатели надежности. Диагностическое значение отдельных контент-категорий должно быть уточнено в дальнейших исследованиях. На данный момент по результатам обследования небольшого количества приемных семей⁶, включающих как успешно функционирующие, так и отчетливо дисфункциональные, можно отметить, что позитивным индикатором является представленность разнообразных категорий, среди которых – характеристики настроения и эмоционального состояния, описания внешних черт, описания активности, в то время как преобладание конструкторов только одной категории и большое число конструкторов, в которых происходит приписывание мотивов и глубинных личностных особенностей, указания на медицинские проблемы, трудности установления контакта и наличие труднодоступных конструкторов является неблагоприятным признаком. Обоснованность выделения в отдельную группу конструкторов, связанных с «депривационным» содержанием связано с особой ситуацией, в которой находятся обследуемые семьи, у которых происходит заострение внимания на

⁶ Результаты основаны на обследовании 15 приемных семей в разных ситуациях: часть – в рамках семейного консультирования и сопровождения, часть – в ходе семейной терапии при нахождении на стационарном лечении на базе острого подросткового отделения ГБУЗ НПЦ ПЗДП им. Г.Е.Сухаревой ДЗМ.

вопросах, связанных с брошенностью, лишенностью, противопоставлением семейного и институционального опыта опеке.

Контент анализ позволяет осуществить приблизительную классификацию конструктов, по наиболее явным, не вызывающим разногласий у разных специалистов признакам, однако в ряде случаев полезным является использовать так же и аналитические категории, позволяющие более точно понять значение того или иного конструкта. Мы попытались выделить различные типы конструктов, на основе разной степени эмоциональной вовлеченности родителей и склонности к субъективным искажениям воспринимаемого.

(1) **Дескриптивные конструкты** – конструкты формально-описательного характера, относящиеся к особенностям изображения, характеризующие позу, пол, мимические проявления, внешние качества ребенка или особенности самой фотографии. Это обьективированные конструкты, с дистанцированием от непосредственной эмоциональной реакции.

(2) **Квалифицирующие конструкты** – конструкты, в которых содержится обобщающее суждение об изображенном ребенке. Среди них отчетливо выделяются два типа:

(а) квалификации актуального (эмоционального) состояния, где более выражена связь с изображением,

(б) квалификации устойчивых черт (характер, личностные черты), где более представлено влияние установок, предвзятого отношения и обобщение имеет поспешный характер,

(3) **Дискриминативные конструкты** – конструкты, с помощью которых происходит типологизация, сведение к заданному стереотипу. Использование данного конструкта позволяет. Примером являются конструкты о медицинской норме/патологии, сложных/простых детях, детях своей/чужой национальности.

(4) **Интерпретативные конструкты** – конструкты, содержание которых определяется привнесенным личностным содержанием, субъективными проекциями. Это конструкты, которые содержат выводы, которые заведомо не могут быть сделаны по

фотографии (например, добрый – мстительный, травмированный в детстве – с благополучным опытом).

(5) Интуитивно-оценочные конструкты – конструкты, представляющие собой переходную форму между квалифицирующими и интерпретативными. В них делается попытка квалификации конструкта, но в то же время это обобщение оказывается подверженным сильным субъективным искажениям. Это квалификации с избыточными уточнениями, конкретизацией, часто в форме придания особого значения взгляду, внешнему виду ребенка. По значению эти конструкты ближе к интерпретативным, выражающим неконтролируемое вмешательство аффективного отношения в процессы суждения.

(5) Идиосинкразические конструкты – конструкты ярко выраженного индивидуального характера, которые либо жестко связаны с особенностями конкретных изображений на фотографиях и отражают тонкие нюансы, либо отражают эксцентричность оценок. Это конструкты, трудные для однозначного понимания, которые невозможно использовать другому человеку.

(6) Конструкты, содержащие оценочные высказывания – нравятся - не нравятся, приятные – не приятные. Так же выражают поспешность эмоционального реагирования.

Наиболее адекватными, указывающими на способность к регуляции аффективно-мотивационных процессов, являются квалифицирующие конструкты.

В целом предлагаемый метод дает широкие возможности в исследовании ожиданий и мотивации приемных родителей. Он позволяет как количественную оценку, так и качественный анализ полученных данных. Гибкость метода позволяет его использовать как в практических, так и научных целях. Важную роль метод может играть в развитии адресных программ подготовки и сопровождения приемных семей. За рамки статьи вышло обсуждение возможностей использования репертуарных решеток в контексте консультирования и психотерапии, позволяющего вынести вовне присущие принимающим родителям особенности отношения к приемным детям и ожиданий от них, и сделать их предметом обсуждения.

Список литературы

Евстратова Ю. В. Исследование мотивации приема ребенка у кандидатов в замещающие родители // Психическая депривация детей в трудной жизненной ситуации: образовательные технологии профилактики, реабилитации, сопровождения. Сборник текстов. М. МГППУ, 2013. – С. 26-28.

Зейгарник Б.В. Принципы построения патопсихологического исследования // Практикум по патопсихологии (под ред. Б.В.Зейгарник, В.В.Николаевой, В.В.Лебединского). Издательство Московского Университета, 1987. С. 12-35.

Ослон В.Н. Жизнеустройство детей-сирот. М.: Генезис, 2006. – 247 с.

Палиева Н.А., Савченко В.В., Соломатина Г.Н. Мотивация принятия приемного ребенка в замещающую семью // Terra Umana, 1, 2011. – С. 132-137.

Печникова Л.С., Жуйкова Е.Б. Проблема внутрисемейной мотивации к воспитанию приемного ребенка в семье // Ананьевские чтения - 2013, Психология в здравоохранении, Материалы научной конференции. СПб: 2013. – С. 237-238

Печникова Л., Жуйкова Е. Психологическая характеристика мотивации к воспитанию приемного ребенка в семье // Психологическая наука и образование. — 2014. — № 4.

Похилько В.И. Психодиагностика индивидуального сознания. // Общая психодиагностика, ред. А.А. Бодалев, В.В. Столин. СПб.: Речь, 2006. – С. 232-245.

Соколова Е.Т., Федотова Е.О. Влияние мотивационного конфликта и когнитивной недифференцированности на устойчивость самооценки // Вестник МГУ. Сер.14, Психология. 1986; № 1. – С. 20-26.

Франселла, Ф. Баннистер, Д. Новый метод исследования личности. Руководство по репертуарным решеткам. М.: “Прогресс”. 1987 – 234 с.

Blatt S., Auerbach J., Levy, K. (1990) Mental Representations in Personality Development, Psychopathology, and the Therapeutic Process // Review of general psychology, vol. 1, No. 4. – pp. 351-374.

Brown, J. Bednar, L. (2006) Foster parent perceptions of placement breakdown // Children and Youth Services Review, 28 (2006). – pp. 1497–1511.

Fransella, F., Bell, R., Bannister, D. (2004) A manual for repertory grid technique. 2d. ed. NY, L., John Wiley and sons, 2004. – 266 p.

Heckmann, M. (2014). OpenRepGrid: An R package for the analysis of repertory grids. ZENODO. doi:10.5281/zenodo.8492

Hicks, C., Nixon S. (1989) The use of a modified repertory-grid technique for assessing self-concept of children in Local Authority foster care // *British Journal of Social work*, 19. 203-216.

Jankowicz, D. (2004) The easy guide to repertory grids. NY, L., John Wiley and sons, 2004. – 308 p.

Kelly G. (1955) The psychology of personal constructs. Vol one. A theory of personality. NY, Taylor and Francis. - 404 p.

Butler R., Green D.(2007) The child within. John Wiley and sons, 2007. – 228 p.

Lifshitz, M. (1974) Quality porofessional does training make a difference? // *British Journal of Social and Clinical Psychology*, 13. – pp. 183-189.

Malm K., Welti K. (2010) Exploring Motivations to Adopt // *Adoption Quarterly*, 13: 3-4, - pp. 185-208

Morrison, P. (1991) The caring attitude in nursing practice% a repertory grid study of trained nurse's perceptions. // *Nurse education today*, 1991, 11. – pp. 3-12.

Nissim, R. (1996). What makes for successful fostering? Using repertory grids to answer this question // *Educational and Child Psychology*, 13(4), 36–43.

Reizenzein, R., Hoffman, T. (1990) An Investigation of Dimensions of Cognitive Appraisal in Emotion Using the Repertory Grid Technique // *Motivation and Emotion*, Vol. 14, No. 1., 1990. – pp. 1-26.

Thomas, M., Philpot T. (2009) Fostering a child's recovery : family placement for traumatized children. L.: Jessica Kingsley Publishers, 2009. – 156 p.

Winter D. (1992). Personal Construct Psychology in Clinical Practice: Theory, Research and Applications. London: Routledge. – 480 p.

Позитивное родительство – путь к сотрудничеству и развитию

Карabanова О.А.

МГУ имени М.В.Ломоносова, факультет психологии, Москва, Россия

okarabanova@mail.ru

Рассмотрены цели и основные характеристики позитивного родительства, условия и факторы, определяющие эффективность родителя и качество родительства. Выделены причины девиантного родительства. Сформулированы положения, опровергающие стереотипы представлений о факторах риска реализации родительства.

Ключевые слова: родительство, позитивное и девиантное родительство, эффективность родителя

Говоря о родительстве, сегодня принято выделять крайние варианты успешности реализации воспитательной функции – позитивное/эффективное и девиантное родительство. Параметры позитивного родительства имеют социо-культурную историческую природу. Характеристики позитивного и девиантного родительства различаются в разных культурах и на протяжении истории человечества. Само понятие «child abused» определяется социальным и историческим контекстом, теоретическими взглядами на закономерности развития ребенка и функционирования семьи, социальными установками в отношении воспитания ребенка и родительства.

Ярким примером являются дебаты, которые ведутся вокруг проблемы применения физического наказания ребенка. Несмотря на то, что в большинстве европейских стран физические наказания официально находятся «вне закона», существует, достаточно широкая практика их применения как воспитательного средства. Так, по данным исследования Sawson et al. (2000), что 72% обследованной выборки молодых людей 18-24 лет в Великобритании сообщили о том, что в детстве они подвергались телесным наказаниям как средству поддержания дисциплины.

Родительство сегодня рассматривается как процесс содействия прогрессивному развитию ребенка и достижению им автономии в доброжелательной, безопасной и психологически комфортной среде, создаваемой поведением родителя. Общество занимает достаточно активную позицию в отношении неэффективного или девиантного родительства, реализуя интервенцию (вмешательство) с целью компенсации неэффективного родительства. Временами такое вмешательство оказывается несвоевременным, неэффективным и даже разрушающим семейные связи и отношения. Примером может служить неадекватная деятельность отдельных органов системы ювенальной юстиции, реализуемая вопреки ценностно-целевым установкам ее создания как в нашей стране, так и за рубежом.

Основной целью родительства является обеспечение условий оптимального умственного и личностного развития ребенка. Родительство представляет собой длительный многолетний процесс развития системы компетенций в сфере воспитания ребенка. Родительское поведение изменяется по мере взросления ребенка и развития самого родителя. Родительство – процесс, реализуемый на протяжении долгого отрезка жизненного пути. На различных возрастных этапах для развития ребенка необходимы различные паттерны родительского поведения. Родительство представляет собой двусторонний процесс взаимодействия, в который и родитель, и ребенок вносят свой значимый вклад. Качество родительства определяет будущее психологическое благополучие обеих взаимодействующих сторон. Каждый родитель потенциально может стать хорошим родителем, однако реализация этого потенциала зависит как от истории отношений в семье, так и от актуальных событий.

Основными составляющими родительства являются:

- забота (удовлетворение витальных, социальных, эмоциональных потребностей ребенка и защита от болезней, вредностей, ущерба, отвержения, насилия и пр.)
- контроль (определение и выстраивание границ поведения и деятельности);
- развитие (содействие в реализации потенциала ребенка в различных сферах) (Hoghughí, 2004).

Эффективность родителя определяется такими характеристиками родителя как

- знание, информированность, компетентность (в удовлетворении потребностей ребенка, потенциале и возможностях развития ребенка, интерпретации и понимании особенностей ключевых моментов поведения ребенка, осведомленность об источниках угрозы и факторах риска);
- мотивация (наличие потребностей, удовлетворение которых обуславливает поведение родителя);
- ресурсы (материальные и личностные);
- возможности (время и место для общения и взаимодействия с ребенком).

Кроме того, родители должны обладать умениями справляться с дистрессом, непослушанием, разрешать конфликты и устанавливать позитивные межличностные отношения.

Качество родительства определяется личностными особенностями самого родителя, личностными и индивидуальными особенностями ребенка, а также тем социальным контекстом в котором осуществляется родительство – в первую очередь, характером супружеских и брачных отношений, социальными связями семьи и профессиональной занятостью родителей.

Отметим, что ключевым условием эффективности родительства выступает взаимодействие родителя с ребенком, в котором сам ребенок оказывается активным участником и строителем детско-родительских межличностных отношений. Другими существенными условиями являются уровень психологического благополучия самих родителей, их опыт воспитания других детей и собственный опыт детско-родительских отношений.

В исследовании Бельского и Вондры (Belsky and Vondra, 1989) были выявлены факторы, влияющие на качество родительства, выделив 3 основных сферы – психологические особенности Родителя, психологические особенности ребенка, контекст. Со стороны Родителя важнейшими факторами являются

- *сенситивность* (чувствительность) родителя, включая чувствительность к возможностям ребенка, задачам развития и трудностям; способность к эмпатии, ориентацию в воспитании; реалистичные ожидания и адекватная поддержка намерений ребенка.

- *психологическая зрелость родителя* (устойчивое Я, самооценка и интернальный локус контроля; удовлетворенность психологических потребностей; способность открыто и адекватно выражать свои чувства; умение передавать свой опыт; активные стратегии совладания с трудностями; понимание результатов своего поведения);

- *психологическое здоровье*, включая теплоту, инициативность и естественность общения и взаимодействия с ребенком, стабильность и организованность образа жизни;

- *история собственного родительства*, включая опыт отношений со своими родителями.

Со стороны Ребенка – такими факторами выступают физическое здоровье, благополучие развития, особенность темперамента (легкость темперамента для родителя, возможность установления и реализации родительского контроля).

Контекстные факторы это поддержка, получаемая от партнера, социальных сетей и совместимость профессиональной занятости с выполнением родительских функций.

Все перечисленные факторы действуют не изолированно, а взаимодействуют, усиливая, нивелируя и компенсируя друг друга, и определяя в конечном итоге уровень родительской компетентности. Девиантное родительство можно считать следствием стрессового воздействия, опосредованного факторами риска, создающими чрезмерную уязвимость ребенка.

Исследования случаев дисгармоничного и девиантного родительства позволили выявить его причины. К ним относятся:

- нарушения мотивационной сферы (случайный характер зачатия ребенка; отсутствие или слабость потребности иметь детей и быть родителем; наличие у родителя более сильных «конкурирующих потребностей», чем потребность в реализации родительской любви; фрустрация жизненно важных потребностей родителя в связи с рождением воспитанием ребенка);

- семейный анамнез – отрицательное отношение к рождению ребенка супруга, родителей, других значимых членов расширенной семьи; высокая конфликтность и негативное отношение супругов друг к другу; негативный детский опыт общения с собственными родителями, прежде всего опыт отвержения и игнорирования; развод родителей; трудности сиблинговых отношений;

- позднее включение в уход и заботу о ребенке с момента его рождения; чрезмерно раннее делегирование в собственной семье функций ухода за младшим siblingом;

- личностные особенности родителя (инфантилизм и личностная незрелость, низкий уровень ответственности, эгоизм, наличие у родителя ряда неразрешенных психологических проблем);

- индивидуальные особенности ребенка - индивидуально-типологические особенности ребенка такие, например, как трудный темперамент (А.Томас, С.Чесс), несоответствие ребенка ожидаемому родителями образу, физические недостатки, дефекты;

- низкий неудовлетворительный уровень психолого-педагогической компетентности родителя, игнорирование возрастных особенностей ребенка, либо искаженное представление о них, приводящее к мистификации и грубым нарушениям системы воспитания.

Можно выделить следующие варианты нарушений родительского отношения к ребенку:

- доминирование чувства долга в отношении к ребенку и его воспитанию, отсутствие у матери интереса к ребенку, сознательное приспособление матери к потребностям ребенка, недостаток непосредственности в ее поведении;

- непоследовательность системы воспитания, противоречивость действий по отношению к ребенку;

- эмоциональное отвержение, безразличие, гиперопека, сверхтребовательность;

- чрезмерная ориентация на социальные требования и долженствования без учета индивидуальных особенностей ребенка, гиперсоциализация, выражающаяся в повышенных требованиях к ребенку без учета индивидуальных особенностей, эгоцентризм, формирующий ребенка по типу «кумир семьи», «смысл жизни»;

- чрезмерность или недостаток протекции - потворствующая гиперпротекция, доминирующая гиперпротекция, повышенная моральная ответственность, эмоциональное отвержение, жестокое обращение, гипопротекция;

- тревожный тип отношения матери к своему ребенку, отличающийся ситуативным и ограничивающим контролем, непоследовательность воспитания;
- отвержение ребенка, межличностная дистанция родителя и ребенка, авторитарная гиперсоциализация, инфантилизация (Захаров А.И., Варга А.Я., Эйдемиллер Э.Г.)

Признавая значение индивидуальности родителя для развития ребенка, авторы большинства исследований, выполненных в последние 20 лет, приходят к единому мнению о приоритетности отношений в семье и социальной поддержке как ключевом условии успешности развития ребенка. Полученные результаты позволяют сформулировать ряд положений, позволяющих по-новому оценить воздействие неблагоприятных семейных факторов на развитие ребенка и имеющих принципиальное значение для работы психолога с семьей.

Сам факт воспитания ребенка в неполной семье не является фактором риска для развития и психологического благополучия ребенка. Гораздо больший ущерб наносит развитию ребенка и его эмоциональному статусу продолжающийся родительский конфликт, а не сам факт развода, или ухудшение материального положения неполной семьи.

Отцы столь же способны к эффективному и сенситивному родительству, как и матери. В силу этого оба разведенных родителя могут равно успешно осуществлять заботу о ребенке. Не пол родителя, а совокупность обстоятельств определяют преимущества той или иной стороны в воспитании ребенка. Присутствие или отсутствие отца в семье само по себе не определяет фатальным образом развития гендерной идентичности ребенка и его психологические характеристики.

Искусственное зачатие не создает ребенку и родителю проблем или рисков эмоционального развития ребенка и детско-родительских отношений. В то же время недостаток исследований суррогатного материнства не позволяет сделать аналогичного вывода.

Психическое развитие ребенка определяется социальными отношениями, но не генетической связью.

Эмоциональное развитие и психологический статус ребенка определяется скорее целостным интегрированным опытом, а не отдельными событиями, как бы значимы

они не были. Однако влияние на развитие того или иного события определяется временем – в раннем возрасте ребенок, как правило, оказывается более уязвимым.

Постоянство отношений значимо для ребенка и позволяет ему в дальнейшем устанавливать новые социальные и межличностные отношения. *Разлука и сепарация* делает ребенка более уязвимым, но не предопределяет нарушений в развитии.

Список литературы

1. Варга А.Я. Типы родительского отношения. — Самара, 1997.
2. Захаров А.И. Психотерапия неврозов у детей и подростков – СПб. - 2006.
3. Эйдемиллер Э. Г., Юстицкис В. Психология и психотерапия семьи. — СПб - 1999.
4. Belsky, J., & Vondra, J. (1989). Lessons from Child Abuse: the Determinants of Parenting. In D. Cicchetti & V. Carlson (Eds.), Current Research and Theoretical Advances in Child Maltreatment (pp. 153-202). Cambridge, MA: Cambridge University Press.
5. Cawson P., Wattam, C.; Brokers, S.& Kelly, G. (2000) Child maltreatment in the United Kingdom NSPCC, ISBN 1-84228-006-6, London, United Kingdom.
6. Hoghugh, M. & Long, N, Handbook of Parenting: Theory and Research for Practice - 2004.

Модели отцовства как фактор различий в детско-родительских отношениях

Красильникова Е.Н.

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

e-mail: ekaterina_n_e@mail.ru

В качестве внутрисемейных факторов формирования индивидуальных различий выступают личностные характеристики родителей, особенности сиблинговых

(близнецовых) отношений и показатели детско-родительского взаимодействия.

Исследования показали, что эмоциональная стабильность родителей, открытость опыту, доброжелательность и контроль импульсивности положительно связаны с позитивной родительской поддержкой, контролем и теплотой в отношениях [3]. Матери с высоким уровнем невротизма чаще демонстрируют сверхконтроль в отношении более застенчивого ребенка [3]. Различия близнецов по уровню психометрического интеллекта напрямую связаны с показателями личностной сферы матерей, а показатели вербального интеллекта, в свою очередь, зависят от порядка рождения детей [1]. Распределение ролей в паре определяет высокий уровень развития показателей когнитивной сферы [1]. Характер сиблинговых отношений связан с экстраверсией и уровнем субъективного контроля старшего сиблинга [2]. Эмоциональная близость родителей к одному из детей положительно влияет на личностные характеристики старшего сиблинга, и отрицательно – на характеристики младшего [2]. Разная степень контроля со стороны родителей связана с эмоциональным балансом и со склонностью к депрессивным настроениям [1].

Краткий обзор исследований позволяет заключить, что различия между детьми одной семьи обусловлены разными факторами. В частности, глубокому анализу подвергаются вопросы влияния личности матерей на поведенческие, эмоциональные и интеллектуальные особенности детей. Вместе с тем, исследования показывают, что отцовские характеристики также определяют различия между детьми. Например, участие отца в жизни семьи связано с развитием эмпатии у детей, близкие отношения с отцом обуславливают более высокую самооценку и стабильность «образа Я» ребенка, дети эмоционально вовлеченных отцов характеризуются лучшим когнитивным развитием, дети, отцы которых демонстрировали положительный ранний контроль, имеют меньше проблем с поведением в школе [5].

В данном исследовании в качестве фактора индивидуальных различий рассматриваются представления мужчин об отцовстве. Предполагается, что дети отцов, демонстрирующих разные типы отцовства, отличаются друг от друга по оценке параметров взаимодействия с родителем.

Организация исследования

В исследовании приняли участие 67 двухдетных полных семей (N = 201). 67 отцов

в возрасте от 35 до 51 лет ($M = 41,1$; $SD = 3,5$) и 134 ребенка. Возраст младших детей от 7 до 15 лет ($M = 10,5$; $SD = 1,2$), возраст старших - от 12 до 18 лет ($M = 14,7$; $SD = 0,9$). Отцы проживают совместно с детьми. Все дети родные.

С целью изучения параметров взаимодействия ребенка с отцом использовался опросник «Взаимодействие родителя с ребенком» И.М. Марковской [4].

Для статистической обработки использовались Т-критерий Стьюдента для зависимых групп. Парно сравнивались показатели детей отцов разных групп. При обработке данных исследования использовался пакет статистических программ Statistica 6.0. Исследование выполнено при поддержке РФНФ, проект № 14-3601332.

Результаты и их обсуждение

В прошлых исследованиях были выделены группы отцов с разными представлениями об отцовстве (Красильникова Е.Н., Корниенко Д.С. в печати). «Ответственные» отцы вовлечены в семью, стремятся к равенству с матерью в распределении родительских обязанностей, демонстрируют средний уровень главенства. «Традиционные» отцы ориентированы на лидерство и поддержание дисциплины в семье, они отстранены от воспитания детей, родительские функции предпочитают передавать матери. «Отсутствующие» отцы в некоторой степени участвуют в жизни семьи, при этом стремление занимать главенствующую роль и разделять с матерью домашние обязанности находится на низком уровне.

Различия между детьми отцов разных групп

Рассмотрим различия между старшими детьми отцов трех групп – «ответственных», «отсутствующих», «традиционных».

Показатели детей «ответственных» отцов значительно отличаются от показателей детей «отсутствующих» и «традиционных» по таким параметрам, как «мягкость-строгость», «отвержение – принятие», «авторитетность родителя» и «удовлетворенность отношениями с родителем». Дети «ответственных» отцов считают, что отцы не применяют суровых мер и жестких правил во взаимодействии с ними. Кроме того, дети высоко оценивают степень принятия отцом их личностных особенностей и поведенческих проявлений, воспринимают отца как авторитетного человека, мнением которого дорожат и в целом демонстрируют более высокую удовлетворенность

отношениями с отцом, нежели дети из семей «отсутствующих» и «традиционных» отцов. Данные различия связаны с тем, что «ответственные» отцы вовлечены в семью, проводят с детьми больше свободного время и занимаются их воспитание, соответственно, дети воспринимают отношения с ними в позитивном ключе. Также обнаружены различия между детьми «ответственных» отцов и «традиционных» по показателю «эмоциональная дистанция – близость». Дети «традиционных» отцов не чувствуют эмоциональной близости с родителем, что, вероятно, является следствием высокой степени отстранения отца от воспитания, которая создает дистанцию и барьер в отношениях. Различий между старшими детьми «отсутствующих» и «традиционных» отцов обнаружено не было.

Рассмотрим различия между младшими детьми отцов разных групп.

Дети «традиционных» отцов значительно отличаются от детей «ответственных» и «отсутствующих» по показателю «нетребовательность – требовательность». Младшие школьники, которых воспитывают «традиционные» отцы, считают, что родитель предъявляет к ним много требований и ждет высокого результата в деятельности. Такое восприятие детьми взаимоотношений связано с высоким уровнем доминирования отца в семье, для которого требовательность является одним из важных компонентов дисциплины. Младшие школьники, отцами которых являются «ответственные» родители, отличаются от детей «отсутствующих» и «традиционных» отцов по таким параметрам взаимодействия, как «отвержение – принятие», «воспитательная конфронтация в семье» и «удовлетворенность отношениями с родителем». Можно предположить, что дети «ответственных» отцов высоко оценивают степень воспитательной конфронтации, поскольку отец не стремится быть лидером и главой семьи, соответственно, его мнение и поступки могут быть оспорены другими членами семьи. Также дети «ответственных» отцов демонстрируют наиболее высокий уровень «эмоциональной близости» из всех трех групп. Кроме того, обнаружены различия по показателям «отсутствие сотрудничества – сотрудничество», «непоследовательность – последовательность» между оценками детей «ответственных» отцов и «традиционных». Дети «традиционных» отцов в меньшей степени ощущают себя равноправными членами семейной системы, мнение которых учитывают, также они низко оценивают

последовательность воспитательных действий отца. «Традиционный» отец характеризуется средним уровнем равенства и высоким уровнем главенства, следовательно, в семейных отношениях не склонен к сотрудничеству, предпочитает принимать решения самостоятельно.

Итак, дети отцов, обладающих разными представлениями об отцовстве, отличаются друг от друга по восприятию особенностей взаимодействия с отцом.

Отцы, ориентированные на вовлечение в семью и равенство с матерью, демонстрируют поведение, которое оценивается детьми, как мягкое, принимающее, доверительное, последовательное и основанное на сотрудничестве. Дети воспринимают такого отца как авторитетного человека, отношения с которым вызывают удовлетворение.

Отцы, стремящиеся к доминированию и отстранению от воспитания, выстраивают взаимодействие таким образом, что ребенок чувствует отвержение своей личности, строгость семейных правил, требовательность, эмоциональную дистанцию отца и непоследовательность его воспитательных действий. Наблюдается низкий уровень конфронтации членов семьи друг с другом и низкий уровень удовлетворенности ребенка отношениями с отцом.

Список литературы

1. Генотип. Среда. Развитие. [Текст] / М.С. Егорова, Н.М. Зырянова, О.В. Паршикова и др.: Монография. – М.: ОГИ, 2004. – 377 с.
2. Козлова И.Е. Особенности сиблинговых и детско-родительских отношений и характеристики личностной сферы сиблингов [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2008. N 2(2). URL: <http://psystudy.ru>
3. Козлова И.Е., Алексеева О.С. Личностные характеристики родителей и особенности родительско-детских отношений // Психологические исследования. 2013. Т. 6, № 32. С. 11. URL: <http://psystudy.ru>
4. Марковская И.М. Тренинг взаимодействия родителей с детьми / И.М. Марковская. СПб.: ООО Издательство «Речь», 2005. –150 с.

5. Pougnet, E., Serbin, L., Stack, D., Schwartzman, A. Fathers' Influence on Children's Cognitive and Behavioural Functioning: A Longitudinal Study of Canadian Families. Canadian Journal of Behavioural Science 2011, Vol. 43, No. 3, 173–182.

Психология материнства в неполной семье

Овчарова Р.В., Мягкова М.А.

ФГБОУ ВПО «Курганский государственный университет», г. Курган, Россия

oraissa@mail.ru

Аннотация. В данном исследовании материнство трактуется как система осознанных отношений женщины к материнству в целом, к себе как к матери, материнской роли, к своему ребенку, проявляющихся в материнской позиции, стиле семейного воспитания и родительской ответственности. Материнство в неполной семье характеризуется изменением содержания: снижением степени проявления материнской любви, осознанности и ответственности стиля воспитания, материнских позиций и установок; более негативном образе идеальной матери; негативном отношении к отцу.

Анализ подходов к изучению понятия «материнство» показал, что ученые в большинстве случаев определяют его как систему отношений, процесс, генетическую предрасположенность, этап в жизни, самостоятельный феномен:

- материнство как *генетическая предрасположенность* каждой женщины с целью распространения генов в популяции;

- материнство как *биологический процесс*, который реализуется через опыт, возникает из любви, преданности ребенку и самой себе;

- материнство как *главный этап в жизни женщины*, находящий свое отражение в процессе идентификации со своей матерью;

- материнство как *самостоятельный психологический феномен*;

- материнство как *система отношений матери и ребенка* понимается в виде системы чувств, поведенческих стереотипов, особенностей восприятия и понимание поступков ребенка.

По мнению многих отечественных психологов, материнство является не только самостоятельным психологическим феноменом, но и составной частью родительства. Оно неотделимо от отцовства. Родительство – это многогранный феномен, который можно рассматривать на двух уровнях: как сложное комплексное субъективно-личностное образование и как надындивидуальное целое, которое, как правило, является совокупным, т.е. включает двух человек – отца и мать.

Выполнение взаимодополняющих отцовских и материнских функций приводит к правильному воспитанию и развитию гармонично развитой личности ребенка, приспособленной к жизни в обществе.

Если женщина воспитывает ребенка в одиночку, то ей приходится выполнять не только традиционные материнские функции, но и брать на себя частично или полностью функции отца, которые будут трансформироваться через призму женского восприятия. Это естественно сказывается на особенностях личности ребенка, таких как заниженная самооценка, повышенная тревожность, раздражительность, агрессивность, эгоизм, грубость, неуверенность в себе, в общении с противоположным полом, неразвитость мужественности у мальчиков и женственности у девочек. Трансформации материнских функций могут быть двух видов:

1. Выполнение матерью отцовских функций в чистом виде – квазиотцовские функции.
2. Мать выполняет функции отца в женском варианте, не стараясь полностью копировать поведение мужчины в семье – компенсаторные функции.

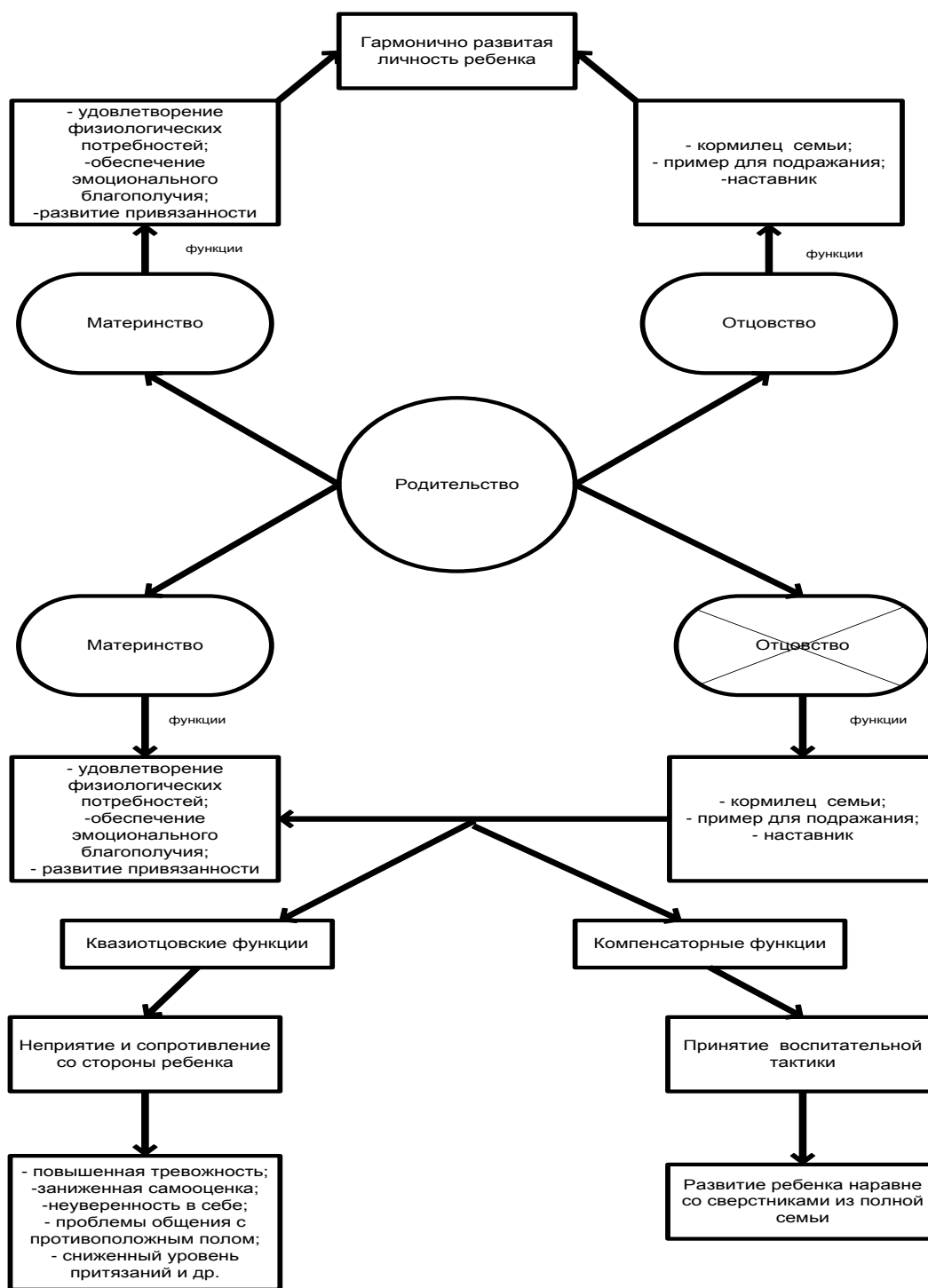


Рис.1. Особенности выполнения родительских функций в полной и неполной материнской семье

По мнению Е.Е.Ромициной, выполнение отцовских функций матерью в чистом виде вызывает у ребенка внутреннее неприятие и сопротивление, что

естественно понижает эффективность процесса воспитания. Именно поэтому женщина, воспитывающая ребенка в одиночку, должна постараться сбалансировать в своем поведении функции отца и матери. Это поможет ей компенсировать недостатки воспитания детей без мужчины (Ромицина Е.Е., 2004) (рис. 1).

Исходя из вышесказанного, можно предположить, что неполное материнство может быть осознанным и неосознанным. Женщины с высоким уровнем осознанности родительства (материнства) сознательно относятся к воспитанию ребенка без отца, стараясь развить все необходимые качества для его успешной адаптации в обществе. Для достижения этой цели данная группа матерей выбирает реализацию компенсаторных функций. Женщины с низким уровнем осознанности материнства отличаются низким уровнем осознанности родительства (материнства) и выполнением квазиотцовских функций при воспитании.

Таким образом, неполное материнство может быть осознанным или неосознанным. Дети при поддержке матери в отсутствии отца могут также благополучно развиваться, не уступая своим сверстникам.

Материнство – это система осознанных отношений матери к материнству в целом, к себе как к матери, материнской роли, к своему ребенку, проявляющихся в материнской позиции, стиле семейного воспитания и родительской ответственности. Психологическая структура материнства представлена тремя компонентами: когнитивным, эмоциональным и поведенческим.

Когнитивный компонент предполагает наличие определенных знаний, представлений об особенностях материнства, способах его проявления в соответствии с культурными нормами, предписаниями общества и учетом индивидуальных особенностей, ценностей и мотивации матерей. Данный компонент включает в себя материнские отношения, ценности и представления о материнстве. *Представление о материнстве* является собой совокупность взглядов, убеждений, представлений матери о системе воспитания в целом и в конкретной ситуации в частности. Оно выражается в конкретно созданном образе идеального и реального родителя с набором личностных качеств, необходимых для воспитания гармоничной и психологически здоровой личности, таких, как бескорыстность, доброта, сила,

альтруистичность, благоразумность, эмпатичность и многие другие. *Материнские ценности семейного воспитания* отражают основные убеждения, цели, идеалы и другие мировоззренческие проявления женщины по отношению к семье, детям, процессу воспитания и, конечно, материнству в целом. Они являются мощным интегрирующим фактором для семейной системы, как на уровне взаимодействия супругов, так и на уровне взаимодействия родителей и детей. *Материнское отношение* имеет собирательный характер, поскольку, с одной стороны, представляет собой часть личностной сферы женщины, сформированной в процессе воспитания в родительской семье, с другой стороны, зависит от возраста, пола, социального статуса, уровня образования и других социальных характеристик. Независимо от влияния внешних факторов на формирование представлений о материнстве в индивидуальном плане материнское отношение должно быть сознательно проработано, основываться на общепринятых человеческих ценностях с учетом особенностей семейной ситуации, личностных особенностей членов семьи, стремления родителя к самореализации и самосовершенствованию себя в новой для него роли.

Эмоциональный компонент представлен доминирующим эмоциональным фоном, сопровождающим любое взаимодействие с ребенком, и эмоциональной оценкой образа ребенка, себя и супруга как родителя. Данный компонент состоит из материнских чувств и переживаний. *Материнские чувства* включают в себя степень их осознанности, материнскую симпатию, любовь и три ее составляющие – когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты. Материнская любовь рассматривается в качестве психической реальности, субъективная сторона которой дана родителю посредством эмоционально-чувственного переживания, связанного с отражением образа ребенка, а объективная выражается в отношении любви родителя к ребенку (Милюкова Е.В., 2004).

Любовь представляет собой одно из главных эмоциональных состояний, проявляющееся у матери по отношению к ребенку, поскольку оно способствует созданию психологического комфорта, необходимого для его нормального развития, поэтому степень ее проявления очень сильно отражается на ребенке:

- эмоционально-чувственный компонент содержит в себе аффективные состояния, эмоции, чувства, проявляющиеся у родителя по отношению к ребенку. Благодаря этому компоненту налаживается эмоциональная связь в детско-родительских отношениях;
- когнитивный компонент включает в себя представление родителей о любви и способах ее проявления с учетом индивидуальных особенностей ребенка;
- поведенческий компонент представляет собой реальные проявления данного чувства в поведении родителя.

Материнские переживания отражают эмоциональное состояние женщины по отношению к родительству в целом, к ребенку, к отцу ребенка как к родителю.

Любое переживание матери вне зависимости от его направленности должно нести положительный характер, чем больше степень его выраженности, тем лучше как для самой матери, так и для развития ребенка.

Поведенческий компонент непосредственно проявляется в конкретных действиях, поступках матери по отношению к ребенку. В его состав входят стиль семейного воспитания, материнская ответственность, позиции, установки и материнская роль.

Выполнение *материнской роли* основано на преобладании одного из видов идентичности:

1. Культурного, при котором родитель воспитывает своих детей, строго ориентируясь на принятые в его культуре нормы и традиции.

2. Социального, в котором главной ценностью для родителя является развитие ребенка и собственной личности, основанное на жизненных интересах и связанное с обеспечением благополучного будущего.

3. Личностного, основанного на индивидуальной мотивации родительства, воспринимаемого как один из способов самореализации личности.

Также для матери важны такие характеристики, как:

- устойчивость, которая говорит о приоритетности данного вида роли над всеми другими социальными ролями и нежелании от нее отказываться;

- стереотипизация, которая выражается в стремлении матери осуществлять процесс воспитания в соответствии с достаточно упрощенным и схематичным представлением о выполнении родительских функций, сложившемся в обществе;

- внезапность перехода к исполнению материнской роли отражает степень значимости и плановости материнства в системе жизненных ценностей одинокой матери;

- присвоение примера родителя предполагает применение способов, приемов, методов и форм воспитания, использованных, в свою очередь, в родительской семье.

Таким образом, мы видим, что материнская роль – это набор шаблонов поведения по отношению к ребенку в семье. Естественно, что с возрастом ребенка она должна претерпевать определенные изменения. До семи лет мать играет роль учителя, поскольку именно через родителя ребенок познает основы мира, поэтому очень важно сфокусировать свое внимание на социальном, эмоциональном, интеллектуальном, физическом, духовном развитии ребенка. В подростковом возрасте родитель должен попытаться помочь ребенку найти себя и ответы на многие интересующие его вопросы, а не давать их в готовом виде.

Материнская ответственность выражена в высоко развитом чувстве долга, распространяющемся на все сферы семейной жизни: уход за ребенком, кормление, забота о его здоровье, обучении, воспитании, материальном обеспечении и др. Степень проявления материнской ответственности будет зависеть от системы ценностей человека, взглядов на жизнь, условий формирования и зрелости личности. Для женщины ответственность заключается, прежде всего, в создании благоприятной атмосферы в доме, душевного комфорта, но чрезмерное ее проявление может выражаться в повышенной тревожности за ребенка или гиперопеке, что не всегда положительно сказывается на ребенке.

Стиль воспитания отражает совокупность способов и приемов общения матери и ребенка.

Материнская установка является сознательной (бессознательной) оценкой ребенка, его поведения, личностных особенностей, которые существенно влияют на выстраивание взаимоотношений с ним в будущем.

Материнская позиция - это сознательно проработанная система отношений женщины к процессу воспитания детей, отражающаяся в конкретных действиях и поступках.

Выраженность гендерной специфики родительской позиции основана на выделенных Д.Пэйнзом трех основных видах родительских позиций:

- материнская воспитательная позиция основана на любви, заботе и безоценочном принятии ребенка;

- отцовская воспитательная позиция отражает воспитательные позиции со строго традиционными мужскими ценностями, основана на требовательности, строгости, необходимой для развития самостоятельной, состоявшейся и преуспевающей во всем личности;

- лишенная крайностей воспитательная позиция включает в себя гармоничное сочетание двух вышеперечисленных воспитательных позиций (Д.Пэйнс, 1997).

В целом для полной семьи содержание материнства должно характеризоваться адекватным представлением о материнстве, осознанностью материнского отношения, семейных ценностей, лежащих в основе воспитания, выраженностью материнской любви и симпатии, позитивных материнских переживаний, осознанностью материнских чувств, принятием материнской роли, осознанностью стиля воспитания, позиций, установок и родительской ответственности.

Возникает вопрос: что же оказывает влияние на одно из распространенных явлений в современном обществе – появление неполных материнских семей?

Анализ работ западных и отечественных ученых по заданной тематике позволяет выделить ряд *условий, оказывающих влияние на появление неполных материнских семей*, количество которых растет с каждым годом: искажение полоролевых позиций, стремление к самореализации, сложности процесса идентификации, стремление к моральной независимости

В данной работе автором также были выделены условия формирования материнства в неполных семьях на основании вышеперечисленных мнений и концепции А.Г.Асмолова о становлении личности как субъекта деятельности (А.Г.Асмолов, 1990). По его мнению, формирование личности, с одной стороны, происходит под влиянием общества, в котором он находится, на основе усвоения им выработанных традиций, норм, ценностей. С другой стороны, человек сам является творцом своей жизни, своего пути, реализующегося в деятельности, направленной на преобразование окружающей действительности. Таким образом, было выделено два типа условий.

Социальные условия, включающие в себя:

- *социокультурные особенности общества*. Женщине на протяжении существования человечества всегда отводилась одна из важнейших ролей – роль матери, которая являлась хранителем, носителем основных духовных и нравственных ценностей, передаваемых из поколения в поколение. Такое отношение мы встречаем в работах русских религиозных философов где дается описание образа матери, которая отражает в себе такие качества, как забота, жалость, скромность, целомудрие, терпение, сострадание, любовь и многие другие (С.Н.Бердяев, 1989). Однако происходящие со временем социальные, экономические, политические изменения в обществе существенным образом оказали влияние на поведение женщины-матери, которую стали воспринимать, прежде всего, как субъект, способный к личностному развитию и самостоятельному выбору жизненного пути, либо не связанного с материнством, либо связанного с выбором новых форм отношения к семье, браку, существенно отличающегося от традиционного. К такой форме как раз и относятся неполные материнские семьи;

- *обстоятельства жизни*, не зависящие от человека, к которым мы можем отнести смерть супруга в результате несчастного случая, болезнь и другие обстоятельства, которые привели к ситуации вынужденного одиночества женщины, ставшей единственным родителем для своего ребенка.

Психологические условия, в состав которых входят:

- *психологические особенности семейного воспитания*, которые оказывают влияние на развитие и становление женщины как будущей матери, на формирование ее характера, личностных качеств, необходимых для успешного воспитания своих детей;

- *индивидуально-типологические особенности материнства* включают в себя семейные ценности, установки и ожидания, материнское отношение, чувства, позиции, ответственность и стиль воспитания, сформированный под влиянием внешних и внутренних факторов.

Совокупность этих двух условий формирует систему взглядов на природу и общество (мировоззрение), которые и составляют основу поведения женщины и отражают ее отношение к себе как к матери (Рис.2).



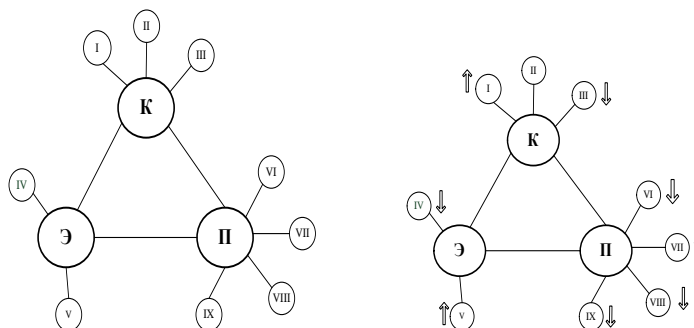
Рис.2. Условия формирования материнства в неполных материнских семьях

Под влиянием всех этих условий происходит формирование структурно-содержательных компонентов неполного материнства: когнитивного, эмоционального, поведенческого.

Таким образом, анализ теоретических положений позволяет предложить структурно-содержательную модель материнства в неполной семье. В ее основе лежит уже предложенная нами модель полного материнства, основанная на

концепции родительства как психологического и социокультурного феномена (Кон И.С., 1988; Овчарова Р.В., 2005).

Рассмотрев истоки формирования материнства, мы с уверенностью можем сказать, что его структура не будет зависеть от социального положения женщины-матери и состоять из трех компонентов: когнитивного, эмоционального, поведенческого, а вот их содержание существенно изменится *как в сторону увеличения значений*: когнитивный образ идеальной матери, эмоциональный образ реальной матери, поведенческий образ реальной матери, материнские роли, материнские переживания, *так и в сторону уменьшения показателей*: осознанность материнских позиций и установок, материнского отношения, материнских чувств, стиля воспитания и материнской ответственности. Эти изменения связаны с необходимостью женщины выполнять функции по воспитанию ребенка за двоих родителей - традиционно мужские и женские, как это было заложено многовековыми традициями общества. Схематическое изображение модели представлено на Рис. 3.



а-Материнство в полной семье

б-Материнство в неполной семье

Рис. 3. Структурно-содержательная модель материнства в полной и неполной семье:

Примечание: К – когнитивный компонент; Э – эмоциональный компонент; П – поведенческий компонент; I – представление о материнстве; II – материнские ценности; III - материнское отношение; IV- материнские чувства; V – материнские переживания; VI – стиль воспитания; VII – материнские роли; VIII – материнская

ответственность; IX – материнские позиции и установки. ↓- смещение функций в сторону уменьшения; ↑- смещение функций в сторону увеличения.

Выводы

В полной семье содержание материнства характеризуется адекватным представлением о материнстве, осознанностью материнского отношения, семейных ценностей, лежащих в основе воспитания (*когнитивный компонент*); выраженностью материнской любви и симпатии, позитивных материнских переживаний, осознанностью материнских чувств (*эмоциональный компонент*); принятием материнской роли, осознанностью стиля воспитания, материнской позиции и установками, родительской ответственности (*поведенческий компонент*).

В неполной семье содержание материнства характеризуется смещением показателей по всем компонентам *как в сторону увеличения значений*: когнитивный образ идеальной матери, эмоциональный образ реальной матери, поведенческий образ реальной матери, материнские роли, материнские переживания, *так и в сторону уменьшения показателей*: материнские позиции и установки, материнское отношение, материнские чувства, стиль воспитания и материнская ответственность.

Список литературы

1. Асмолов, А. Г. Психология личности: учебник [Текст] / А. Г.Асмолов. – М. : МГУ, 1990. – 367 с.
2. Бердяев, С. Н. Эрос и личность (Философия любви и пола) [Текст] / С. Н. Бердяев. – М. : Прометей, 1989. – 157 с.
3. Вассерман, Л. И. Родители глазами подростка. Психологическая диагностика в медико-педагогической практике [Текст] /Л. И. Вассерман, И. А. Горьковская, Е. Е. Ромицина. – Спб. : Речь, 2004. – 256 с.
4. Кон, И. С. Ребенок и общество [Текст] / И. С. Кон. – М. : Наука, 1988. – 270 с.
5. Милюкова, Е. В. Формирование когнитивного, эмоционального, поведенческого компонентов родительской любви: автореф. дис....канд-та психол. наук [Текст] / Е. В. Милюкова. - Екатеринбург, 2004. - 27с.

6. Овчарова, Р. В. Психология родительства [Текст] : учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Р. В. Овчарова. – М. : Академия, 2005. – 368 с.
7. Пайнз, Д. Бессознательное использование своего тела женщиной. Психоаналитический подход [Текст] / Д. Пайнз. – СПб. : Питер, 1997. – 193 с.

Особенности содержательных представлений мужчин об идеальном отцовстве

Романова Н.М.

Саратовский государственный университет

имени Н.Г.Чернышевского, Саратов, Россия

romanovanm@info.sgu.ru

Проблемы семьи, материнства и отцовства являются одними из наиболее актуальных и социально важных для современного российского общества. В условиях кризиса традиционной семьи, снижения значимости родительских функций, постепенной утраты традиций детско-родительских взаимодействий, ослабления родительского внимания возрастает значимость поиска причин указанных явлений и стратегий их преодоления.

Одно из важнейших направлений современного научного поиска – исследование роли отца в воспитании ребенка в условиях меняющихся социальных реалий, особенностей отношения отцов к выполнению родительских функций и их представлений об образах идеального отца.

В психологической литературе достаточно хорошо изучены и описаны явления патеральной депривации (ситуация «лишения отца»). Это ситуации, когда отец присутствует в жизни ребенка физически, но эмоционально не вовлечен в процесс развития и воспитания. В результате зачастую происходит нарушение традиционной идентификации ребенка с моделями материнства и отцовства [5, 6, 7].

Роль отца в развитии и воспитании ребенка исследователи связывают со следующими факторами: доступность для ребенка отца на протяжении его жизни,

вовлеченность отца в совместную деятельность с ребенком и его практическая включенность в эту деятельность [3].

Следует отметить, что в современном обществе институт отцовства подвержен существенному изменению. Отцовство постепенно утрачивает свой преимущественно экономический смысл, как было ранее [1].

В связи с этим, представления общества о функциях отца в семье, моделях личности отца постепенно меняются и дополняются новым содержанием. Каждое из поколений демонстрирует свой собственный образ идеального отцовства. Он зависит как от времени, так и от условий формирования образа, и каждое последующее поколение сталкивается с несоответствием между традиционной «культурой» отцовства и реальным поведением отцов в семье [2], [4].

Если изучение материнства представлено достаточно обширным полем исследований, то изучение отцовства как психологического явления проводится не столь активно.

Более того, малоисследованными являются содержательные аспекты представлений об идеальном отцовстве у современных мужчин. Проведенное исследование направлено на изучение содержательных представлений мужчин об идеальном отцовстве.

Объект исследования – отцовство как социально-психологическое явление.

Предмет исследования – содержательные аспекты представлений об идеальном отце мужчин, имеющих детей.

Испытуемые. В экспериментальном исследовании принимало участие 40 мужчин в возрасте 25-45 лет, имеющих 1-2 детей.

Все испытуемые имеют высшее образование, достаточно высокий социальный, профессиональный и экономический статус (работники банковской сферы, программисты, бизнесмены). 95% из них состоят в официальном браке, 5% – в гражданском браке. Более половины из них воспитывались в полных родительских семьях.

Методы исследования:

1. Тест Кеттела (16PF-опросник) форма С.

2. Тест «Кто я?». Тест двадцати высказываний (М.Кун, Т.Макпартленд, модификация Т.В.Румянцевой).
3. Методика «Представление об идеальном родителе» (Р.Г.Овчарова).
4. Рисуночная техника «Рисунок идеального отца». Эта техника дает возможность выявить особенности содержательных представлений об идеальном отце.
5. Контент-анализ сочинения на тему «Идеальный отец». Метод использовался для качественно-количественного анализа содержательных представлений об идеальном отце.
6. Беседа с каждым из участников исследования. Цель – выявить особенности содержания образа идеального отца и степень соответствия личности данному образу.
7. Биографическая анкета. Анкета направлена на выявление образовательного, социального, экономического и профессионального статуса испытуемых.

Результаты эмпирического исследования.

Результаты беседы:

На вопрос: «Какие качества личности присущи идеальному отцу?», испытуемые ответили следующим образом:

1. Порядочный, ответственный и справедливый человек – 18%
2. Пример для своих детей – 18%
3. Глава семьи – 18%
4. Не знаю – 13%
5. Тот, кто ставит интересы детей выше своих – 10%
6. Таких отцов не существует – 8%
7. Любящий и строгий одновременно – 5%
8. Хороший муж – 5%
9. Образец мужественности – 5%

На вопрос: «Каким основным требованиям должен, по вашему мнению, отвечать идеальный отец?» испытуемые ответили следующим образом:

1. Дать хорошее воспитание ребенку (научить полезному, передать свои знания) – 19%.

2. Самому вести себя достойно, чтобы быть примером для детей – 17%.
3. Не знаю - 14%
4. Быть гарантом комфорта в семье (создавать атмосферу уважения и любви) – 12%
5. Проводить много времени с детьми, разделять с ними радости и горести – 12%
6. Направлять ребенка, развивая его сильные стороны и подтягивая слабые – 12%
7. Материально обеспечивать семью – 8%
8. Приучать детей к спорту, трудолюбию и уважению к людям – 6%

На вопрос «Насколько Вы сами готовы соответствовать образу идеального отца?»

испытуемые ответили следующим образом:

1. Нужно стараться соответствовать – 37%
2. Я стараюсь соответствовать – 34%
3. Не знаю – 12%
4. К сожалению, у меня не получается – 7%
5. Не готов – 5%
6. Дети и так всегда считают родителей идеальными – 5%

Результаты исследования по методике Тест Кеттела (16PF-опросник, форма С).

По результатам исследования индивидуально-психологических особенностей личности получено следующее: исследуемые мужчины имеют достаточно высокий уровень интеллекта, эмоционально стабильны, отличаются высокой нормативностью поведения, смелы, активны в социальных контактах, имеют развитые интеллектуальные интересы, обладают высоким уровнем самоконтроля и низкой напряженностью.

Результаты исследования по тесту «Кто я?».

65% исследуемых мужчин включают в структуру своей идентичности социальную роль «отец». Они рассматривают ее в качестве важнейшей.

12,5% - не прямо, а косвенно включают социальную роль отца в структуру собственной идентичности (они описывают себя следующим образом: «я люблю детей», «мне нравится играть с детьми», «я хотел бы иметь двоих детей» и др.).

22,5% мужчин не включают в структуру идентичности социальную роль «отец».

Результаты исследования по методике «Представления об идеальном родителе», (Р.Г.Овчарова).

Испытуемые имеют достаточно высокие показатели представлений об идеальном родителе по всем параметрам: когнитивному, эмоциональному и поведенческому.

Результаты исследования с использованием рисуночной техники «Рисунок идеального отца».

82,5 % испытуемых имеют хорошо сформированные представления об образе «идеального отца». Их рисунки можно условно разделить на 2 группы:

1 группа – в рисунках передается идея совместного времяпрепровождения родителя с ребенком (например: большой и маленький человечки играют в мяч; отец гуляет в парке с детьми; отец занимается с ребенком развивающими играми),

2 группа - рисунки, на которых отцы символически обозначают принятые на себя родительские обязательства (например: голова отца с подведенными к ней стрелками-мыслями: позаниматься, поиграть, научить и т.д.; рисунок ребенка и надпись «успел!» ; рисунок мужчины, гуляющего с коляской).

При проведении пострисуночного опроса отцы охотно рассказывают о придуманных ими образах идеального отца, поясняют содержание изображенного, раскрывают собственные представления о соответствии себя как родителя предъявленному идеалу, делятся мыслями и эмоциональными переживаниями по исследуемой проблеме.

В 10 % случаев мужчины отказались от рисования, мотивируя свое поведение неумением рисовать.

7,5 % респондентов имеют слабо выраженные представления об «идеальном отце». На их рисунках изображена часть человека (голова или человек по пояс), либо человек целиком. В пострисуночном опросе они сообщают, что это знакомый им человек, которого они считают «идеальным отцом». На вопросы по содержанию рисунка затрудняются дать пояснения.

Результаты обработки сочинений испытуемых методом контент-анализа:

82,5% испытуемых имеют сформированные представления об «идеальном отце».

Они написали развернутые сочинения, в которых подробно и обстоятельно отразили свое представление об идеальном отцовстве. 17,5 % испытуемых не имеют отчетливых содержательных представлений об идеальном отце.

Вместе с тем представления об «идеальном отце» в 45 % случаев характеризуются традиционностью, стереотипностью. Содержание их сводится к следующему: мужчина «обязательно должен быть центром семьи», «главой семьи».

25% мужчин разделяют содержание указанного стереотипа, но включают дополнительно в содержание «идеального отцовства» еще и представления о значимости коммуникативной, обучающей и развивающей функции отца (например: обучать ребенка полезным навыкам, показывать на собственном примере, играть с ребенком, читать вместе с ним и др.).

30% мужчин демонстрирует отличные от сложившихся традиций представления (выполнение функций, сходных с материнскими).

Таким образом, содержательные представления современных мужчин об идеальном отцовстве выглядят следующим образом:

1. Традиционные, стереотипные представления об идеальном отце («глава семьи», «центр семьи», «кормилец») у современных мужчин сочетаются с представлениями об идеальном отце в контексте значимости коммуникативной, обучающей и развивающей функции отца (он - «пример для своих детей», «порядочный, ответственный и справедливый человек», «любящий и строгий одновременно»).
2. Испытуемые определяют основные функции идеального отца следующим образом: он должен дать ребенку хорошее воспитание (научить полезному, передать свои знания), быть образцом достойного поведения, проводить много времени с детьми, разделять с ними радости и горести. Треть мужчин рассматривают идеального отца как выполняющего функции, сходные с материнскими.
3. Подавляющее большинство отцов имеют сформированные представления об «идеальном отцовстве».
4. Большая часть испытуемых включает в структуру своей идентичности социальную роль «отец». Они рассматривают ее в качестве важнейшей.

5. Отцы имеют достаточно высокие показатели представлений об идеальном родителе по всем параметрам: когнитивному, эмоциональному и поведенческому.

Список литературы

1. Гурко Т.А. Критика концепции половых ролей // Теория и методология гендерных исследований. Курс лекций. /Под ред. О.А.Ворониной. М., 2001.
2. Зидер Р. Социальная история семьи // Основы гендерных исследований. Хрестоматия. /Отв. ред. О.А. Воронина. М., 2001.
3. Ильин Е.П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. СПб, 2002.
4. Кон И.С. Российский мужчина и его проблемы // Гендерный калейдоскоп. М., 2002.
5. Овчарова Р. В. Психология родительства. М., 2005.
6. Овчарова Р.В. Психологическое сопровождение родительства. М., 2003.
7. Овчарова Р.В. Родительство как психологический феномен: учебное пособие. М., 2006.

Сравнительный анализ психологической готовности к материнству у женщин разного возраста

Солдатова Н.В., Авдулова Т.П.

Клиника «Практика здоровья», г. Москва; МПГУ, г. Москва

natashav.sol@gmail.com; avdulova@bk.ru

Аннотация. На основании методик «Тест отношений беременной», «Анкета по онтогенезу материнства», рисуночного теста «Я и мой ребенок» исследована психологическая готовность к материнству, которая меняется в зависимости от возраста беременной женщины. Показано, что существуют различия в уровне и особенностях компонентов готовности

к материнству у женщин разных возрастных групп, а именно: в ранней зрелости люди легче находят свое призвание в родительстве, адаптируются к условиям совместной жизни, рождению ребенка.

Ключевые слова: материнство, психологическая готовность, беременность, онтогенез, социограмма, рисуночный тест.

Развитию исследований проблематики психологической готовности к материнству способствуют как противоречивая картина современного материнства, так и внутренние тенденции развития психологической науки, направленной на интенсивное изучение прикладных аспектов знания. О психологическом неблагополучии в сфере материнства свидетельствует по-прежнему значительное количество беременностей среди несовершеннолетних, аборт у женщин, не имеющих детей, отказ от материнства в социально благополучных семьях и другие тревожные моменты.

Психологическая готовность к материнству, настроенность на эффективное поведение в родах, особенности общения с ребенком в перинатальный период, во многом обуславливаются поведением женщины во время беременности (О.В. Баженова, Л.Л. Баз, И.В. Добряков, Е.И. Захарова, О.А. Копыл, С.Ю. Мещерякова, Г.Г. Филиппова, и др.). В то же время показатели психологической готовности к материнству меняются в зависимости от возраста беременной женщины.

Гипотеза исследования: существуют различия в уровне и особенностях компонентов готовности к материнству у женщин разных возрастных групп, а именно: в ранней зрелости люди легче находят свое призвание в родительстве, адаптируются к условиям совместной жизни, рождению ребенка.

Методики исследования: «Тест отношений беременной» (ТОБ) (Добряков И. В., 2010), адаптированный для мужей беременных тест «Тест отношений мужа беременной (Добряков И.В., 2010), «Анкета по онтогенезу материнства» (Филиппова Г. Г., 1996), рисуночный тест «Я и мой ребенок» (Филиппова Г.Г., 2001), социограмма «Моя семья», адаптированная для беременных (Ланцбург М. Е., 2001).

Характеристика выборки. Выборку испытуемых составили 54 замужних беременных

женщины в возрасте от 19 до 45 лет, находящихся на втором, третьем триместре беременности, ожидающих первенца и состоящих на учете в женских консультациях г. Москвы и Московской области. В период проведения исследования они проходили оздоровление в санатории «Ерино» г. Москва. Женщины составили три возрастные группы: 1 группа от 19 до 25 лет, 2 группа от 26 до 35 лет и 3 группа от 36 до 45 лет.

Беременные женщины от 19-25 лет, относящиеся к ранней зрелости, вошли в первую группу исследуемых нами женщин. В ранней зрелости люди легче адаптируются к меняющимся условиям совместной жизни, а создание семьи в данный период очень важно для личностного развития. Рождение ребенка имеет огромное значение, так как с его ожиданием и рождением уклад семейной жизни меняется, появляются новые обязанности и ответственность за жизнь и развитие ребенка, которому они готовятся дать жизнь, семья частично традиционализируется. В период ранней зрелости закладывается фундамент для достижения зрелости в последующие периоды развития личности и одним из важнейших оснований для этого является родительство.

Вторая группа исследуемых нами беременных женщин относится к средней зрелости от 26 до 35 лет. На смену романтическим ориентирам юности приходят практические ценности. Женщина реальнее оценивает свои возможности, корректирует свои жизненные цели и уровень притязаний. Характеризуя этот период развития женщины, Д. Левинсон подчеркивает смену интересов и общей направленности развития личности женщины, которая не редко начинает осознавать нереализованность отдельных сторон своей личности и дефицитность развития. Для среднего возраста характерна стадия ответственности, стадия исполнения социальных обязанностей.

В настоящее время все большее число людей, становятся отцами или матерями после 40 лет и проходят через нормативные жизненные события позднее, чем большинство представителей других поколений. В нашем исследовании в данную возрастную группу вошли беременные женщины от 36-45 лет. В этом возрасте впервые готовятся к материнству, обычно, деловые женщины, которые в качестве первоочередной решали задачу построения карьеры и поздно решили стать матерями. Кроме того, можно поставить открытым вопрос о том, почему до этого возраста в жизни

женщины не было условий для материнства, насколько она действительно оказалась психологически готова к этому решению или оно диктуется соображениями возраста.

Центральным механизмом становления психологической готовности к материнству является изменение отношения женщины к материнству, наделение субъективного содержания материнства новым смыслом. Комплексное изучение состояния женщины во время беременности учитывает разнообразные факторы, связанные как с успешностью адаптации женщины к материнству, так и обеспечение адекватных условий для развития ребенка. В исследовании психологической готовности будущих матерей нас интересовала зависимость готовности к материнству от возраста. Для изучения взаимоотношения беременной женщины и ребенка до рождения (отношение женщины к себе, отношение в формирующийся диаде мать-ребенок, отношение к окружающим) мы использовали «Тест отношений беременной» И.В. Добрякова.

«Тест отношений беременной» применялся для определения типа психологического компонента гестационной доминанты и был предложен испытуемым беременным женщинам на первом этапе работы. Полученные данные обрабатывались с помощью ключа к тесту. Анализируя полученные данные можно выделить из пяти типов психологического компонента гестационной доминанты (оптимальный (О), гипогестогнозический (Г), эйфорический (Э), тревожный (Т), депрессивный (Д)) два (оптимальный и эйфорический), которые являются определяющими для всех исследованных нами беременных женщин. Среди наших респондентов такие типы ПКГД как гипогестогнозический, тревожный и депрессивный. Они оказались дополнительными к двум основным типам доминант. Соотношение (в процентах) всех типов доминант для трех возрастных групп беременных женщин по результатам проведения «Теста отношений беременной» представлено в Таблице 1.

Обратимся к полученным результатам первой, второй и третьей возрастной группы. Результаты исследования показали, что как в первой, так и во второй и в третьей группах, большинство составили будущие родители, имеющие оптимальный тип отношений к себе, к формирующейся в течение беременности системе «мать — дитя», по отношению к ним окружающим.

Таблица 1

Сравнительные показатели типа гестационной доминанты
у беременных трех возрастных групп (%)

Возраст т, годы	О	Г	Э	Т	Д
19-25	54	4	33	9	–
26-35	51	5,4	11.3	32.3	-
36-45	50	2.8	27.8	16.6	2,8

Оптимальный тип ПКГД и самый высокий отмечается у 54% женщин из первой возрастной группы (самые молодые), 51% у женщин из второй возрастной группы и чуть ниже - у 50 % у женщин из третьей возрастной группы. Женщины, у которых выявлен оптимальный тип ПКГД, находятся в состоянии психологического комфорта. Они ответственно относятся к своей беременности, уровень тревоги не повышается.

Нам удалось выделить проценты, приходящиеся на гипогестогнозический тип доминанты. Самый высокий процент гипогестогнозического типа ПКГД выявлен во второй возрастной группе женщин, он составил 5.4%. Женщины с гипогестогнозическим типом ПКГД нередко скептически относятся к своей беременности и не склонны менять жизненный стереотип.

Эйфорический тип ПКГД также приходится преимущественно на вторую возрастную группу женщин от 19-25 лет и составляет 33% . Женщины данного типа в период беременности ждут от окружающих повышенного внимания, эгоцентричны и сосредоточены на своих переживаниях и состояниях. Эйфорическому типу ПКГД в дальнейшем, как показывают исследования, соответствуют такие характеристики стиля воспитания как расширение сферы родительских чувств к ребенку, потворствующая гиперпротекция, предпочтение детских качеств. Нередко отмечается вынесение конфликта между супругами в сферу воспитания.

Гипогестогнозический, тревожный и депрессивный типы ПКГД ни для одной испытуемой не являются определяющими. Данные типы ПКГД являются составляющими основных выделенных типов эйфорического и оптимального. Вместе с тем, у разных возрастных групп отмечается дифференцированное проявление дополнительных составляющих ПКГД. Нами выделены проценты тревожного типа доминанты, которые приходятся на три возрастные группы беременных женщин. Так тревожный тип доминанты выше во второй возрастной группе и составил 32.3% . Депрессивный тип отсутствует полностью в первой и второй возрастных возрастной группах испытуемых, а в третьей он составил 2,8 %.

Таким образом, отношение к беременности у всех женщин нашей выборки разворачивается по общим закономерностям доминирования оптимального типа ПКГД, некоторой представленности эйфорического типа и вспомогательных вариантов гипогестогнозического, тревожного, депрессивного типов ПКГД. Однако одновременно наблюдается тенденция к менее благоприятным типам ПКГД у женщин старшей возрастной группы. Младшая возрастная группа продемонстрировала наиболее благоприятный вариант ПКГД.

Следующим этапом нами были проанализированы результаты рисуночного теста «*Я и мой будущий ребенок*» в трех возрастных группах. Рисуночный тест позволил определить эмоциональные особенности отношения и отклонения в стиле переживания беременности по типу наличия тревоги и конфликта с беременностью. Также рисуночный проективный тест позволяет определить отношение к ребенку в структуре психологической готовности к материнству.

В нашей работе мы использовали рисуночный тест « Я и мой ребенок» Г.Г. Филипповой. На основании критериев данной методики нами были выделены типы рисунков, которые соответствуют следующим особенностям переживания беременности и ситуации материнства:

1. Благоприятная ситуация.
2. Незначительные симптомы тревоги, неуверенности, конфликтности.
3. Тревога и неуверенность в себе.
4. Конфликт с беременностью или с ситуацией материнства.

По результатам рисуночного теста «Я и мой будущий ребенок» в трех возрастных группах нами была составлена таблица 2 сравнительного анализа особенностей переживания беременности и ситуации материнства. Рисуночный тест прошли 47 беременных женщин, 7 женщин отказалось рисовать. Данные представлены в процентах.

Таблица 2

Сравнительная таблица результатов проективного рисуночного теста будущих мам « Я и мой ребенок» по трем возрастным группам (%)

Факторы	1 гр.	2гр.	3гр.
1. Благоприятная ситуация	0	22	25
2. Незначительные симптомы тревоги	60	32	25
3. Тревога и неуверенность в себе	20	22	25
4. Конфликт с беременностью и ситуацией материнства	20	32	25

На основании результатов, представленных в таблице 2, обнаружен самый высокий процент благоприятной ситуации (25 %), который относится к третьей возрастной группе 36-45 лет, 24% во второй возрастной группе 36-45 лет и отсутствует в первой возрастной группе испытуемых 19-25 лет. Беременные женщины первой возрастной группы испытывают незначительную тревогу в 60 %, в третьей возрастной группе этот показатель составил 25%, а во второй возрастной группе испытуемых – 24%.

Нами были объединены 1 и 2 показатели благоприятной ситуации переживания беременности и 2 и 4 показатели неблагоприятной ситуации по рисуночному тесту для

сравнения результатов и выявления психологической готовности каждой из возрастных групп.

На основании полученных данных для наглядности полученных результатов нами составлена Гистограмма 2 . Этот подход позволил выявить наиболее низкие показатели эмоционального отношения к беременности и будущему ребенку у женщин самой старшей возрастной группы, тогда как не смотря на незначительную тревогу, женщины младшей возрастной группы демонстрируют, в целом, эмоциональное принятие ситуации беременности и будущего ребенка.

На следующем этапе нашего исследования испытуемым предлагалась *социограмма «Моя семья»*. Критерии оценки совокупности факторов для определения благоприятной ситуации материнства были выделены на основании работ М.Е. Ланцбург, «Социограммы» Э. Эйдемиллера и тест Брутмана «Фигуры». На основании полученных данных по трем возрастным группам нами выделена психологическая готовность к материнству в период ожидания ребенка, незначительные симптомы тревоги и конфликтная ситуация, связанная с беременностью и материнством. По результатам социограммы «Моя семья» по трем возрастным группам составлена таблица 3. Данные представлены в процентах.

Таблица 3

Сравнительная таблица данных трех групп испытуемых по результатам социограммы «Моя семья» (%)

Факторы	1	2	3
	.гр.	гр.	гр.
1. Психологическая готовность к материнству	3 6	3 3	0
2. Незначительные симптомы тревоги	4 1	4 1	2 5
3. Конфликт с беременностью и ситуацией материнства	2 3	2 6	7 5

Из Таблицы 3 мы видим, что самый высокий процент благоприятной ситуации психологической готовности к материнству по социограмме «Моя семья» - в первой возрастной группе беременных женщин и составляет 36%. В третьей возрастной группе наших исследуемых высокий процент неблагоприятной ситуации - 75%. По социограмме «Моя семья» более благоприятная ситуация психологической готовности к материнству сложилась в первой возрастной группе, а более неблагоприятная у беременных женщин третьей возрастной группы.

Четвертым этапом нашей работы были проанализированы результаты опроса «Анкеты по онтогенезу материнства» в трех возрастных группах беременных замужних женщин для проведения количественного анализа психологической готовности к материнству, анализа особенностей стадий онтогенеза. В «Анкете по онтогенезу» Г.Г. Филипповой содержатся вопросы об особенностях развития материнской потребностно-мотивационной сферы женщины в онтогенезе на этапах взаимодействия с собственной матерью, игровом периоде, этапе нянчания, этапе дифференциации мотивационных основ материнской и половой сфер. В результате анализа нами получены данные по трем возрастным группам испытуемых, которые приведены в Таблице 4.

Таблица 4

Сравнительная таблица данных трех возрастных групп беременных женщин по «Анкете по онтогенезу»

Группы				
Факторы				
Сформированность материнской сферы.	полноценн			
	о	8	5.4	
	частично	5	6.4	5
	отсутствует			
	т	7	8.2	5

Полученные данные теста «Анкета по онтогенезу» позволяют подтвердить, что на формирование психологической готовности к материнству влияет прохождение всех этапов раннего онтогенеза. Важными являются этапы отношения с матерью и их полноценность, которые продолжаются на протяжении всей жизни, игра в дочки-матери, нянчание, отношение матери к ранним родам и прерыванию беременности, а в дальнейшем и к ценности материнства и ценности будущего ребенка. На основании этих критериев мы отмечаем полноценную сформированность материнской сферы в первой возрастной группе и с небольшой разницей во второй группе. Однако в третьей возрастной группе по данным анкеты полноценной сформированности нет. Мы видим, что также как в рисуночном тесте и в социограмме значительно большую распространенность (в 75%) неблагоприятных вариантов у женщин в третьей возрастной группе.

Проведенное нами эмпирическое исследование позволяют сделать следующие выводы. Наша гипотеза о том, что «существуют различия в уровне и особенностях компонентов готовности к материнству у женщин разных возрастных групп, а именно: в ранней зрелости люди легче находят свое призвание в родительстве, адаптируются к условиям совместной жизни, рождению ребенка», подтвердилась. На основании проведенного эмпирического исследования женщин трех возрастных групп выявлено, что женщины первой возрастной группы от 19-25 лет устойчиво демонстрируют более благоприятный вариант психологической готовности к материнству по результатам всех проводимых нами методик.

Менее благоприятный вариант по всем исследовательским методикам продемонстрировала третья возрастная группа от 36-45 лет. В этой группе выявлена частично депрессия в переживании беременности, не сформирован адекватный образ будущего ребенка, обнаруживаются сложности в эмоциональном принятии ребенка.

Список литературы

Добряков И. В. Перинатальная психология. СПб.: Питер, 2010.

Крайг Г., Бокум Д. Психология развития. СПб.: Питер, 2005.

Ланцбург М.Е. Раскрытие темы родов в групповой подготовке к родам. // «Перинатальная психология и медицина»: сборник межрегиональной конф.- СПб.: АМСУ, 2001.

Филиппова Г.Г. Метод рисуночного теста в психологической работе с беременными. Исследовательский Центр Семьи и Детства РАО. Научный Центр Психического Здоровья РАМП. (http://www/psymama.ru/print_articles/f8.html)

Филиппова Г.Г. Развитие материнского поведения в онтогенезе. // Психология сегодня. – Ежегодник Рос. Психол. об-ва, Т.2 вып.3. –М. – 1996.

Особенности мотивационной сферы матерей дошкольников в условиях форсирования детского развития

Старостина Ю.А.

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

star-red@yandex.ru

Аннотация: В статье представлены результаты эмпирического исследования мотивационной сферы матерей дошкольников, стремящихся к форсированию развития ребенка. Показано, что лидирующие позиции в мотивационной сфере всех исследуемых женщин, занимают мотивы достижения счастья ребенка. Но матери, форсирующие развитие детей, при воспитании руководствуются также и инструментальными мотивами материнства, в отличие от матерей из контрольной группы, для которых более важным является стремление к собственному благополучию. Делается вывод о том, что стремление матери к форсированию развития ребенка связано с инструментальными мотивами материнства.

Ключевые слова: мотивационная сфера, ведущий мотив, материнство, форсирование развития, дошкольный возраст

Материнство существенно преобразует женщину. Наряду с чисто физиологическими изменениями, происходят и заметные изменения в личностной сфере, такие как перестройка мотивационной сферы женщины. Лидирующие позиции, как правило, занимают мотивы, связанные с материнством, и стремление к достижению счастья ребенка становится ведущим на длительный период времени (Захарова, 2011). Это особенно характерно для матерей раннего и дошкольного возраста.

В последние годы в обществе завоевывает все большую популярность идеи раннего развития ребенка. Требования со стороны начальной школы к уровню овладения элементарными учебными навыками у будущих первоклассников постоянно и неуклонно возрастают. Родители, что естественно, стремятся дать детям лучший старт, лучшее образование, обучать их в престижных учебных заведениях. Спрос рождает разнообразные предложения. Основным лозунгом большинства детских центров и развивающих программ, является такое утверждение: «Чем раньше, тем лучше» и занятия стараются проводить в форме игр. Однако зачастую эти занятия являются скорее «стратегией акселерации под маской амплификации» (Трифонова, 2006). Поэтому, мы говорим о форсировании развития ребёнка, понимая под этим под «форсированием развития» ребенка мы понимаем желание родителя искусственно ускорить развитие собственного ребенка, за счет как можно более раннего перехода ребенка на последующую возрастную ступень развития (Старостина, 2012, 2013). Это может осуществляться путем систематической организации специальных занятий, и предполагает стремление родителя ускорить переход к видам деятельности и обретение качеств и личностных особенностей, свойственных более взрослым детям. Особенно это характерно для родителей дошкольников.

Никто не будет спорить, что для благополучного развития дошкольника жизненно необходима действенная родительская любовь, то есть теплое эмоциональное отношение к ребенку, принятие его личности, поведения, активное внимание к его интересам, уважение его прав и признание обязанностей, оказание помощи при разумной требовательности. Такое отношение к ребенку согласуется с мотивационной направленностью матери на психологическое благополучие ребенка (Захарова, 2011).

Цель данной работы заключалась в изучении особенностей мотивационной сферы матерей дошкольников, стремящихся к форсированию развития ребенка.

Гипотеза: стремление матери к форсированию развития ребенка может быть связано с инструментальными мотивами материнства.

Было опрошено 114 матерей детей дошкольного возраста (5,5 – 7 лет). Выборка была поделена на две равные группы (по 57 человек) в связи с направленностью матерей на форсирование развития ребенка. В первую группу вошли женщины, стремящиеся к форсированию развития детей (прямо заявляющие о том, что хотят, чтобы их ребенок развивался быстрее, чем сверстники и для этого либо сами занимаются с ребенком, либо водят его в различные кружки и секции).

Методики: Содержание мотивационной сферы матерей выявлялось с помощью авторской модификации методики мотивационных предпочтений Ступак А.В. (2012). Методика направлена на выявление основных мотивационных предпочтений матери дошкольника. Женщинам предлагалось выбрать «свои» мотивы из ряда предложенных ей вербализованных мотивов, что позволяет осознать имеющиеся у нее, но недостаточно осознанные мотивы.

Исходя из полученных результатов, мы можем сделать вывод, что большинство матерей в сравниваемых группах руководствуются мотивами материнства, связанными с достижением благополучия ребенка. Эти результаты, свидетельствующие о том, что для матерей дошкольников ведущим является стремление к достижению счастья ребенка, согласуются с результатами, полученными в исследованиях, проведенных под руководством Захаровой Е.И. (2011). Заметим, что первый *мотив любви и заботы*, связанный с достижением благополучия ребенка, поставили на первые позиции более 50% матерей в обеих группах испытуемых. То есть абсолютное большинство матерей заявляют о своем желании видеть своих детей счастливыми и чувствующими их любовь и заботу.

Вместе с тем, можно отметить, что *мотив самооценности ребенка*, входящий в блок мотивов, направленных на достижение благополучия ребенка, чаще ставят на лидирующие позиции женщины, которые форсируют развитие ребенка, и эти различия статистически значимы ($p < 0,05$ по критерию U Манна-Уитни для двух независимых

выборки). То есть для матерей, стремящихся к форсированию развития, в принципе, важнее находиться с ребенком, чтобы быть свидетелем его изменений, отмечать их, так как они представляются для них более уникальными и неповторимыми, чем для матерей из второй группы.

Мотивы же, связанные с воспитанием ребенка как предмета гордости, для избегания одиночества в старости и стремления к высоким достижениям ребенка в тех областях, где сама женщина не смогла себя реализовать, выбрали незначительное количество испытуемых из обеих групп. Ни одна испытуемая не поставила на первые 3 лидирующие позиции мотив, связанный с реализацией определенной воспитательной системы.

Обратимся к оставшимся мотивам. Мотив *создания близких отношений*, воспитания ребенка как близкого человека значимо чаще выбирали как приоритетные, матери из второй группы, не склонные к форсированию ребенка ($p < 0,05$ по критерию U Манна-Уитни для двух независимых выборок). Видимо, для этих женщин более высока значимость близких эмоциональных отношений с ребенком. Это можно рассматривать скорее как ориентацию на собственное эмоциональное благополучие, чем на благополучие ребенка. И вместе с тем, это может приводить к более благополучным и позитивным детско-родительским отношениям.

Мотив же *соответствия социальным ожиданиям*, значимо чаще ставили на первые три позиции матери из первой группы, стремящиеся к форсированию развития ребенка ($p < 0,05$ по критерию U Манна-Уитни для двух независимых выборок). Таким образом, для них очень важно, чтобы ребенок вел себя подобающим образом, чтобы за него не было стыдно перед другими людьми, чтобы он ни в коем случае не отставал от сверстников по развитию. То есть важны не абсолютные достижения ребенка, а относительные (не просто «быть лучшим», а «быть лучше остальных»).

Теперь подробнее остановимся на *инструментальных мотивах* материнства, которые были представлены в мотивационной сфере женщин из обеих групп. В группе 1 инструментальные мотивы материнства, предположительно побуждающие к форсированию, стоят на втором месте у 10% матерей, и у 20% - на третьем. В группе 2 также присутствует выбор инструментальных мотивов материнства: но только 5%

считают этот мотив приоритетным и ставят его на третье место. Эти различия являются значимыми статистически: $p < 0,05$ по критерию хи-квадрат Пирсона для второго мотива и $p < 0,01$ по критерию хи-квадрат Пирсона для третьего мотива.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в мотивационной сфере матерей, форсирующих развитие детей, инструментальные мотивы представлены более весомо. Среди этой группы мотивов преобладает мотив соответствия социальным ожиданиям. Именно эти мотивы и могут побуждать женщин к форсированию развития собственного ребенка. Другие инструментальные мотивы представлены менее широко и статистически значимых различий между группами не установлено по таким мотивам как, самоутверждение матери путем достижений ребенка в той области, где ей не удалось себя реализовать и реализация определенного типа воспитания. Тем не менее, среди матерей, стремящихся к форсированию развития ребенка, встречаются те, у кого мотив самоутверждения за счет интересов ребенка занимает ведущие позиции. Среди матерей второй группы таких женщин нет (самый высокий ранг этого мотива во второй группе – 5).

Значимые различия мы получили, при сравнении частоты встречаемости мотива - *воспитание ребенка как предмета гордости* - между исследуемыми группами ($p < 0,01$ по критерию U Манна-Уитни для двух независимых выборок). То есть для матерей, форсирующих развитие ребенка дошкольного возраста, более характерно отношение к своему ребенку как к предмету гордости, а именно: воспитание его как самого лучшего, желание, чтобы ребенок был предметом восхищения окружающих и его ставили в пример другим. Этот мотив действительно может обуславливать стремление матери к форсированию развития ребенка, как к активному стремлению искусственно ускорить развитие ребенка. Определенные требования, предъявляемые матерью к ребенку, действительно являются в обществе важным критерием эффективности ее как воспитателя. Однако если уровень предъявляемых требований и желаний матери не учитывает возраст, возможности и интересы ребенка, это может привести к неблагоприятным последствиям.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Подавляющее большинство матерей в сравниваемых группах руководствуются мотивами материнства, связанными с достижением благополучия ребенка; хотят, чтобы их дети были счастливы и чувствовали их любовь и заботу.

2. Стремление к форсированию развития ребенка связано с наличием ведущих инструментальных мотивов материнства. Среди этой группы мотивов преобладает мотив соответствия социальным ожиданиям и воспитание ребенка как предмета гордости.

Список литературы

1. Захарова Е.И. Особенности мотивационной сферы матерей с детьми младенческого, раннего и дошкольного возраста // Вестник Московского университета. – Серия «Психология». – 2011. - №2. – С. 97-110.
2. Старостина Ю.А. Материнские представления о развитии ребенка как основа стремления к его форсированию // Вестник Московского государственного областного университета. - Серия "Психологические науки". - 2012. - №4. - С. 40–43.
3. Старостина Ю.А. Особенности эмоциональной стороны детско-родительского взаимодействия в условиях форсирования детского развития // Теория и практика общественного развития (электронный журнал). — 2013. — № 10. — С. 169–172.
4. Ступак А.В. Особенности мотивационной сферы матерей в связи с возрастом ребенка // Актуальные проблемы психологии развития: возрастной, образовательный и семейный аспекты. К 40-летию кафедры возрастной психологии. – М.: МГУ имени М.В.Ломоносова, 2012. – С.105-112.
5. Трифонова Е.В. Проблема самостоятельной игры в контексте основных идей А.В. Запорожца // Культурно-историческая психология. – 2006. - №1. – С. 44-82.

Условия и факторы реализации отцовства в воспитательной деятельности

Токарева Ю.А.

Уральский Федеральный Университет, г.Екатеринбург, Россия

ulia.tokareva@yandex.ru

Аннотация. Психолого-педагогические условия реализации отцовства в воспитательной деятельности включают в себя внешние и внутренние образования, влияющие на качество выполняемой отцом роли. Структурными элементами отцовства как воспитательной деятельности являются: мотивы, цели и воспитательные действия родителя, положительно коррелирующие друг с другом. Системообразующим фактором реализации отцовства как воспитательной деятельности является мотивационно-потребностная сфера, включающая в себя четыре ведущих побудителя: мотивация получения социального одобрения, мотивация саморазвития, мотивация достижения высоких результатов в развитии ребенка и мотивация самоутверждения, обуславливающих дальнейшую воспитательную стратегию отца.

Ключевые слова: условия реализации отцовства, воспитательная деятельность, мотивационно-потребностная сфера отца, стиль воспитания ребенка, родительское отношение, смыслообразующие элементы воспитательной деятельности.

Анализ психолого-педагогического аспекта отцовства показал, что характер воспитательной деятельности отца и отношение к ней, тесным образом связаны с устройством общества, его развитием и требованиями, предъявляемыми к отцу как воспитателю (Кон И.С., 2003). Воспитательная роль отца, его поведение, изменялись вместе с общественными нормами и устоями. В то время, когда большую часть времени отец проводил дома с семьёй, он традиционно устанавливал дисциплину в семье, ему принадлежало естественное право «качать и миловать». Отец, управлял жесткими авторитарными методами, так как суровая реальность и практическая необходимость

требовала, чтобы отец был авторитетен (Васягина Н.Н., 2007). Как результат – не самостоятельность, зависимость детей от родителей, «патологическая привязанность», стереотипность поведения и деятельности, страх родителей за судьбу детей (Шнейдер Л.Б., 2000). Условия реализации воспитательной функции отца изменились после промышленной революции. Сложившаяся система трудовых отношений изменилась, отцы в большинстве случаев стали работать вдали от своих семей и детей, и это обстоятельство привело и к изменениям в роли, принадлежащей отцу в поддержании дисциплины, к появлению синдрома: «Погоди, вот придет папа, и я ему все расскажу» (Дружинин В.Н., 2000). В.Н. Дружинин, отмечает, что отец превращался в тяжелую артиллерию, в силу поддержания порядка, в то время как мать такая ситуация устраивает, так как позволяет избежать чувства вины, которое неизбежно возникает, когда приходится наказывать ребенка. Грязная работа перекладывается на отца (Васягина Н.Н., 2007). Наказание достигает ребенка, только тогда, когда он уже успел забыть о своем поступке. И на долю отца выпадает одна часть заботы о воспитании - обучение ребенка. Обучение ребенка, это именно та часть, которая наиболее болезненно воспринимается как воспитателем (отцом), так и воспитуемым (ребенком), в силу отсутствия у родителя необходимых знаний о способах научения и умений обучать в различные возрастные периоды. Как следствие – установление дистантных отношений между отцом и ребенком, стабильное недоверие и открытый конфликт «Отцов и детей» (Дружинин В.Н., 2000; Токарева Ю.А., 2009).

Некоторые факторы, вызывающие чрезмерную строгость, особо ясно проявились, когда отца стали возвращаться домой после войны, во время которой они должны были беспрекословно подчиняться военной дисциплине (Дружинин В.Н., 2000). Авторитарный отец формировал авторитарного сына. Но, иногда случалась и другая ситуация, когда сын вырастал полной противоположностью отцу, был мягкий, конформный, в данном случае мы можем говорить о ломке характера ребенка, под тяжестью отцовского влияния («Марьин утес», сын Игната).

На сегодняшний день, достаточно распространенным является то, когда мама является главой и стражем порядка, а папа – всеобщий любимец, проводящий, вечера и

выходные дни в забавах с детьми. Многие отцы весьма дорожат своей популярностью у своих сыновей и дочерей и боятся, что утратят ее, если станут делать им замечания и наказывать их. Другие же отцы просто чувствуют себя неуютно в роли утверждающего дисциплину, избегают этой роли, уклоняются от нее или же просто не чувствуют себя способными к ней (Овчарова Р.В., 2003; Сатир В., 2000). Известный семейный психолог и психотерапевт В. Сатир отмечает, что следствием демократизации семейных отношений, сокращения дистанции между отцом и ребенком, является проявления более стабильной, нежели к матери любви, уважения и внимания к отцу. Она замечает наиболее близкие отношения ребенка с отцом, а не с матерью. Причину подобных реакций психолог видит в качестве выполнения воспитательной функции (Сатир В., 2000). Требовательность и контроль отца воспринимается ребенком как забота, вызывающая уважение и любовь. Требовательность и контроль матери, воспринимаются, как чрезмерная опека и недоверие, вызывающие раздражение, неприятие (Сатир В., 2000; Токарева Ю.А., 2009).

Очевидно, что деятельность, связанная с воспитанием ребенка, как и любая другая, представляет собой сложный процесс, со свойственной ему совокупностью действий и последовательной сменой отношений к воспитанию, воспитаннику и к себе как воспитателю, в ходе достижения цели воспитания. Деятельность по воспитанию ребенка связана с активным взаимодействием родителя и ребенка, направленным на разностороннее развитие и саморазвитие, социальное развитие и становление (Овчарова Р.В., 2003). Сущность воспитательной деятельности отца, с точки зрения отечественных и зарубежных психологов различная, в том случае, когда речь идет о воспитании детей различного пола и возраста. Специфика связана с той ролью, которую играет отец в жизни сына и дочери (Шнейдер Л.Б., 2000). В большинстве семей отцы не так строги к дочерям, как к сыновьям, и дочери слушаются отца охотнее, он часто занимает более авторитетную позицию, нежели мать. А матери, пожалуй, предпочитают быть мягче с сыновьями, они проявляют к ним лояльность и терпеливость (Шнейдер Л.Б., 2000). Таким образом, воспитательная деятельность отца играет роль не только фактора, но и условия развития личности, она выступает в качестве микросреды формирования базовых психологических характеристик личности (Кон И.С., 2003)

Анализ научных источников, по проблеме становления деятельности, позволил определить два важных психолого-педагогических условия, обуславливающих стратегию её реализации. В нашем случае под условиями реализации отцовства, понимается внешняя и внутренняя сторона организации жизненного пространства личности, способствующая формированию отцовства как особой воспитательной деятельности. Внешние и внутренние условия деятельности в качестве особого её структурного момента, или фактора, выделяются многими исследователями (Леонтьев А.Н., 1983; Рубинштейн С.Л., 1998), однако попытка определения психолого-педагогических условий реализации отцовства как воспитательной деятельности представлена впервые. В основе построения модели условий и факторов реализации отцовства лежат принципы деятельностного подхода отечественной психологии, представленные в трудах С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева (Леонтьев А.Н., 1983; Рубинштейн С.Л., 1998).

Таблица 1

Психологические условия реализации отцовства в воспитательной деятельности

Внутренние условия	Внешние условия			
Индивидуальные особенности личности	Внутрисемейные факторы			
	Воспитательный потенциал семьи			
Система ценностей и отношений личности	Мотивы родительства и система отношений отца	Цели родительства и поведение отца	Организация внутрисемейного взаимодействия, особенности взаимодействия отца с ребенком	Подготовка будущего родителя (целенаправленная и спонтанная)

Состояние организма	Социальные факторы			
Психофизиологические особенности личности	Установки общества, определение функций семьи	Социальная поддержка семьи и отцовства	Представление и определение роли отца в семье, создание условия для реализации	Специальные мероприятия по развитию семьи, повышение статуса отца в семье

Внешние условия формирования деятельности – это, прежде всего физическое окружения отца (или будущего родителя), включающие в себя все возможные процессы, в которые включен и вовлечен будущий родитель или мужчина-отец, реализующий данную функцию. В отношении реализации отцовства данная группа условий может быть представлена благополучными и неблагополучными для развития личности условиями. Так В. Дружинин к числу благополучных для развития ребенка условий относит: участие в жизни ребенка, как матери, так и отца; планирование и осуществление родителями, специально направленной для подготовки ребенка к семейной жизни, к осуществлению мужской и отцовской роли деятельности и входящих в неё мероприятий (Дружинин В.Н., 2000). Другой аспект внешних условий – социальный. В нашем случае социальный аспект связан с участием «макро и микро уровней» в формировании отцовства как особой деятельности (Токарева Ю.А., 2009). Наиболее сложно дать оценку влияния на формирование отцовства «макроуровня», как более опосредованного и непредсказуемого, включающего в себя комплекс когнитивного, эмоционального и поведенческого воздействия. С.Л. Рубинштейна, пишет: «Известно, насколько легче бывает делать свое дело в доброжелательном, чем в недоброжелательном окружении. Недоброжелательное окружение сразу сковывает, парализует, особенно очень чувствительных и неустойчивых людей. Почувствовав доброжелательную атмосферу, они сразу находят себя, овладевают своими силами и

проявляют себя с самой положительной стороны. Но и в отношении менее чувствительных людей должно быть признано то положение, что технически, объективно одна и та же задача является психологически задачей различной трудности, когда её приходится решать в различных социальных ситуациях» (Рубинштейн С.Л., 1998).

Эффективной реализации воспитательной деятельности соответствует следующая средовая направленность: наличие в обществе установок позволяющих мужчине положительно настроится (мотивировать) на рождение детей и их воспитание; присутствие факторов, возможно законодательных актов, поддерживающих воспитательную активность мужчины; специально направленных для подготовки к отцовству и последующей реализации данной роли общественных программ.

Социальная среда «микроуровневой» системы, понимается как деятельность отдельно взятой семьи, в отношении мальчика, сына, мужчины, связанная с подготовкой его к роли отца, к деятельности, связанной с воспитанием собственных детей. В данном случае речь также может идти как о благоприятном, так и неблагоприятном влиянии условий (Овчарова Р.В., 2003; Сатир В. , 2000).

Придание внешним и внутренним психолого-педагогическим условиям статуса самостоятельного структурного момента воспитательной деятельности и её реализации представляется оправданным, так как содержит в себе, пусть и условно, ряд моментов:

Во-первых, эта реальность имеет собирательный, суммарный характер участвующих в формировании воспитательной деятельности объектов: внешние и внутренние условия составляют самые разнообразные объекты окружающей мужчину среды со всеми их параметрами.

Во-вторых, при дальнейшем рассмотрении оказывается, что объекты, составляющие внешние условия, сами являются структурными элементами действий, направленных на генезис субъекта, предмета либо средства данной деятельности. На генезис субъекта направлено обеспечение многих физических компонентов внешних условий. Без совокупной группы условий мужчина был бы не способен к осуществлению воспитательной деятельности, являющейся важнейшей в жизнедеятельности отца и ребенка (Токарева Ю.А., 2009).

В исследовании факторов реализации отцовства как деятельности по воспитанию ребенка приняли участие 750 отцов, детей четырех возрастных групп: дошкольного, младшего школьного, подросткового и юношеского возраста. Для выделения ведущих факторов воспитательной деятельности использовался пакет, включающий в себя 13 психодиагностических методик. Все методики сгруппированы по трем блокам отражающим структуру воспитательной деятельности, а именно: исследование мотивационно - потребностного компонента, исполнительного и контрольно-оценочного компонента деятельности.

С целью выделения системообразующих элементов воспитательной деятельности отца проведен кластерный, корреляционный и факторный анализ. Обработка проводилась с использованием статистического пакета Statistika 6.1.

В структуре воспитательной деятельности отцов воспитывающих детей дошкольного возраста было выявлено три основных фактора следующего порядка: воспитательные действия – мотивы отцовства – цели отцовства. Установленный порядок воспитательной активности отца можно объяснить отсутствием у родителя четкого представления о себе как об отце – воспитателе. Исходя из того, что изучаемая выборка включала в себя отцов детей 3-3,5 лет, требующая большего внимания матери, связанного с уходом за ребенком, возможно отцы руководствуются в воспитании ребенка не собственно поставленными целями, а теми задачами, которые ставит перед ним мать ребенка. Таким образом, в дошкольный период развития ребенка, воспитательная деятельность отца носит поддерживающий характер и напрямую соотносится с воспитательными намерениями матери. Личные воспитательные мотивы и цели отцовства выступают на втором плане взаимодействия отца с ребенком.

1 Фактор «Воспитательные действия отца» охватывает большую часть дисперсии 25,2 % и является системообразующим элементом воспитательной деятельности отца детей дошкольного возраста. Значимые веса в нем имеют шесть показателей, связанных с отражением конкретных воспитательных действий отца, реакций отца, характеристиками стиля воспитания ребенка.

II Фактор «Мотивы отцовства» охватывает 19,5% дисперсии. Значимые веса в нем имеют три из четырех мотивов отцовства, а также поведение отца, имеющее отношение к причинам родительства.

III Фактор «Воспитательные цели отцовства» охватывает 14,3% дисперсии. Значимые веса в нем имеют четыре показателя, связанных с целями отцовства и результатом воспитательной деятельности.

В структуре воспитательной деятельности отцов воспитывающих детей младшего школьного возраста было выявлено три основных фактора.

I Фактор «Мотивы отцовства» охватывает большую часть дисперсии 20,1 % и является системообразующим элементом воспитательной деятельности отца детей младшего школьного возраста. Значимые веса в нем имеют два из четырех мотива отцовства, а также поведение отца, имеющее отношение к причинам родительства.

II Фактор «Воспитательные цели отцовства» охватывает 17,4% дисперсии. Значимые веса в нем имеют шесть показателей, связанных с отражением целей воспитательной деятельности отца, а также её предполагаемым результатом.

III Фактор «Воспитательные действия отца» охватывает 15,4% дисперсии. Значимые веса в нем имеют четыре показателя, связанных с конкретными стратегиями воспитания, стилями воспитания ребенка младшего школьного возраста.

Факторный анализ, использованный для определения особенностей реализации отцовства в воспитании ребенка подросткового возраста, установил следующие факторы и их порядок.

I Фактор «Мотивы отцовства» охватывают большую часть дисперсии 21,3 % и является системообразующим элементом воспитательной деятельности отца детей подросткового возраста. Значимые веса в нем имеют два из четырех мотива отцовства, а также поведение отца, имеющее отношение к причинам родительства. Для отца воспитывающего подростка характерна мотивация получения социального одобрения, принятия со стороны окружающих. Самоутверждение отца посредством подавления воли, сексуальности.

II Фактор «Воспитательные цели» охватывает 16,3% дисперсии. Значимые веса в нем имеют девять показателей, связанных с отражением воспитательных целей

отцовства, а также предполагаемых результатов. Воспитание ребенка детерминировано стремлением отца к самореализации, саморазвитию в процессе воспитательной деятельности, достижению высоких результатов в развитии ребенка и в отношениях с ним, установлению контакта и партнерских отношений, проявлению внимания и заботы.

III Фактор «Воспитательные действия отца» охватывает 14,9% дисперсии. Значимые веса в нем имеют четыре показателя, связанных с конкретными стратегиями воспитания, стилями воспитания ребенка подросткового возраста, а именно проявление излишней строгости, раздражительности, конфликтности.

В структуре воспитательной деятельности отцов воспитывающих детей юношеского возраста были выявлены следующие факторы.

I Фактор «Мотивы отцовства» охватывают большую часть дисперсии 21 % и является системообразующим элементом воспитательной деятельности отца детей юношеского возраста. Для отца воспитывающего ребенка юношеского возраста характерна мотивация самоутверждения, требование сверх авторитета родителей.

II Фактор «Воспитательные цели» охватывает 18,7% дисперсии. Значимые веса в нем имеют восемь показателей, связанных с отражением воспитательных целей отца, а также предполагаемым результатом воспитания ребенка, а именно: достижение высоких результатов в развитии ребенка и в отношениях с ним, развитие его активности, установление партнерских отношений с ребенком, выстраивание кооперации, проявление отцовского внимания и заботы.

III Фактор «Воспитательные действия отца» охватывает 15,8% дисперсии. Значимые веса в нем имеют четыре показателя, связанных с конкретными стилями воспитания ребенка юношеского возраста, а именно проявление гиперопеки, доминирования, развитие ребенка как субъекта сознания, субъекта общения и деятельности.

Проведенное исследование позволило сформулировать следующие выводы:

1. Деятельность, связанная с воспитанием ребенка, как и любая другая деятельность, сложный процесс, со свойственной ему совокупностью действий и последовательной сменой отношений к воспитанию, воспитаннику и к себе как воспитателю, в ходе достижения цели воспитания.

2. Сущностными условиями реализации отцовства в деятельности по воспитанию ребенка является наличие характерного взаимодействия родителя и ребенка, использования различных средств и способов воспитания, с целью разностороннего развития и саморазвития, становления социальности ребенка.

3. Внешними факторами реализации отцовства в воспитательной деятельности, являются условия семейного воспитания, в которых растет (или рос) будущий отец, а также условия для реализации мужчины в роли отца. Внутренними факторами реализации отцовства, является психологическая готовность к родительству и мотивация на достижение высоких результатов в развитии ребенка в отношениях с ним.

4. Внешние и внутренние факторы реализации отцовства обуславливают характер воспитательной деятельности отца, при условии их сочетания между собой, высокой интенсивности или относительной стойкости и длительности воздействия.

5. Структурными элементами отцовства как воспитательной деятельности являются: мотивы, цели и воспитательные действия родителя, положительно коррелирующие друг с другом. Системообразующим фактором реализации отцовства в воспитательной деятельности является мотивационно-потребностная сфера, включающая в себя четыре ведущих побудителя: мотивация получения социального одобрения, мотивация саморазвития, мотивация достижения высоких результатов в развитии ребенка и мотивация самоутверждения, обуславливающих дальнейшую воспитательную стратегию отца.

Список литературы

1. Васягина Н.Н. Содержание ценностно – смысловой сферы мужчин с разным стажем отцовства в районах с разным уровнем урбанизации // Актуальные проблемы психологии личности : сб. науч. трудов / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2007.
2. Дружинин В.Н. Психология семьи. – Екатеринбург: Деловая книга, 2000. – 208 с.
3. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: В 2 т. – М.: Педагогика, 1983. – Т. 2. – 320 с.

4. Кон И.С. Современное отцовство: мифы и проблемы // Семья и школа. - 2003. - № 4. - С.17-20.
5. Овчарова Р.В. Психологическое сопровождение родительства. – М.: Изд-во Института Психотерапии, 2003. – 319с.
6. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер Ком, 1998. – 680 с.
7. Сатир В. Вы и ваша семья. Руководство по личностному росту. – М.: Апрель Пресс, 2000. – 320 с.
8. Токарева Ю.А. Рефлексивный анализ эффективного отцовства. //Психотерапия. – 2009.- № 10.- С. 88 – 95.
9. Шнейдер Л.Б. Психология семейных отношений. – М.: Апрель-Пресс, 2000. – 512с.

Развитие самосознания женщины на этапе материнства

Устинова Н.А.

Уральский государственный педагогический университет, г. Екатеринбург,

Россия

ustinova-natulya@inbox.ru

Аннотация. В данной статье анализируются основные подходы к феномену самосознания, обосновывается подход к материнству как к особой стадии идентификации, адаптации и развития самосознания женщины, выделяются детерминанты развития самосознания матери, раскрываются особенности формирования самосознания матери, описывается тренинг гармонизации самосознания матери.

Ключевые слова: материнство, самосознание, образ-Я, самоотношение, самореализация.

Изучение материнства и его отражение в самосознании женщины – актуальная проблема XXI века. Исследование самосознания матери в центре внимания психологов и ученых не случайно.

Достаточно важно на сегодняшний день изучение внутреннего мира современной матери, ее отношения к воспитанию ребенка. Более углубленно рассматривая проблему материнства, наталкиваешься на тот факт, что самосознание матери во многом детально не изучено, и поэтому необходимо выделить и исследовать детерминанты самосознания матери в современном обществе.

Необходимость в психолого-педагогическом сопровождении материнства обсуждается в последнее время не только в средствах массовой информации, но так же становится объектом исследования и изучения различными школами и направлениями в психологии, и данный факт отражает актуальность и значимость данной проблемы для современного общества.

В последние годы возросло количество проблем, связанных с девиантным материнством, с отказом от детей. Так же современный ритм жизни накладывает неизгладимый отпечаток на выполнение материнских функций, их, как правило, берут на себя няни, гувернантки, бабушки и т.д. Данная проблема является особенно актуальной и значимой для жителей больших мегаполисов, где к женщине как профессионалу предъявляются такие же требования, как и к мужчине, при этом ей необходимо наряду с профессиональными обязанностями выполнять функции матери и супруги. Женщина все в большей степени стремится к независимости, личностному росту и саморазвитию, и для многих женщин карьера становится первоочередной, чем семья.

С другой стороны, подобный интерес обусловлен вниманием к проблемам личности самой матери, к формированию родительских качеств, которые, несомненно, заслуживают особого внимания и изучения, так как «современный ребенок» нуждается в более качественном и эмоционально-насыщенном внимании со стороны родителей.

Следует так же признать, что со временем семья претерпела значительные перемены. В последнее время в большей степени можно встретить неполные семьи, в

которых женщина берет на себя функции и отца и матери, тем самым компенсируя ребенку недостаток общения и взаимодействия, который присутствует в полной семье (В.С. Мухина, Е.О. Смирнова, В.С. Собкин).

Имеющиеся в научно-публицистической литературе факты свидетельствуют о том, что современные женщины крайне мало ориентированы на выполнение материнских ролей (N.N. Vasyagina, 2013). Функции матери не занимают центрального места в самосознании современной женщины – этот тревожный факт отмечают многие отечественные и зарубежные учёные (Чибисова М.Ю., 2003). Женщина рождает ребёнка, но считает его обузой (Бердникова Т. В.)

С точки зрения Г. Г. Филипповой, материнство как самостоятельная реальность, требует дальнейшей разработки в рамках целостного научного подхода для его исследования (Филиппова Г.Г., 2000). Таким образом, материнство может быть рассмотрено как этап переосмысления и переоценки своего детского опыта с точки зрения приобретенного родительского опыта, как новая и уникальная ситуация развития самосознания женщины на этапе материнства (М. М. Бахтин, В. С. Библер, М. Бубер).

Во время исследований феномена самосознания матери Н.Н. Васягина, Т.В. Леус, Г.Г.Филиппова, М.Ю. Чибисова пришли к единому мнению: «Материнство есть особая стадия идентификации, адаптации и развития самосознания женщины» (Васягина Н.Н., 2013).

Одна из главных причин изучения самосознания матери, состоит в том, чтобы создать психологические условия (организация и проведение тренингов, индивидуальных консультаций) для осознания женщиной собственной родительской позиции, проанализировать, принять или же не принять эту позицию и выработать перспективы развития отношений с ребенком.

Наше исследование базируется на научных трудах по проблеме самопознания личности (Д. А. Леонтьев, Л. С. Выготский, В. А. Ядов, и др.), по проблеме психологии материнства (Н.Н. Васягина, З. Фрейд, К. Хорни, Дж. Боулби, Д. Винниконт). При рассмотрении проблемы самосознания мы основываемся на точке зрения отечественных и зарубежных психологов, определяющих самосознание как социальный феномен, и предлагающих выделять в структуре самосознания три компонента: когнитивный,

поведенческий и эмоциональный (К. Роджерс, Р. Бернс, Э. Эриксон, А. Н. Леонтьев, В. С. Мухина, С. Л. Рубинштейн, М. И. Лисина, И. И. Чеснокова и др.) (Барановская Т.И., 2002).

Материнство мы рассматриваем как особую стадию идентификации, адаптации и развития самосознания женщины и опираемся на концепции таких авторов как: Н.Н. Васягина, В. Бергум, С. Фанти, М. Д. Марконе, Д. Пайнз, Г. Г. Филиппова, Т. В. Леус, М. Ю. Чибисова, Н.А. Устинова и др. (Устинова Н.А. 2009).

Нашей целью было исследование и развитие самосознания женщины на этапе материнства.

Для доступности эмпирической проверки нами была выдвинута гипотеза: специально разработанный тренинг будет способствовать развитию самосознанию матери: повисит уровень рефлексии, самопостижения и уровень родительской компетентности.

Исследование проводилось в январе 2014 г. и реализовывалось в три этапа:

- констатирующий – разработка методологии, подбор и проверка методов исследования;
- формирующий – подготовка специально-ориентированной тренинговой программы направленной на развитие самосознания матери;
- контрольный – проведение контрольного эксперимента.

В исследовании приняли участие 40 матерей, отобранные методом случайной выборки, проживающие в г. Снежинске Челябинской области. Все испытуемые состоят в браке и имеют одного ребенка в возрасте от 3 до 6 лет. Среди матерей 65 % имеют высшее образование, 35 % среднее специальное.

Используя выбранные нами методики, такие как: техника репертуарных решеток Д. Келли; опросник исследования самоотношения личности С. Р. Панталева; методика PARI (parental attitude research instrument) Е.С. Шеффера и Р. К. Белла, адаптированная Т.В. Нещерет и проанализировав результаты, мы рассмотрели содержание самопостижения, составили представления женщины о себе, как о матери, о качестве выполнения материнских функций, о способах взаимодействия с ребенком, о доминирующем эмоциональном фоне взаимодействия, которые интегрируются в

обобщенный образ «Я» и характеризуется высоким уровнем внутриличностных конфликтов, противоречивостью чувств и переживаний; выяснили, что структура самоотношения так же характеризуется высоким уровнем конфликтности. Внутриличностные конфликты между «Я – реальным» и «Я – идеальным», сомнения, несогласие с собой, отрицательные эмоции обуславливают включение механизмов психологической защиты личности. Выявлена амбивалентность в отношении женщины к себе: с одной стороны женщина принимает себя такой, какая есть, с другой стороны чрезмерно критично относится к себе. Смогли охарактеризовать самореализацию двойственностью отношений с ребенком, что, вероятно, связано с нарушениями в структуре материнско-детского взаимодействия. Наличие противоречий в воспитательной позиции матери (принятие – отвержение ребенка, развитие – инфантилизация ребенка, авторитарность – сотрудничество и т. д.) так же связано с механизмами психологической защиты. Проведенный анализ выявил наличие значительных противоречий и внутриличностных конфликтов в содержательной наполненности структурных компонентов самосознания матери, что, по всей видимости, связано с наличием вытесненных переживаний и неразрешенных, на более ранних стадиях развития, эмоциональных конфликтов.

Анализ исследования компонентов самосознания женщины: самопостижения, самоотношения и самореализации, показал, что каждый из этих компонентов представлен в самосознании конкретной женщины уникальной комбинацией и индивидуальным своеобразием элементов, что явилось основанием для выделения и описания типов матерей.

Проведенное эмпирическое исследование позволило подтвердить гипотезу о *влиянии изменений самопостижения на самоотношение и самореализацию*. Становится очевидной тесная взаимосвязь между самопостижением, самоотношением и самореализацией. Так, самопостижение осуществляется женщиной в процессе выполнения своих материнских функций и взаимодействия с окружающими людьми, в первую очередь с ребенком и супругом. Вместе с познанием женщиной себя, в процессе выполнения функций по уходу и воспитанию ребенка, происходит постоянное соотнесение образов реального и идеального «Я», результатом которого является

формирование отношения к себе как к матери. В свою очередь, самоотношение выступает необходимым внутренним условием регуляции поведения и деятельности (самореализации) и влияет на доминирующий эмоциональный фон взаимодействия с ребенком (Устинова Н.А., 2009).

На основе результатов эмпирического исследования был разработан и апробирован тренинг гармонизации самосознания матери «В поисках совершенства».

Тренинга включает 36 часов: 9 занятий по четыре часа. Перерыв между занятиями дает возможность осмысления полученных знаний и умений, а так же соотношение их с обыденной реальностью. Так же перерывы между занятиями слишком маленькие, чтобы у участников тренинга оставался настрой на психологическую работу.

Организационный принцип тренинга. Развитие самосознания матери, источником которого выступает рефлексия, осуществляемая в процессе осознание сильных и слабых сторон, своих возможностей, ресурсов, за которым следует побуждение к саморазвитию и желание личностного роста, что приводит к достижению поставленных целей и задач. Формируется адекватной самооценки, повышается ценность материнства, происходит принятие роли матери. Для успешности этого процесса необходима атмосфера доверия в группе, так как это, по мнению К. Роджерса, способствует исследованию личностью своего внутреннего мира и выбору правильного направления развития. Так же одним из обязательных условий изменения является постоянная обратная связь от группы, способствующая выявлению скрытых недостатков. Все упражнения построены по схеме: самопознание, следствием которого является побуждение к самопостижению, и программирование личностного роста которое в конечном итоге приводит к самореализации.

В тренинге нами использованы идеи и упражнения Сидоренко Е. В (2002), Копытина А. И., Вилюнаса В. К., Марковской И. М., Левитова Н. Д (2002), Сакович Н. А., Овчаровой Р. В., Якобсон П. М., Изарда К., Кипниса М. (2005). При разработке тренинга мы использовали работы, в которых затрагиваются аспекты групповой работы с матерями (Н.Н. Васягина, А. Я. Варга, Д. В. Винникот, Р. В. Овчарова, Л. А. Петровская, Эйдемиллер и др.).

Целью тренинга является развитие самоотношения и самореализации через самопостижение. Проведение тренинга позволило подтвердить наше предположение о том, что специально разработанный тренинг будет способствовать развитию самосознания матери: повысить уровень рефлексии самопостижения и уровень родительской компетенции.

Экспериментальная группа приняла участие в тренинге развития самосознания матери, направленном на изменение представлений о себе, как матери, модификацию поведения и формирование адекватной самооценки через развитие навыков рефлексии. Данный тренинг проводился в течение пяти недель, по два занятия в неделю с интервалом в 2 – 3 дня. Ретест в обеих группах производился при соблюдении интервала в 2 недели. Это связано с тем, что применяемые опросники предполагают рефлексию, осознание, анализ предыдущего поведения человека. Сразу после окончания тренинга его участники еще не обладают подобным опытом и не могут адекватно отразить произошедшие с ними изменения.

Проверка достоверности сдвига показателей в экспериментальной и контрольной группах проводилась с помощью Т-критерия Вилкоксона.

Наиболее чувствительными к гармонизирующему воздействию тренинга для самопостижения оказались «идентификация со счастливой матерью», «идентификация с идеальной матерью» (в среднем увеличение на 2, 2,6 балла соответственно); «идентификация с матерью которой была раньше», «идентификация с матерью, которой не буду никогда» (в среднем уменьшение на -2, -2,2, балла соответственно); менее статистически значимым оказалось изменение переменной «идентификация с несчастной матерью» (в среднем уменьшение на - 1,1 балла). Данные изменения свидетельствуют о сближении образов «Я-реальное» и «Я-идеальное», «Я-реальное» и образа счастливой матери. Уменьшение идентификации с матерью, которой была раньше, с матерью, которой не буду никогда и несчастной матерью так же свидетельствует о гармонизации «Я-концепции» матерей. Снижение идентификации с матерью, которой была раньше, свидетельствует о пересмотре женщинами образа реального Я и нахождении значительных отличий между двумя образами.

Обращает внимание отсутствие динамики переменных, описывающих категории конструктов. Это может быть связано с тем, что конструкты представляют собой достаточно устойчивую систему, позволяющую описывать и прогнозировать реальность. Они пересматриваются человеком лишь тогда, когда перестают выполнять свою описательно-прогностическую функцию. Мы можем предположить, что конструкты испытуемых являются эффективными в описании и прогнозировании реальности.

Таким образом, по окончании работы в экспериментальной группе и на основании результатов повторного исследования можно констатировать, что матери стали более открытыми и честными в отношениях с самой собой, более развитой стала рефлексия. Они стремятся к более глубокому пониманию себя и развитию собственной личности. Женщины стали более уверенными в себе, появилось ощущение силы собственного «Я».

Они более довольны собой, своими начинаниями и достижениями, ощущают свою компетентность и способность решать многие жизненные вопросы. Основным источником собственной активности, результатов и достижений, источником развития собственной личности женщины видят в себе. Матери стали ощущать ценность собственной личности и воспринимать себя принятыми окружающими, чувствовать, что их любят и ценят за личностные и духовные качества. В целом, они более положительно стали относиться к себе. Появилось ощущение баланса между собственными возможностями и требованиями окружающей реальности, между притязаниями и достижениями, вполне довольны сложившейся жизненной ситуацией и собой.

Изменения затронули и переменные, описывающие самореализацию. Перестройка отношения матерей к воспитательной практике выразилась в побуждении словесных проявлений, вербализации, опасение обидеть, уклонение от конфликта, (увеличение в среднем на 3,3; 2; 3,6; балла), установлении партнерских и уравнительных отношений с ребенком (в среднем увеличение на 2,3; 3,2 балла соответственно).

Самосознание матери представляет собой систему, состоящую из трех компонентов – самопостижения, самоотношения и самореализации. Наиболее важной стороной самосознания матери является самопостижение, включающее в себя представление о себе как о матери, о выполнении материнских функций, о способах

взаимодействия с ребенком, о доминирующем эмоциональном фоне взаимодействия сформировавшееся в обобщенный Я-образ.

Самоотношение представляет собой специфический вид эмоциональных переживаний, в которых отражается собственное отношение матери к тому, что она узнает, понимает и открывает о себе.

Самореализация понимается нами как процесс организации матерью своего поведения, форма регуляции взаимоотношений с ребенком, которая предполагает момент включенности в него результатов самопостижения и самоотношения. Содержание данного компонента представлено эмоциональным сопровождением процесса взаимодействия с ребенком, реагированием на поведение и эмоции ребенка, стилями и способами взаимодействия с ним, типом детско-родительских отношений. Психологические механизмы самосознания матери имеют интегративную природу: в каждый акт самосознания вовлекаются не только отдельные психические процессы в различной их комбинации, но также и вся личность в целом – система ее психологических свойств, особенностей мотивации, приобретенный опыт.

На основе результатов эмпирического исследования, был разработан и апробирован тренинг развития самосознания матери «В поисках совершенства», целью которого явилось развитие самоотношения и самореализации через самопостижение.. Реализация программы позволила подтвердить предположение о том, специально разработанный тренинг будет способствовать развитию самосознания матери: повысит уровень рефлексии самопостижения и уровень родительской компетенции.. Эффективность тренинга доказывают произошедшие достоверные изменения в сторону развития самосознания матери.

Список литературы:

1. Васягина, Н. Н. Субъектное становление матери в современном социокультурном пространстве России [Текст] : монография / Н. Н. Васягина ; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург : [б. и.], 2013. – 309 с.

2. Барановская Т.И. Развитие базовых качеств матери и психологическое развитие младенца в возрасте 3-4 и 7-8 месяцев (лонгитюдное исследование) дисс. кан. псих. наук - Шуя, 2002. 280 с.

3. Попцова Е.В. Качества матери и психологическое развитие ребенка раннего возраста. Дисс канд.псих.наук. – М.: 1995. 285 с.

4. Устинова Н.А. Внутриличные детерминанты самосознания матери Авт.... канд. психол. наук. ГОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет» . – Екатеринбург, 2009. 23 с.

5. Филиппова Г.Г. Психология материнства: Сравнительно-психологический анализ: Дисс. ... докт. психол. наук / Институт молодежи. - М.- 2000. 449 с.

6. Чибисова М.Ю. Феномен материнства и его отражение в самосознании современной женщины.: Дис.... канд. психол. наук. / МПГУ. – М., 2003. 272с.

7. Vasyagina, N. N. The influence of contemporary social and cultural space of Russia on the value-semantic content of motherhood [Текст] / N. N. Vasyagina // Middle East Journal of Scientific Research. – 2013. – №2.

Рисунок «Я и мой ребенок» в работе с людьми разного возраста и репродуктивного статуса

Филиппова Г.Г.

НОУ ДО «Институт перинатальной психологии и психологии репродуктивной сферы», Москва

filippova_galina@mail.ru

Рисуночный тест «Я и мой ребенок» уже около 25 лет активно используется в психологических исследованиях и в психологической практике. Он хорошо зарекомендовал себя в диагностическом, прогностическом и терапевтическом аспектах. За это время получено много данных на разных контингентах испытуемых и клиентов:

мужчинах и женщинах, взрослых и детях, беременных, родителей с детьми и людях, не имеющих детей. Выявлены показатели и особенности рисунков, характеризующие особенности родительской сферы у людей разного возраста и статуса и имеющих различные проблемы.

История методики

Впервые я использовала эту методику в 1991 году при изучении материнской сферы беременных женщин в условиях женской консультации и при индивидуальном консультировании матерей с младенцами. В это время специальных методик для диагностики и практической работы с проблемами материнства еще не было. За основу были взяты рисуночные тесты «Рисунок семьи» и «Кинетический рисунок семьи» [13]. После публикации статьи Р.Ф. Беляускайте [1], в которой были описаны симптомокомплексы теста «Рисунок семьи», была проведена работа по анализу признаков и выделению симптомокомплексов рисунка «Я и мой ребенок». Было выделено четыре основных симптомокомплекса: благоприятная ситуация родительства; незначительные признаки тревожности, неуверенности и конфликтности; тревожное переживание ситуации родительства; конфликт с ситуацией родительства [5, 6].

Впоследствии этот рисунок был опробован на самых разных респондентах, начиная с детей с 5 лет (в форме «Я и мой будущий ребенок»), при работе с будущими родителями (планирующими рождение ребенка и беременными) [2, 3, 7, 9, 10, 11] родителями с детьми разного возраста [3, 4, 5, 6], женщинами, отказывающимися от новорожденного [6], женщинами и мужчинами с разными формами бесплодия, пациентами клиник вспомогательных репродуктивных технологий. Были проведены как срезовые, так и лонгитюдные исследования (по триместрам беременности и после рождения ребенка), а также использованы данные практической психологической работы на семьях, периодически обращающихся за консультациями в течение нескольких лет. В 2001-2002 году эта методика была опробована в лонгитюдном исследовании (со второго триместра беременности до 1 года после рождения ребенка) [2].

В исследовательской работе и в практике психологического консультирования диагностическая и коррекционная ценность этой методики были подтверждены целым

комплексом психологических методов: наблюдение, интервью, личностно-ориентированные методики, другие проективные графические методики, ЦТО, исследование материнско-детского взаимодействия, контент-анализ родительских сочинений, семантический дифференциал др.) [2, 3, 6, 12]. Обобщение этих данных были представлены в докторской диссертации автора [6]. С 2006 года рисуночный тест «Я и мой ребенок» и его модификации («Я и мой ребенок сейчас» для второго триместра беременности, «Я и мой ребенок в первый месяц после родов» для третьего триместра беременности) используется для скрининговой диагностики при ведении беременности в медико-психологической клинике «Семья с плюсом». В этом исследовании накоплен огромный материал сочетаний признаков рисунка с другими психологическими методиками и данными медицинских обследований.

Особенности интерпретации методики

Поскольку задание предполагает наличие персонажей, изображенных в виде людей, то любое отклонение в изображении персонажей интерпретируется как показатель тревоги и конфликтности с темой рисунка. Это подтверждено многочисленными исследованиями рисуночных методик с персонажами («Рисунок семьи» и др.). Важно отметить, что в ряде исследований рисунки с заменой персонажей на животных, растения и символы нередко интерпретируются как адекватные. Наши исследования показывают, что обычно это оказывается выражением защитной тревоги при конфликте с родительством или какой-либо из родительских функций. Интересными являются примеры обедненного и схематизированного рисунка (не прорисовка деталей тела, «головоноги», фигуры из линий и кругов). Обычно респонденты объясняют такой рисунок тем, что не умеют рисовать. При предложении рисунка на другую, интересную для человека тему, рисунки получаются объемными и подробными. Такой же эффект наблюдается после психологической коррекции. Поэтому такого рода рисунки также свидетельствуют о наличии тревоги и конфликта с темой рисунка.

Помимо этого можно описать ряд особенностей при использовании рисунка «Я и мой ребенок» для разных контингентов респондентов.

Дети (старше 5-6 лет)

Для детей характерно изображение себя с будущим ребенком в соответствии со своей семейной ситуацией. Это обнаружилось при сравнении этих рисунков с рисунком «Моя семья» и «Я и моя мама». При этом отношения с матерью больше ассоциированы с представлением о своем будущем ребенке, чем отношения с отцом. Для детей характерно наличие совместной деятельности с ребенком, в некоторых случаях компенсаторного характера (то, что не хватает в своей семье).

Женщины и мужчины фертильного возраста, не имеющие детей

В целом у женщин и мужчин, не имеющих детей, но планирующих их рождение в будущем, и не имеющих репродуктивных проблем, рисунки очень похожи на таковые у беременных. В целом чаще рисуют ребенка раннего или дошкольного возраста, у мужчин чаще появляется опосредование взаимодействия с ребенком предметами: велосипед, мяч, другие спортивные и бытовые предметы. Для этого контингента рисунки достаточно хорошо отражают готовность к рождению ребенка, отношение к нему и восприятие ситуации родительства.

Беременные женщины и мужчины в период беременности жены

Для женщин в беременности характерна определенная динамика по триместрам беременности. Для первого триместра беременности в рисуночном тесте нормальными являются незначительные симптомы тревожности, неуверенности в себе, конфликтности. Выраженные проявления этих качеств, а также их устойчивое сохранение во втором и третьем триместрах отражают неблагополучие в отношении к беременности и материнству. В процессе беременности при адекватном стиле переживания беременности и адекватной ценности ребенка возраст ребенка на рисунке постепенно приближается к младенческому. Наиболее диагностически значимыми являются следующие особенности рисунка: отсутствие на рисунке себя; отсутствие на рисунке ребенка; замена образа себя и/или ребенка на символ, растение, животное; ребенок «спрятан» в коляске, кровати, животе матери; изоляция ребенка;

пространственная дистанция матери с ребенком; наличие большого количества дополнительных деталей, украшательств, символов (сердечки, солнышки и т.п.).

У будущих отцов часто обнаруживаются признаки тревожности, изображение ребенка на руках у матери или в коляске. Популярны сюжеты взаимодействия с ребенком дошкольного возраста, опосредованного спортивными или бытовыми предметами. Это свидетельствует о готовности будущих отцов к деятельностному контакту с ребенком более старшего возраста, но обычно не говорит прямо об их неготовности к контактам с новорожденным. Непосредственный контакт и прямое взаимодействие с младенцем обычно встречается у мужчин с хорошим опытом нянчания.

Особенности рисунков при замершей беременности

В скрининговых диагностиках были получены рисунки женщин, у которых вскоре после рисования произошло замирание беременности. В большинстве случаев (но не во всех!) эти рисунки можно было квалифицировать как вполне адекватные. На них изображена женщина с младенцем на руках и особых признаков потери беременности не обнаруживается. При тщательном анализе анамнеза и материалов индивидуального консультирования этих женщин мы предположили, что это может быть тема «возврата в свою материнско-детскую диаду», что возможно было неосознаваемой целью данной беременности. В некоторых случаях при последующей потере беременности появлялись характерные признаки рисунка: ребенок в виде ангелочка, «улетающий» от фигуры матери; улетающий воздушный шарик; «пустое» место в животе женщины, изображение ребенка в форме «скелета» и другие признаки.

Особенности рисунков при бесплодии

В целом при женском и мужском бесплодии по рисунку «Я и мой ребенок» выявляются проблемы готовности к родительству. Часто встречаются рисунки обедненные и схематичные, без использования цвета, фигура матери инфантильная, много замен образов, «не получается» прорисовка тела, ребенок чрезвычайно редко

оказывается младенцем, затруднен контакт с ребенком, много признаков тревожности и конфликтности. Такие рисунки характерны как для женщин, так и для мужчин.

Особенности при предшествующих репродуктивных потерях

При планировании рождения ребенка в случаях предыдущих репродуктивных потерь (выкидыши, аборты, перинатальные потери) часто появляется тема «потерянного ребенка», которым заменяется образ будущего ребенка. Это может быть образ ребенка с левой стороны от матери, воздушный шарик или другой предмет (их количество часто соответствует количеству потерь), или другие символы. Такие признаки свидетельствуют о том, что переживание потери еще не окончено, и планируемый ребенок призван заменить предыдущего.

Помимо уже хорошо известных преимуществ рисуночной методики «Я и мой ребенок», ее использование при различных проблемах родительства, при работе с нарушениями репродуктивного здоровья женщин и мужчин, в том числе при подготовке к ЭКО позволяет не только диагностировать целый ряд особенностей родительской сферы, но и осуществлять эффективную коррекционную работу.

Список литературы

1. Беляускайте Р.Ф. Рисуночные пробы как средство диагностики развития личности ребенка. // Детский практический психолог, 1994, № 1, С. 30-35.
2. Брутман В.И., Филипова Г.Г., Хамитова И.Ю. Методики изучения психического состояния женщин во время беременности и после родов. // Вопросы психологии, 2002, №3, С. 110-118.
3. Вшивкова И.В. Рисуночные тесты как метод исследования агрессивной материнской позиции // Перинатальная психология и психология родительства, 2004, №1. С. 12-43
4. Захарова Е.И. Психология освоения родительства: науч. моногр. – М.: ИИУ МГОУ, 2014. – 258с.

5. Филиппова Г.Г. Психология материнства и ранний онтогенез. Учебное пособие. - М.: Жизнь и мысль, 1999. - 192с.
6. Филиппова Г.Г. Психология материнства (сравнительно-психологический анализ). Дисс. докт. психол. наук., М., 2000
7. Филиппова Г.Г. Метод рисуночного теста в психологической работе с беременными. // Психотерапия в России: школы, научные исследования и практические достижения. Тез. Всер. н-пр. кон. -М., 2000. – С. 41-42
8. Филиппова Г.Г. Комплексная диагностика материнской сферы в период беременности и раннего развития ребенка. //Перинатальная психология и медицина. Сб. мат. конф. по перинатальной психологии. СПб., 2001, С. 62-64
9. Филиппова Г.Г. Диагностика материнского отношения до рождения ребенка. // Материнство. Психолого-социальные аспекты (норма и девиация). Мат.5 Всер. н-пр. конференции. Иваново – Плес, 6-9 сентября 2002г. – Иваново: Иван. Гос. Ун-т., 2002. - С. 94-98
10. Филиппова Г.Г., Васичкина Е.В. Образ будущего ребенка у беременной женщины: особенности содержания и средства формирования. // Перинатальная психология и психология родительства, 2007, №1, С. 14 – 41
11. Филиппова Г.Г., Милехина Н.В. Особенности представлений матери и отца о будущем ребенка. //Перинатальная психология и психология родительства, 2006, №2, С. 82 - 94
12. Филиппова Г.Г., Черткова И.Н., Сапарова И.М., Антонов М.В., Соколова О.А., Рябухина А.В., Пашкова Ю.В., Николаева Ю.А.. Исследование психологических особенностей переживания беременности у женщин с патологией беременности // Перинатальная психология и психология родительства. Тем. выпуск «Журнала практического психолога». - М.: 2003, С. 64-83
13. Хоментаскас Г.Т. Семья глазами ребенка. М.: Педагогика, 1989. - 160с.

**Отцовство, как фактор превенции и профилактики психических расстройств
и
поведенческих нарушений**

Черткова О.А., Устянина Ж.Г., Селедцов А.М.

ГКУЗ КО «Кемеровская областная клиническая психиатрическая больница».

ГБОУ ВПО «Кемеровская Государственная Медицинская Академия»

Минздрава России, г. Кемерово, Россия

olga.alex.chertkova@mail.ru

В статье раскрывается причинно-следственная обусловленность возникновения психических расстройств депривацией базовых потребностей в условиях слабого отцовского начала в семейных отношениях с рассмотрением точек зрения разных направлений психологических школ, которые подтверждают гипотезу детерминации неврозов, девиаций в отношениях разного уровня, акцентуации черт с психопатоподобным рисунком поведения и защитной агрессии, вне зависимости от гендерных различий пациентов. Статья может представлять интерес для практикующих психологов, психотерапевтов, врачей, заинтересованных педагогов, ищущих ответов родителей.

Ключевые слова: феномен отцовской депривации, невроз, девиантный паттерн, агрессия, полоролевые отношения, ценностно-смысловая сфера семейного круга.

Предотвращение психических расстройств на сегодняшний день выступает приоритетом общественного здравоохранения и вопрос качественной профилактики встаёт с особой напряжённостью в силу многогранности аспектов проблемы. Социология и биология внесли существенную ясность в понимание роли факторов риска и защиты в формировании путей развития психических расстройств и неудовлетворительного состояния психического здоровья. Многие из этих факторов поддаются, всё же, воздействию и являются потенциальными областями приложения для

профилактических и других соответствующих мер. Для внедрения в практику доступен широкий спектр основанных на доказательствах принципов и стратегий (в дополнение к специфическим для конкретных психических расстройств), которые позволяют предотвращать развитие психических расстройств и поведенческих нарушений. Установлено, что превентивные стратегии смягчают факторы риска, усиливают защитные ресурсы, редуцируют психопатологическую симптоматику и даже предотвращают развитие некоторых психических расстройств; они также улучшают состояние психического и физического здоровья и генерируют социальные и экономические преимущества. По данным исследований, факторы риска и защиты и их связи с развитием психических расстройств по своему характеру подразделяются на индивидуальные, семейные, социальные, экономические и средовые. Наличие множественных факторов риска в отсутствие защитных и взаимодействие опасных и защитных ситуаций в основном дают кумулятивный эффект, что предрасполагает индивидов к нарушениям в психической сфере, далее к повышенной уязвимости, затем возникает психическое расстройство и наконец, развернутая клиническая картина тяжелого психического заболевания.

В этой статье мы не будем говорить об основных социально-экономических и средовых детерминантах психического здоровья и среди индивидуальных и семейных факторов риска и защиты из биологических, эмоциональных, когнитивных, поведенческих и межличностных или связанных с семейным контекстом, которые могут оказывать самое сильное влияние на психическое здоровье в особенно чувствительные периоды жизни в силу их влияния на передачу опыта от одного поколения другому, рассмотрим феномен отцовской депривации. По нашим наблюдениям и результатам экспериментально-психологических исследований, он выступает одним из главных в череде факторов риска у потомства по возникновению эмоционально-волевых и поведенческих расстройств, алкоголизации и наркомании.

В отсутствие необходимого компонента межличностного семейного общения, у индивида формируется дефект интерактивного культурогенеза с дефицитом условий развития личности и возникает ситуация девиантного паттерна, в силу чего личность

субъективно ощущает свою ущербность и компенсирует её в различных формах девиантного поведения и виктимности.

Индикаторами указанных нарушений выступают: 1) тревожность, определяемая в большей степени, не реальной ситуацией, а личностными свойствами человека, что препятствует нормальному адаптивному поведению, вызывая чрезмерные функциональные сдвиги в психофизиологической системе организма; 2) напряжённость с гиперестезическими реакциями на ранее нейтральные раздражители, превышающими значение стимула.

Условием активизации девиантного паттерна с ростом компенсаторных тенденций, по мнению Эриксона, представляется «базовое недоверие», которое является ключевым для понимания многих проблем современного человека. Большинство фобий и неврозов, некоторые виды криминального поведения объяснимы, если подходить к ним с точки зрения - доверяет или нет индивид миру, людям и, в конечном итоге, себе самому. Человек, доверяющий себе и миру, строит долговременные теплые отношения, он более успешен в работе, его поведение отличается большей гибкостью, он легче воспринимает все новое. Люди, выросшие без отцов, априори отверженные ими без вины и так до конца не разобравшиеся с противоречивыми чувствами потребности в принятии и любви, высокой оценки своей личности и демонстрацией широкого спектра защит с регрессией, вытеснениями, рационализацией, зачастую сексуализацией и агрессивными вымещениями под масками жажды справедливости по эксплозивному типу внешних проявлений у возбудимых эпилептоидов, Непринятые вчерашние дети чувствуют себя ущербными, не понимая источника дефицита, не уверены в себе и имеют крайне низкую самооценку и уровень притязаний. Отсюда вполне рельефно выступает корреляция роли семьи в этиологии неврозов, что подтверждают и наши экспериментально-диагностические исследования, и мнения корифеев (Карвасарский Б. Д.1982; Мягер В.К; Мишина Т.М. 1979; Захаров А.И. 1982), которые также большое внимание уделяют роли семейных факторов в этиологии различных форм невротических расстройств. Особенно показательны в этом отношении данные клинического изучения проблемы с акцентом на рассмотрении семейных взаимоотношений пациентов (Свядош А. М., 1982), где доказано, что заболеваемость

человека неврозом в немалой степени зависит от условий, в которых он воспитывался, стиля, типа воспитания. При этом воздействие родительской семьи простирается весьма далеко, проявляясь, в то время, когда индивид уже сформировал и собственную семью, где особенно значимо воздействие на него системы сформированных в детстве ценностей и отношений и уже взрослый больной проживает в настоящее время (супружеской семьи, взаимоотношении между родителями и детьми, а также старшим поколением, семьями бабушек и дедушек).

При проведении экспериментально-психологических обследований на этапе сбора анамнестических сведений у наших пациентов, вопросам их отношений в семье, и, в частности, отношений обследуемых с их отцами, мы уделяем особое внимание: на каком этапе жизни последний исчез из поля зрения ребёнка. Драматизм частных ситуаций подтверждает общую тенденцию и складывается при этом в общую мозаику: от первоначального неприятия с равнодушием, в лучшем случае, или вообще отказом от факта, до позднего подросткового возраста отверженного ребёнка с отсутствием отца в особенно чувствительные моменты социального научения и принятием потомством уже к себе полоролевых расстановок в собственных, искажённых девиациями, отношениях.

Психоаналитический подход корни формирования заявленной проблемы видит в реализации верхнего блока личностных структур - Супер-Эго, который обеспечивает социальную приемлемость внешнего поведения, контроль, цезуру над проявлениями энергетических резервуаров «либидо» и представляет собой интернализированную версию общественных норм и стандартов поведения, становясь результатом «присвоенных» родительских ценностей. В то время, когда мать даёт ребёнку безусловные любовь и принятие, любовь отца – служит «наградой» за выполнение каких-либо предписаний и одновременно предоставляет защиту.

И с точки зрения Э. Фромма, отцовская любовь по сравнению с материнской - любовь "требовательная", условная, которую ребенок должен заслужить. Она не является врожденной, а формируется на протяжении первых лет жизни ребенка. Для того чтобы заслужить отцовскую любовь, ребенок должен соответствовать определенным социальным требованиям и отцовским ожиданиям в отношении способностей, достижений, успешности, что также соотносится с психоаналитической

традицией. Любовь отца служит как бы наградой за успехи и хорошее поведение. В ребенке для отца воплощена возможность продолжения рода, поскольку в соответствии с традиционными нормами, мужчина должен воспитать наследника как продолжателя рода, хранителя традиций и родовой памяти. Таким образом, отец выполняет функцию социального контроля и является носителем требований, дисциплины и санкций.

Согласно представлениям А. Адлера, роль отца в воспитании заключается в поощрении активности, направленной на развитие социальной компетентности. Если мать предоставляет ребенку возможность ощутить интимность человеческой любви, то отец проторяет ему путь к человеческому обществу. Отец является для детей источником познаний о мире, труде, технике, способствует формированию социально полезных целей и идеалов, профессиональной ориентации.

Отсутствие же отца отрицательно сказывается на учебной успеваемости и самоуважении детей, как девочек, которые со временем становятся лёгкой добычей для разного рода манипуляций - чаще именно эти девочки подвергаются насилию и строят отношения с мужчинами маргинального склада, так и мальчиков, которым труднее дается усвоение мужских половых ролей и соответствующего стиля поведения. Поэтому они чаще других гипертрофируют свою маскулинность, проявляя агрессивность, грубость, драчливость и т.д. Наличие статистической связи между отсутствием или слабостью отцовского начала и гипермаскулинным или агрессивным поведением (насилие, убийства и т.п.) демонстрируют и кросскультурные исследования. Анализ протоколов экспериментально-психологических обследований пациентов и анамнестических сведений показывают отсутствие отцов у 93% респондентов и когда опыт подражания социальному поведению взрослых мужчин своего круга уже приобретён, наряду с индивидуальными чертами характера и межличностными отношениями в семье, на качество жизни взрослого уже мужчины влияет также и память о собственном отце, если он был знаем вчерашним ребёнком. Моделируя отца по законам функционирования бессознательной сферы и в зависимости от содержания и качества межличностных отношений в близком кругу, человек «присваивает», интериоризует социальные роли, что, чаще всего, определяет рисунок поведения взрослого мужчины.

Также и в отношениях женщин, стереотипы чего закладывается с детства, а поддерживается и формируется всю жизнь. В воспитании отношения к женщине самую большую роль играет именно пример родителя – отца, все слова которого об уважении к женщине моментально теряют смысл, если он сам проявляет грубость по отношению к жене. Отмечено, что в неполных или полных проблемных семьях имеются и другие проблемы: материальные трудности, суженный круг внутрисемейного общения, от которого немало зависят воспитательные возможности. Женщина - мать, лишенная мужской поддержки, часто психологически травмирована, что отражается и на ее отношении к детям. Имитируя отцовскую строгость и требуя от детей дисциплины, некоторые одинокие матери больше заботятся о формальном послушании, успеваемости, вежливости и т. п., нежели об эмоциональном благополучии ребенка. Другие, напротив, прямо признают свое бессилие. Третьи чрезмерно опекают детей, особенно единственных, пытаясь оградить их от всех действительных и воображаемых опасностей. Хотя такое невротическое чувство кажется бескорыстным и даже жертвенным, оно крайне эгоистично и отрицательно сказывается на ребенке. Чрезмерно опекаемый, заласканный ребенок вырастает пассивным, физически и морально слабым или же начинает бунтовать. Сильная зависимость от матери часто сочетается и с чувством враждебности к ней. Взаимосвязь между психическим и физическим здоровьем существует и в этиологии сердечно-сосудистых заболеваний. Вообще, психическое и соматическое самочувствие также может быть связано общими факторами риска, например, даже плохое жилье может усугублять ситуацию.

Зачастую дети идеализируют отсутствующего отца, наделяя воображаемые отношения с ним романтическим содержанием и отказываясь принять, как факт, незаслуженную депривацию родного человека.

Формирование «Я-концепции» как восприятие человеком самого себя в результате опыта и его интерпретации, полученной от окружающих людей, в условиях отцовской депривации происходит одновременно с социальной стигмой по типу «гадкого утенка», непринятого средой и готового на смерть, чтобы не терпеть мучительной боли отверженного. Сформированные концепции о себе на основе личного опыта и идентификации со значимыми другими, о том, как функционирует мир, подкрепляются

опытом научения и, в свою очередь, влияют на формирование других убеждений, ценностей и позиций, замыкая порочную круговую зависимость отношений. Здесь, в том числе, и следует искать корни девиаций, когда морально-нравственные ценности не сформированы или подверглись жестокой деструкции, но «переживание глубокой смыслоутраты вследствие неудовлетворения потребностей в признании, понимании, самоактуализации, уважении собственного достоинства и других духовных и социальных потребностей» (Франкл В) фрустрирует человека и в результате экзистенциального вакуума возникают ноогенные или экзистенциальные депрессии и неврозы, с непреодолимой потребностью компенсации в любой доступной форме, которая зачастую носит девиантный характер. В свете изложенного, вопрос коррекции семейных представлений и патологизирующих ролей представляется крайне важным превентивным фактором поведенческих нарушений и психических расстройств непсихотического регистра особенно в работе с молодёжью с ранних этапов идентификации и нравственного самоопределения, что рекомендовано и в сугубо практических целях (Семинович С.Б., 1990) - «это имеет значение ещё и потому, что открывает существование таких внезологических факторов, которые способны определять течение и исход заболевания в большей мере, чем биологические закономерности, присущие болезни», тем более, что описанные нарушения возникают, в первую очередь, в ситуации «духовного кризиса личности и этот диагноз является правомерным и служит дополнением к психиатрическому диагнозу» (там же). Как утверждает основоположник отечественной психосоциальной реабилитации Мелехов Д.Е (1977): «духовное выздоровление может привести к психиатрическому и физическому выздоровлению» и высказывание В. Франкла, одного из основоположников экзистенциального направления, звучит почти в унисон: «Духовное измерение - высшее измерение человеческого бытия. Духовное бездействие ведёт к заболеванию психики, дезорганизации психики и личности» (1990). Хочется также привести цитату из недавно изданной монографии В.П. Коханова и В.Н. Краснова «Психиатрия катастроф и чрезвычайных ситуаций», которая вселяет надежду на дальнейшее развитие гуманитарных основ и аспектов российской психиатрии: «Неспособность личности... найти личностный смысл, а также невозможность

реализовать свои жизненные и морально-нравственные потребности приводят к развитию устойчивых состояний, в основе которых лежат переживания отчаяния, тоски, безнадежности, апатии. В то же время переживания, связанные с высокими устремлениями, идеалами, как и социальные эмоции и чувства, способны не только повысить устойчивость психики человека к различным внешним воздействиям, но и преодолеть его собственную биологическую ограниченность» (Коханов В.П., Краснов В.Н., 2008).

В заключении хочется сказать, что профилактические вмешательства должны быть направлены на поддающиеся воздействию детерминанты, в том числе и специфические для болезни, а также на более типичные факторы риска и защиты, общие для некоторых нарушений в психической сфере и психических расстройств. Вмешательства, эффективно воздействующие на указанные типичные факторы, могут давать широкий спектр превентивных эффектов. Следует принять во внимание, что в выборе профилактических мероприятий указанных расстройств прослеживается устойчивая корреляция с рядом вопросов бытийного порядка, что требует комплексного подхода с глубоким изучением болезненных проявлений и организации психопрофилактических мероприятий, ориентированных, главным образом, в психопросветительском и образовательном направлении с освещением вопросов идентификации и гендерных ролей в семейных отношениях.

Список литературы

1. Асмолов А. Г. Личность как предмет психологического исследования. М., 1984.
2. Асмолов А.Г. Психология личности. М., 1990.
3. Батаршев А.В. Тестирование. – М.: Дело, 2003 . – 240с.
4. Березин Ф. Б., Мирошников М. П., Соколова Е.Д. Методика много-стороннего исследования личности. — М., 1994.

5. Гинзбург М.Р. Психологическое содержание жизненного поля личности старшего подростка // Мир психологии и психология в мире. - 1995.
6. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. – СПб.: Питер, 2004. – 509с.
7. Коханов В.П., Краснов В.Н. Психиатрия катастроф и чрезвычайных ситуаций.–Практическая медицина. 2008. – 448с.
8. Мелехов Д.Е. «Теоретические и организационные основы реабилитации психически больных в СССР». - М., 1977.
9. Пряжников Н.С., Пряжникова Е.Ю. Психология труда и человеческого достоинства. – М.: Академия, 2003 . – 480с.
10. Ролз Дж. Теория справедливости. – Новосибирск, 1995.
11. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – М.: Питер, 2002. – 720с.
12. Столяренко Л.Д. Основы психологии. – Ростов н/Д.: Феникс, 2003. – 448с.
13. Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник / Пер. с англ. и нем. Д. А. Леонтьева, М. П. Папуша, Е. В. Эйдмана. — М.: Прогресс, 1990. — 368 с.
14. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. Т. 2. — М., 1986.
15. Шмелев А. Г. Психодиагностика личностных черт. — СПб., 2002.
16. Ясперс К. Об условиях и возможностях нового гуманизма. – СПб., 1962.

Социокультурная реабилитация семьи, воспитывающей ребенка с ограниченными возможностями здоровья (опыт взаимодействия семьи и школы)

Шумакова О.А.

Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Южно-Уральский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, г. Челябинск, Россия

olgash37@yandex.ru

Аннотация: В статье представлен опыт деятельности образовательного учреждения по поддержке семьи, воспитывающей ребенка с ограниченными возможностями здоровья. Раскрыты типичные проблемы, встречающиеся в инклюзивной практике, ключевые позиции по преодолению трудностей социокультурной реабилитации с учетом уникальных характеристик школы. Представлен перечень мероприятий взаимодействия семьи и школы по обеспечению позитивной вертикали инклюзии (позитивного движения вперед) детей с ОВЗ.

Ключевые слова: инклюзия, дети с ограниченными возможностями здоровья, социокультурная реабилитация.

Категория детей со сложными сочетанными нарушениями в развитии – это особая категория обучающихся. Для них характерны, как правило, низкие показатели обучаемости, адаптивности, здоровья в целом. До последнего времени считалось, что система образования не может оказывать продуктивную помощь этим детям, и их обучение сводилось в большинстве случаев к надомному и проведению посильных коррекционно-обучающих мероприятий. Образование и «вхождение в жизнь» так называемого «сложного» ребенка оставалась трудноразрешимой задачей его семьи. Опыт зарубежных стран (Германии, Японии, Испании, Италии и др.), напротив, указывает на то, что дети с ограниченными возможностями здоровья, в том числе со

сложными сочетанными нарушениями в развитии успешно адаптируются в социуме, становятся не только социальными, но и социально успешными. Российский опыт пока в решении проблемы недостаточно широко представлен, но уже отмечаются поступательные шаги в комплексном решении проблемы, например, в 2013 году в Законе «Об образовании в РФ» отдельным пунктом закреплено осуществление инклюзивного образования, что в правовом поле снимает барьеры-ограничения в получении образования детьми-инвалидами.

Особое внимание работе с детьми, имеющими различные нарушения в развитии, уделено в системе отечественного образования посредством реализации принципов доступности и качества коррекционного образования. Об этом, в частности, свидетельствуют действующие руководящие документы разного уровня: Закон РФ «Об образовании» с изменениями и дополнениями; национальная образовательная инициатива «Новая школа»; Типовое положение о специальном (коррекционном) образовательном учреждении для обучающихся, воспитанников с ограниченными возможностями здоровья, региональные и муниципальные нормативные документы и др.

Анализируя нормативно-правовую базу и ресурсы нашего учреждения, мы поставили *особые акценты в понимании проблемы инклюзии детей с ограниченными возможностями здоровья, детей-инвалидов со сложными сочетанными нарушениями в развитии (далее – дети с ОВЗ):*

во-первых, для успешной инклюзии требуется последовательное, поэтапное, поуровневое социальное и профессиональное взаимодействие, что может быть обеспечено в процессе сетевой согласованной деятельности учреждений образования, культуры, здравоохранения и др. на всех ступенях образования – дошкольного, школьного и постшкольного;

во-вторых, необходим новый подход к принципиальным позициям учебно-воспитательной системы коррекционного учреждения с оптимальной ориентацией на социокультурную среду, интериоризация которой способствует гармоничному созреванию личности;

в-третьих, социальная интеграция детей как высшая ступень социализации успешна при одновременной дифференциации, способствующей поддержанию и укреплению «ресурса безопасности» в индивидуальном и личностном аспекте ребенка-инвалида.

Опыт традиционной системы коррекционно-развивающей деятельности с данной категорией детей заключается в создании адаптивной образовательной среды с представленным комплексом психолого-педагогических и медико-социальных услуг в целях дальнейшей социализации либо социально-средовой адаптации учащихся и воспитанников коррекционного учреждения.

Проблемно-ориентированный анализ теории и практики воспитания и социализации детей со сложными сочетанными нарушениями в развитии, выявил следующий ряд ключевых проблем, которые затрудняют положительную динамику инклюзии:

1. Достаточно высокая степень социальной пассивности обучающихся, преобладание позиции «потребителя» социальных услуг, а не активного их создателя или «со-трудника». Данная позиция проявляется в школьной жизнедеятельности обучающихся и экстраполируется после окончания школы в личную, общественную и трудовую жизнь, а зачастую приводит и к изоляции от социума.

2. Недостаточная сформированность социокультурных качеств, приводящая к рассогласованию личностной зрелости ребенка и интенсивно изменяющегося социума, отставание траекторий личностного развития от требований социокультурной среды, смещение акцентов на медико-реабилитационные способы сопровождения социализации вместо гармонизированного, учитывающего все стороны воспитательного коррекционно-развивающего процесса социализации личности совместно с социальным окружением. Исследование мнения родителей обнаружило заинтересованность в необходимости эффективного решения данных вопросов.

3. Слабая координация звеньев педагогической системы образовательного учреждения на уровне внутреннего взаимодействия, «замыкания» проблемы работы со «сложными» детьми на службе медико-психолого-педагогического сопровождения, что ограничивает ресурсы инклюзии детей с ОВЗ.

4. Эффект деятельности образовательного учреждения является «парниковым», когда ребенок-инвалид может жить полноценно только в стенах образовательного учреждения, и выход в социум воспринимается и проживается ребенком и его семьей как стресс, в результате которого принимаются решения отчуждения от социума, происходит угасание социализации.

Вполне очевидно, что такой подход отражает реализацию минимальных возможностей образовательного учреждения и способствует лишь ситуационному, неустойчивому результату социальной адаптированности личности ребенка с ОВЗ. Нашей же стратегией в решении проблемы стала социокультурная реабилитация семьи в совместных целенаправленных действиях образовательного учреждения по обеспечению позитивной вертикали инклюзии (позитивного движения вперед) детей с ОВЗ. Наше образовательное учреждение – школа-интернат № 4 г. Челябинска – активно разрабатывает и реализует программы социальной инклюзии детей-инвалидов в совместном взаимодействии с семьей. Мы предлагаем ознакомиться с нашим опытом. Поясним нашу *идею*. При проектировании инклюзивного образовательного процесса школы-интерната мы исходили из следующих позиций:

- *образовательный процесс должен быть открытым*; открытость подразумевает под собой способность и возможность всей учебной и воспитательной системы учреждения быть взаимосвязанной с реальным социумом, гармонично и гибко меняться в соответствии с изменяющимися социальными условиями и культурной средой; социального партнерства – непрерывного сотрудничества с организациями разного типа, вида, формы собственности, а также с физическими лицами;

- *педагогические действия должны быть адресными*, то есть должны отражать потребности детей с разным исходным уровнем обучаемости, разным темпом и особенностями развития, вариациями включения в процесс обучения (в отличие от ориентированности на «среднего» ученика со сходной патологией), быть составной частью индивидуальной программы инклюзии ребенка с ОВЗ; толерантности – принятия и понимания потребностей и особенностей всех участников инклюзивного образовательного процесса;

• *коррекционно-образовательные технологии должны сосредотачивать целесообразное единство инвариантных, традиционно сложившихся и позитивно зарекомендовавших себя способов коррекционно-развивающей, медико-реабилитационной, социально-педагогической, психолого-педагогической деятельности, и вариативных, инновационных, новаторских и экспериментальных разработок (например, нами разработанные разноуровневые элективные курсы, поэтапные программы социально-трудовой подготовки и др.);*

• *процесс инклюзии должен быть непрерывным и охватывать дошкольную, школьную и постшкольную ступени развития ребенка с ОВЗ, опираясь на идею объединения основных аспектов социальной инклюзии – социально-психологического (самопознание и освоение микросоциума), социально-бытового (позиционирование себя в семье и освоение мезосоциума), социально-трудового (обучение общественно-полезному труду и освоение макросоциума);*

• *здоровьесбережения и безопасности – учета индивидуальных резервов здоровья всех участников образовательного процесса, приоритет ценности здоровья в деятельности и отношениях;*

• *целью и результатом инклюзивного образовательного процесса должна стать семья и каждая личность, активно включенные в социальные отношения, способные быть самостоятельными, востребованными и удовлетворенными в социальных отношениях.*

Цель деятельности учреждения: разработка, апробация и распространение психолого-педагогических, методических разработок, способствующих эффективной социокультурной реабилитации семьи, обеспечивающей позитивную инклюзию детей с ОВЗ.

Задачи педагогического коллектива школы-интерната:

1. Разработка методик и технологий организационно-педагогического, методического и психолого-педагогического сопровождения процесса инклюзии детей со сложными сочетанными нарушениями в развитии.

2. Консультационная и научно-методическая поддержка деятельности образовательных учреждений региона по развитию инклюзивного образования.

3. Проведение информационно-просветительской работы среди педагогических работников и социального окружения.

4. Реализация инклюзивной образовательной практики в образовательном учреждении с публикацией ее результатов.

5. Распространение опыта инклюзивной образовательной практики путем участия в научно-практических конференциях, проведения обучающих семинаров, мастер-классов с использованием современных информационных технологий, публикации выводов передового опыта.

Внутренние ресурсы учреждения: научные, методические, информационные, кадровые, организационные укрепляют уникальные возможности школы-интерната, которые позволяют наиболее полно и всесторонне решать задачи социокультурной реабилитации семьи:

- комплексная адресная помощь ребёнку (медико-психолого-педагогическое сопровождение ребёнка) на протяжении всего процесса обучения;
- наличие в штате специалистов всех профилей (учителя-логопеды, психологи, учителя-предметники, воспитатели, педагоги дополнительного образования, социальный педагог, врачи - ортопед, психиатр, невропатолог, педиатр, стоматолог, офтальмолог, иглорефлексотерапевт, инструктор ЛФК);
- обширный спектр бесплатных медицинских услуг (дети получают 2-3 полных курса лечения в год) – массаж, озокерит, подводный душ-массаж, лечебные ванны, различные виды электролечения и т.д.;
- охват детей в возрастном диапазоне от 3 лет до 21 года;
- обучение и воспитание по ступеням: дошкольное образование, начальное общее образование, основное общее образование, среднее (полное) общее образование;
- опыт реализации четырех вариантов учебного плана СКОУ VI вида:
 - для детей, имеющих нарушения опорно-двигательного аппарата;
 - для детей, имеющих нарушения опорно-двигательного аппарата и задержку психического развития;
 - для детей, имеющих нарушения опорно-двигательного аппарата и умственную отсталость;

- для детей, имеющих нарушения опорно-двигательного аппарата и умеренную умственную отсталость;

- опыт обучения и воспитания детей, имеющих нарушения опорно-двигательного аппарата (различные патологии) в сочетании с задержкой, нарушением умственного развития, ранним детским аутизмом, нарушениями зрения и слуха, различными психопатическими расстройствами;

- охват детей, проживающих в Челябинске и Челябинской области (наличие интернатного отделения с круглосуточным пребыванием детей);

- непрерывное взаимодействие с семьей.

Механизмы реализации задач

Система социокультурных взаимосвязей. Проведение непрерывной социальной информационно-просветительской работы. Создание целесообразной базы данных организаций, социальных партнеров, физических лиц, привлекаемых к решению поставленных задач. Разработка и реализация технологии социального партнерства и диалога с обществом.

Активизация кадрового ресурса. Создание условий позитивного профессионального развития педагогов, обеспечение комфортного для творческой деятельности микроклимата в педагогическом коллективе, проведение педагогических мастерских, материальное стимулирование.

Обновление информационных ресурсов. Пополнение библиотечного фонда, еженедельное обновление сайта учреждения. Поиск и внесение в базу данных информации о тенденциях развития инклюзивного образования в регионе, стране, за рубежом.

Совершенствование методических ресурсов. Организация разработки и апробации учебно-методических комплексов по обучению и воспитанию детей с умеренной умственной отсталостью. Систематизация учебно-методического обеспечения по классам обучения (с первого по двенадцатый). Разработка структуры и содержания индивидуальных программ инклюзии и их реализация на практике.

Обновление организационных ресурсов. Создание и поддержка творческих инициативных групп педагогов и родителей. Использование современных информационных и коммуникационных технологий при решении основных задач

деятельности. Повышение компьютерной грамотности участников образовательного процесса.

Оптимизация экономических ресурсов. Привлечение бюджетных средств для выполнения проекта. Оснащение ресурсного центра с учетом содержания процесса достижения поставленных целей.

Деятельность образовательного учреждения распределяется относительно цели и задач в четыре компонента:

- социокультурный; научно-практический; психолого-педагогический; учебно-методический.

Реализация каждого компонента осуществляется в двух направлениях: проектирование инклюзивной практики и ее распространение в системе образования; осуществление инклюзивной практики во взаимодействии с семьей. Другими словами, социокультурная реабилитация семьи, воспитывающей ребенка с ОВЗ не является специально «насаждаемым» процессом, а «мягко», на основе психолого-педагогического взаимодействия семья включается в социальные отношения, снимая внутренние психологические барьеры и находя новые пути приобретения социального благополучия. Этот процесс подкрепляется психолого-педагогической, научно-практической и учебно-методической поддержкой со стороны школы.

Социокультурный компонент программы

Социокультурный компонент – отражает разработку технологии проектирования системы внешних связей учреждения на основе принципа открытости образовательного процесса, создания инвариантной социокультурной части содержания индивидуальной траектории инклюзии.

Продуктом реализации компонента является:

- технологическая карта системы внешних связей образовательного учреждения;
- инвариантное содержание программы инклюзии детей со сложными сочетанными нарушениями в развитии
- реальное включение семьи в социокультурные отношения.

<i>Планируемые мероприятия</i>	<i>Имеющийся у учреждения методический ресурс</i>
Разработка и проведение социальных акций с привлечением социальных информационных партнеров	
<p>1) Межведомственные акции:</p> <ul style="list-style-type: none"> • «Образование всем детям» • «Защита» • «Дети улиц» • «За здоровый образ жизни» • «Подросток» <p>2) Активизация внешних связей с профильными кафедрами высших образовательных учреждений.</p> <p>3) Привлечение благотворительной и спонсорской помощи организаций-партнеров.</p> <p>4) Актуализация информационного партнерства со средствами массовой информации (сайты , телевидение)</p>	<p>Разработаны рабочие программы для работы с детьми с умеренной умственной отсталостью:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Практикум по освоению окружающего мира (с выходом в естественную социокультурную среду). 2. Знакомство с искусством (с приглашением театральных групп в учреждение). 3. Ролевая игра «Профессия». <p>Разработаны программы социальной инклюзии для детей со сложными сочетанными нарушениями в развитии в условиях воспитательной работы учреждения</p>
Разработка методов и приемов привлечения общественности к совместным социокультурным мероприятиям	
<p>-Фестиваль рисунков на асфальте «Моя мечта».</p> <p>-Дистанционное взаимодействие с детьми с ОВЗ из других школ города и области</p>	<p>Разработаны рабочие программы проведения фестивалей.</p> <p>Внедрена методика дистанционного взаимодействия.</p> <p>Разработаны технологические карты деятельности привлеченных волонтеров, студентов, старшеклассников к сопровождению детей со сложными сочетанными нарушениями в развитии в социокультурных мероприятиях</p>
Проектирование программ социального просвещения путем активизации сайта учреждения	
<p>Создание интерактивной странички «Наши достижения» для размещения проделанной работы, фотографий, видео.</p> <p>Привлечение студентов вузов города для наполнения информации о событиях в культуре и искусстве региона</p>	<p>Функционирует сайт с еженедельным обновлением информации.</p> <p>Создан документальный фильм о наших детях</p>
Проведение областного дистанционного конкурса творческой деятельности (номинации-фото, поделка, презентация)	

Разработка Положения о проведении областного интерактивного дистанционного конкурса детского творчества «Мой мир» с номинациями «Фото», «Презентация», «Поделка». Проведение конкурса. Распространение информации о конкурсе в социуме и образовательной системе	Разработана и проводится ежегодная акция «Лепка из пластилина «Слепи жизнь»». В учреждении работают непрерывные конкурсы изобразительного творчества, фотодела, компьютерного дизайна
Выставка работ (с социальным заданием «Подпиши рисунок»)	
Разработка Положения о проведении областной выставки рисунка детей-инвалидов с социальным заданием «Подпиши мой рисунок». Проведение выставки	В учреждении на постоянной основе проводится выставка рисунков детей-инвалидов со сложными сочетанными нарушениями в развитии
Информирование и подготовка к участию в конкурсах разного уровня и содержания детей с ОВЗ	
Создание красочной, «пульсирующей» доски объявлений на официальном сайте школы	Действующие мероприятия в учреждении: -раздел новостей на сайте учреждения; -родительские собрания; -активная электронная почта; -активный интернет-форум; -буклеты и т.п.

Научно-практический компонент

Научно-практический компонент – представляет систему научно-практических мероприятий по обобщению передового отечественного и зарубежного опыта в решении проблемы, разработки программ обмена опытом, педагогических мастерских; разработки и проведения тематических конференций, круглых столов, текущих и итоговых совещаний, консультаций; продвижение публикаций опыта ресурсного центра в научно-практических изданиях.

Продуктом реализации компонента являются:

- -разработанная и поведенная открытая интерактивная лекция-семинар «Инклюзивная практика детей с ОВЗ в России и за рубежом»;
- -разработанные и проведённые научно-практические мероприятия;
- публикации педагогического коллектива;

- рекомендации по интеграции учебных планов и составлению части образовательной программы «Психолого-педагогическая реабилитация».

<i>Планируемые мероприятия</i>	<i>Имеющийся у учреждения методический ресурс</i>
Содержание и мультимедийное демонстрационное наполнение по теме лекции «Инклюзивная практика детей с ОВЗ в России и за рубежом»	
Разработка и проведение интерактивной лекции-семинара с педагогами школы и региона с размещением дидактических мультимедийных материалов на сайте учреждения	Проведен подбор теоретического материала и аналитических данных по проблеме инклюзивного образования детей с ограниченными возможностями здоровья и детей-инвалидов
Разработка и реализация программ обучающих семинаров, тренингов для педагогов, тьюторов, реализующих инклюзивную практику	
Разработка рекомендаций для управленческого аппарата учреждения по обучению педагогического коллектива основам педагогического проектирования процесса инклюзии ребенка с ОВЗ	Рабочие программы по повышению отдельных профессиональных компетенций педагогов
Разработка рекомендаций по интеграции учебных планов и составлению части образовательной программы «Психолого-педагогическая реабилитация»	
Разработка рекомендаций. Обсуждение рекомендаций на открытом педагогическом совете учреждения. Распространение рекомендаций в образовательной системе региона	Разработана образовательная программа учреждения. Разработаны программы психолого-педагогического сопровождения адаптации и реабилитации детей со сложными сочетанными недостатками в развитии
Участие в форумах и конференциях	
Программа работы круглого стола в контексте целей и задач проекта и режима работы форума	Разработана и используется технология проведения круглого стола с различным составом участников
Программа мастер-класса в контексте целей и задач проекта и режима работы конференции	Разработана и используется технология проведения мастер-класса
Проведение тематических педагогических мастерских для педагогов системы образования региона	

Комплекс педагогических мастерских: 1) Мастерская директора. 2) Мастерская педагога-организатора. 3) Мастерская психолога. 4) Мастерская учителя-воспитателя. 5) Мастерская педагогического проектирования	Технология проведения педагогической мастерской с использованием современных мультимедиа технологий
---	---

Психолого-педагогический компонент

Психолого-педагогический компонент – отражает систему мероприятий по поддержке семьи ребенка со сложными сочетанными нарушениями в развитии, психопрофилактику и психокоррекцию профессионального выгорания педагогов, работающих с данной категорией обучающихся.

Продуктом реализации компонента являются:

- программы психологической поддержки семьи и педагогов, осуществляющих инклюзивную практику;
- программы и рекомендации для педагогов-психологов по психолого-педагогическому сопровождению инклюзивного образования детей со сложными сочетанными нарушениями в развитии.

<i>Планируемые мероприятия</i>	<i>Имеющийся у учреждения методический ресурс</i>
Разработка программы психологического обучения родителей ребенка с ОВЗ	
Программа тренинга межличностного общения в семье, воспитывающей ребенка-инвалида	Разработан и апробирован курс «Школа родительского успеха»
Разработка перечня актуальной тематики психологических консультаций для педагогов-психологов образовательных учреждений, осуществляющих инклюзивную практику	
Выявление локуса потребностей субъектов образовательного процесса с инклюзивной практикой. Разработка тематики консультаций на основе выявленных потребностей. Разработка пакета мультимедийного сопровождения к психологическим консультациям	Разработаны рекомендации по актуальным проблемам коррекционного образовательного процесса. Разработан и включен в деятельность психологической службы комплект раздаточного информационного материала по

	разработанным темам
Рекомендации по профессионально-личностному росту и активизации факторов удовлетворенности от собственной деятельности педагогов инклюзивной практики	
Составление личностного компонента профессиограммы педагога инклюзивной практики	Разработана и апробирована деловая игра для педагогов по освоению позитивной педагогики. Проводятся психологические консультации по запросу педагогов
Реализация психологических методик профилактики эмоционального выгорания педагогов инклюзивной практики	
Разработка и проведение тренинга предупреждения эмоционального выгорания педагогов	Проводятся плановые и по запросу деловые игры по профессиональному росту педагогов

Учебно-методический компонент

Учебно-методический компонент – включает систему мероприятий по разработке, апробации, корректировке эффективных программ инклюзии детей со сложными сочетанными нарушениями в развитии. В качестве основного вида деятельности выступает педагогическое проектирование.

Продуктом реализации компонента являются:

- учебно-методические рекомендации;
- рабочие программы по проблемам инклюзии детей со сложными сочетанными нарушениями в развитии;
- комплектование мультимедийными дидактическими средствами рабочих программ инклюзии детей со сложными сочетанными нарушениями в развитии.

<i>Планируемые мероприятия</i>	<i>Имеющийся у учреждения методический ресурс</i>
Формирование навыков самообслуживания у детей	
Программа системы обучающих игр по формированию навыков гигиены, приема пищи, культуры одежды, самостоятельности в выполнении поручений от элементарных до индивидуально возможных сложных	Технологии игр по темам: -Гигиена -Питание -Одежда Компетентность педагогов в формировании самостоятельности ребенка со сложными сочетанными нарушениями в развитии

Формирование навыков самопрезентации детей	
Программа системы обучающих игр, используемых на учебных занятиях и в домашней работе	<p>1) Технологии игр по темам: «Я в семье» «Кто на свете всех милее?» «Улыбнись маме» «Найди на фотографии своего любимого человека» «Как мама свою детку любит» «Мой любимый дом — как уютно в нем».</p> <p>2) Программы бесед на темы: «Моя семья» «Основа семьи — любовь» «Мой любимый, светлый дом — хорошо и чисто в нем» «Уважение к взрослым» «Помощь малышам»</p> <p>2) Проводится социально-семейный проект «Создание Семейного древа»</p>
Разработка программы эмоционального развития ребенка со сложными сочетанными нарушениями в развитии	
Разработка программы и сопровождающего дидактического материала по эмоциональному развитию детей со сложными сочетанными нарушениями в развитии. Реализация программы в инклюзивной практике учреждения	Технологии игр, занятий, индивидуальных заданий; разработана структура учебно-методического пособия; комплект дидактических материалов, в том числе мультимедийных
Разработка и совершенствование элективных курсов по социально-трудовой подготовке	
Составление программы элективного курса по социально-трудовой подготовке с дидактическим наполнением. Реализация программы в инклюзивной практике учреждения	Рабочие программы формирования трудовых навыков обучающихся. Опыт привлечения детей с умеренной умственной отсталостью к общественно-полезному труду
Разработка элективных курсов по освоению способов социализации на основе современных информационных технологий для детей с ОВЗ	
Составление рабочей программы формирования умений общаться с другими на основе компьютерных технологий (освоение на доступном ребенку уровне компьютерных игр, электронной почты).	Опыт обучения детей работе на компьютере в режиме «печатания»

Реализация программы в инклюзивной практике учреждения	
Разработка элективных курсов по формированию прочных коммуникативных навыков детей с ОВЗ	
Составление программы элективного курса по формированию коммуникативных навыков	Психолого-педагогические программы индивидуального развития детей со сложными сочетанными нарушениями в развитии

Анализ деятельности нашего учреждения в течение трех последних лет привел к констатации того, что нам удалось следующее:

- охватить образовательными услугами детей со сложными сочетанными нарушениями в развитии, что привело к повышению социальной активности их родителей, преодолению изоляции семей детей-инвалидов;
- повысить уровень и качество жизни семей детей-инвалидов и детей с ОВЗ в целом, эффективность их включения в социокультурное пространство;
- активизировать включенность общественных организаций и бизнес-сообщество в решение проблем инклюзии детей-инвалидов;
- повысить компетентность педагогов системы образования в области инклюзии детей с ограниченными возможностями и детей-инвалидов со сложными сочетанными нарушениями в развитии;
- осуществить обмен передовым педагогическим и родительским опытом;
- активизировать педагогических работников к поисковой и исследовательской деятельности в области проблем инклюзивного образования детей с ОВЗ и детей-инвалидов и усилить их взаимодействие с семьей;
- приобщить педагогических работников к педагогическому проектированию, позволяющему создавать новые программы и учебно-методические пособия;
- разработать и реализовать программы психолого-педагогического сопровождения инклюзивного образования детей с ОВЗ и детей-инвалидов;
- осуществить психолого-педагогическую поддержку семьи и педагогов инклюзивной практики;

- разработать и апробировать частные методики по осуществлению инклюзивной практики в образовательном учреждении для детей со сложными сочетанными нарушениями в развитии.

Секция 6. Отношение молодежи к семье

Причинно-следственные связи в рамках проблемы отношения молодежи к гражданскому браку

Басимов М.М.

Российский государственный социальный университет, Москва

basimov_@mail.ru

Ключевые слова: гражданский брак, номинальные и интервальные переменные, причинно-следственные связи, множественное сравнение

Брак – особый общественный институт для регулирования отношений между его гражданами. Это исторически обусловленная, санкционированная и регулируемая обществом форма отношений между полами, между мужчиной и женщиной, устанавливающая их права и обязанности по отношению друг к другу и к детям, своему потомству [1]. Другими словами, брак – традиционное средство формирования семьи и общественного контроля за ней, один из способов самосохранения и развития общества.

Однако одной из характеристик современного российского общества принято считать распространение незарегистрированных союзов, которые в народе обозначают как «гражданский брак». Под «гражданским браком» понимается – сожительство, или фактический брак, или незарегистрированный брак – отношения между партнёрами – «супругами», не оформленные в установленном законом порядке. Отношение